

ИСКЛЮЧЕНИЕ

ДАРЬЯ СОЙФЕР

ЗВЕЗДА РУНЕТА #ПРО ЧУВСТВА

Annotation

Каждая золушка мечтает о принце. Но что делать, если твой принц – мировая знаменитость? В Москву приезжает голливудский актер, и журналистке Лиде Стрельниковой поручают взять у него интервью. Андерс Норберг невероятно красив и притягателен, поэтому девушка с легкостью принимает недвусмысленное предложение, зная, что больше никогда не увидит кинозвезду. Но обстоятельства складываются иначе...

- [Дарья Сойфер](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)

- [Глава 28](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Дарья Сойфер
Исключение

Глава 1

Ничто не могло испортить настроение в такой день. В такой настоящий солнечный весенний день, когда на асфальте уже нет и следа от кучек закопченного снега. Улицы Москвы походили на комнату во время ремонта: уже содраны старые обои, но беспорядок ликвидирован, а ровные и гладкие серые стены выглядят многообещающе.

Лида Стрельникова шагала на работу в твердой уверенности, что случится что-то хорошее. Почки еще не распустились, но на душе была такая легкость, которая бывает только в апреле. Лида несла на работу печенье собственного приготовления и предвкушала посиделки с девочками.

Редакция журнала «Богема», в котором работала Лида, недавно переехала в модный офис в Москва-Сити. Смысл этого перемещения могли оправдать только завышенные амбиции главного редактора. Зато войти в высотку можно было прямо из метро. Лида была довольна: ее прекрасное нежное печенье с цукатами пережило поездку в утренней давке. Она торопливо прошла через зону бутиков в офисную башню. Там, как и всегда, царил истинная ярмарка тщеславия. Отовсюду шагали деловые костюмы, куда ни глянь – сплошные Бриони. Среди всего этого великолепия Лида чувствовала себя голью перекатной, хотя и потратила на плащ половину зарплаты. Самое интересное, что большинство из дорого одетых клерков покупали костюмы в кредит, чтобы пустить пыль в глаза. Обычные парни из провинции, живущие на съемной квартире, готовы были платить бешеные деньги каждый месяц, оплачивать кредит на новенький BMW, часы и костюм представительского класса, питаясь дешевой лапшой.

Лиде это было чуждо, но так получилось, что после иняза она смогла по знакомству устроиться только в журнал «Богема», а для того, чтобы там работать, ей следовало соответствовать названию. Лиде приходилось посещать места, пропитанные пафосом от плинтуса до дверной ручки, общаться с людьми, готовыми лопнуть от завышенной самооценки. Все эти клубы, показы и презентации Лида тихо ненавидела, но больше нигде ей не могли предложить подобную зарплату. По долгу службы Лида обогатила гардероб несколькими дизайнерскими вещами на выход.

Лида зашла в комнату, которую делила с двумя коллегами, скинула плащ и поспешила в конференц-зал на планерку. К счастью, шеф опаздывала, и Лида незаметно просочилась в дальний конец стола.

– Привет, – шепнула она Кате Родионовой, ответственной за колонку красоты.

Та кивнула, но ответить не успела, потому что в зал стремительно зашла Элла Дмитриевна, главный редактор.

Стремительность была едва ли не главной чертой Эллы Дмитриевны Казаковой. Стремительность вкупе с роскошью, язвительностью и легкой надменностью.

– С понедельником, – сухо бросила Элла Дмитриевна и улыбнулась самой далекой от доброжелательности улыбкой. На стол звонко шлепнулась стопка папок. – Итак, что у нас по этому выпуску, – шеф пробежалась взглядом поверх очков по сотрудникам. – Все здесь? Прекрасно. Обзор театральных премьер есть, светская колонка есть... Так, по светской колонке у меня вопросы. Кузнецова?

– Да, – Олеся вяло подняла руку, предчувствуя публичную порку.

– По тексту интервью у меня вопросов нет. Но мне звонил менеджер Зимицкого. Знаешь, что мне сказали?

Олеся покачала головой.

– Что это было последнее интервью нашему изданию, если мы не сменим корреспондента. И знаешь, почему? Потому что ты *попросила автограф*. Молчи! – предупредительно процедила Казакова, увидев, что Олеся собирается что-то сказать. – Лучше молчи. Я не один раз объясняла всем сотрудникам, что мы – солидное издание. Мы не желтая газетенка. У нас должны работать профессионалы, которые могут держать себя в руках. Я понимаю, что Зимицкий – роскошный мужчина, и каждой в этом зале хочется повизжать от восторга при его виде. Автограф просят фанатки. Девочки на улице за ограждениями. Подростки. Но, друзья мои, Кузнецова не думала о том, сколько ей лет и где она работает. Она предложила Зимицкому расписаться где?.. Ну-ну, смелее, ваши версии, господа! Нет вариантов? Я скажу вам. *В зоне декольте*.

Кто-то фыркнул, с трудом сдерживая смех. Олеся Кузнецова опустила глаза.

– Смешно, да? Прекрасно, – протянула Элла Дмитриевна. – В ближайшие полгода Кузнецова будет писать обзоры книжных новинок. В связи с этим у нас вопрос по следующему выпуску: кто будет брать интервью для светской колонки. Работа ответственная, потому что в Москву с премьерным показом фильма приезжает Андерс Норберг.

В зале раздалось несколько восторженных вздохов. Вздыхала в том числе и Катя Родионова.

– Кто это? – шепнула Кате Лида.

– У Стрельниковой есть дела поважнее? – Элла Дмитриевна впиалась взглядом в Лиду.

– Нет, шеф.

– Может, поделишься со всеми своими соображениями?

– Лида спрашивала, кто такой Норберг, – выдала Родионова прежде, чем Лида успела открыть рот.

– Кто такой? Прекрасно. Сразу видно работника светского издания, верхняя губа Казаковой дернулась вверх, словно кто-то потянул ее за невидимую ниточку. – А хотя... это то, что нужно. Стрельникова у нас из иняза, есть несколько хороших обзоров по Европе, выпускать не стыдно. А то, что ты не знаешь Норберга, – к лучшему. Он твой. Передайте, – Казакова выудила файл с распечатками и звонко отправила его на стол.

Лида подождала, пока файл дойдет до нее, и взглянула на данные по интервью.

– Плюс с тобой идет Марков, – Элла Дмитриевна бросила взгляд на штатного фотографа, – но на пару снимков, не больше. И Лида, будь добра, подготовься тщательно и за несколько дней загляни утвердить список вопросов. Ферштейн?

Лида кивнула.

– Гут. Теперь что касается ресторанного обзора...

Лида смотрела в распечатку, с трудом переваривая происходящее. Ей надо взять интервью. И не у кого-нибудь, а у звезды. Народ среагировал бурно, значит, дело нешуточное. И теперь Олеся ее возненавидит, ведь звезды – ее территория...

Лида с трудом дождалась конца совещания, чтобы добежать до компьютера и узнать, чем ей предстояло заняться. Кем, если точнее. Пальцы запрыгали по черным клавишам, финальный клик – и на экране появились фотографии и ссылки.

На Лиду смотрело улыбающееся, чуть тронутое загаром лицо. Высокий лоб, светло-русые волосы и удивительные лучистые глаза. Если мужчине положено быть чуть красивее обезьяны, то этот экземпляр оставил позади не только приматов, но и многих лучших образцов рода человеческого. Лида вздохнула. Настоящий голливудский красавчик. За такого Олеся ее убьет в темном переулке. Лида достала широкий перекидной блокнот и стала делать выписки из данных всемирной сети.

Чем больше она читала, тем глубже проникалась личностью Андерса Норберга. Родом из Швеции, он вырос в большой и дружной семье. Три брата и сестра. Мама – врач, отец – актер. В детстве играл в театре и кино, но в восемнадцать лет все бросил и ушел на флот. После службы снова

вернулся к актерскому мастерству, окончил школу искусств в Лондоне. Снимался в Швеции, уехал в Штаты. Получил роль в сериале про вампиров для старшей возрастной категории, благодаря чему прославился. Лида открывала новые и новые страницы с интервью и не могла поверить глазам. Благотворительная экспедиция на Южный полюс... Он идеален! И холост. Как может человек быть кинозвездой, отслужить на флоте и иметь такое образование? Любимый писатель? Набоков! Серьезно?..

– Ну что, выяснила, кто такой Андерс Норберг? – над перегородкой, отделяющей рабочее место Лиды, возникла голова Родионовой.

– О, да, – кивнула Лида с чувством.

– Кто бы знал, что тебе так повезет!

– Я уже сама себе завидую.

– Есть пойдешь?

– Уже обед? И правда... Ах, да, я же печеньки принесла... Сейчас!

Когда Лида зашла в небольшую комнату отдыха для сотрудников журнала, весь бомонд уже собрался за столом.

– Так-так, герой дня. Присаживайся, – Рита Вернер похлопала по свободному стулу.

Лида извлекла лоток с выпечкой из пакета и налила себе кружку кофе.

– С ума сойти, Норберг! – Олеся сокрушенно покачала головой. – И надо же было так облажаться с Зимицким.

– Да ладно, я уверена, шеф тебя скоро амнистирует.

– Казакова? – Олеся хмыкнула. – Ни в жизни. Прямо хоть новую работу ищи.

– Но у тебя такой опыт, – Лида попыталась как-то смягчить ситуацию. – Я вот даже не знаю, как подступиться к Норбергу.

– О, уж я бы подступилась, – выразительно сказала Олеся.

Девочки засмеялись.

– Мне еще надо посмотреть его фильмы.

– Ну, ты даешь! – Рита Вернер торопливо проглотила кусочек печенья и выставила вперед ладонь, призывая к тишине. – «Мертвая кровь» – это нечто. Так-то это чернушный сериал про вампиров. Кровь, секс, забористая ругань. Но! Во-первых, это не про вампиров, а про геев. Метафора, короче.

– В смысле? – переспросила Катя Родионова.

– В прямом. Я читала. Суть сериала в том, что вампиры раньше существовали скрыто, а теперь решили заявить о себе и борются за свои права. Один в один геи. Во-вторых, что не характерно для вампирского жанра, снято очень, ну просто очень-очень смачно. Не знаю, с чем сравнить...

– «Криминальное чтение», – подсказала Олеся.

– Ну, наверное. Казалось бы, в каждой серии море крови и обнаженка на грани дозволенного. Но при этом такой драйв, такое обаяние и столько иронии! Смотрится на одном дыхании.

– Это пока не появится Норберг, – Олеся через стол пригнулась к Лиде. – Просто *ничто*!

– Подождите, подождите, народ, не портите ей кайф от просмотра! – воскликнула Катя.

– Да обычный он мужик...

До этого момента никто словно не видел в комнате фотографа Васю Маркова, теперь же несколько пар глаз ошарашенно уставились на него.

– Ты обалдел, что ли? – первой подала голос Рита. – Он роскошен!

Вася пожал плечами.

– Почти два метра чистого обаяния!

– Два метра? – переспросила Лида.

– Ага. Он очень высокий. А какие мускулы... – Рита закатила глаза. – И чтобы все снимки с интервью были у меня на почте!

Два метра... Лида всю жизнь мучалась от комплексов, связанных с ростом. Ее дед входил в вагон метро, пригнувшись. Тренер по баскетболу. Сама она с детства играла в баскетбол, потому что ни на танцы, ни на гимнастику ее не брали. Все женственные виды спорта были созданы для крошечных миниатюрных девочек. Да что там виды спорта! Весь мир для них. Высокие каблуки, малюсенькие женские машинки, в которых Лида могла максимум достать коленями до подбородка. Что ни говори, рост 185 сантиметров для женщины – едва ли не приговор. Особенно если она выросла в суровых российских реалиях среди жестоких шуточек одноклассников. На всех фотографиях из средней школы Лидочку Стрельникову было видно издалека. Вплоть до 10-го класса, пока мальчики хоть немного не вытянулись. Лида не могла себе позволить каблуки и готова была выйти замуж за первого встречного, на кого бы она смотрела хоть чуть-чуть снизу вверх. Даже теперь, когда комплексы детства были затолканы поглубже, Лида порой казалась самой себе состоящей из одних конечностей. Длинные руки, длинные пальцы, длинные ноги. И, – что уж скрывать, – длинные ступни 41-го размера. С возрастом тело ее оформилось, но ощущение собственной неуклюжести порой возвращалось, словно она опять слышала «Лида – дылда», и ей хотелось ссутулиться.

И вот ей предстояло брать интервью у красивого, талантливого, образованного мужчины ростом два метра, самого настоящего принца из ее девичьих снов. И это событие будет так мучительно сладко, так

невыносимо прекрасно, потому что мелькнет в ее жизни парой часов и погаснет, чтобы навсегда остаться в воспоминаниях. А в реальности? В реальности ее ждет Виталик. Бойфренд. Высокий. Умный. Надежный. Как это говорится? Положительный. Тонкие холодные губы с влажными поцелуями. Тихое сопение сверху и ночная возня. Лида вздрогнула. Они не спали уже давно, месяца три прошло, как Виталик уехал в Питер на стажировку. И Лида все это время лелеяла мысль о расставании. Конечно, нельзя разбрасываться такими людьми. Биологические часы, дети, семья, все такое. Дед уперся в своем намерении выдать Лиду замуж, пока не умер. Виталик – идеальный жених. Но Лида понимала, что это свинство – держать при себе человека без любви. Ладно она, она ведь могла и потерпеть, но Виталик... Он слишком хороший, чтобы быть нелюбимым.

Лида вздохнула, в очередной раз взглянула в лучистые глаза Андерса Норберга и выключила компьютер. Она должна поговорить с Виталиком. Сегодня же. По скайпу. И не потому, что Норберг. А потому что лучше всю жизнь помнить один яркий день и умереть старой кошатницей, чем вот так каждую ночь с его жесткими пальцами... Сегодня же.

Глава 2

– Дед, я дома! – крикнула Лида из коридора, стараясь пробиться сквозь неизменное «Эхо Москвы».

Александр Борисович Титов разменял девятый десяток, но силы политических убеждений не утратил. Поредели волосы, правое ухо почти перестало слышать, а пальцы и колени поразил артрит. И все же ярые оппозиционные взгляды и живой интерес к государственным делам не оставили Александра Борисовича.

Дитя сталинской эпохи и баскетболист советского ЦСКА, он стал увлекаться политикой уже после шестидесяти. Но зато вложил в это всю нерастраченную энергию спортсмена на пенсии. Его покойная жена, Зоя Павловна, ушедшая на тот свет в первый год нового тысячелетия, любила посмеиваться над супругом. Уже, мол, и стар стал, а все туда же. Но дед упорно рисовал плакаты, надевал серую фетровую шляпу и с утра до вечера пропадал на митингах. Один раз ему случилось даже загреметь на 15 суток, но сей факт не только не убавил старческого энтузиазма, но и поддал боевого жару. С тех пор «Эхо Москвы» выключалось только на ночь. Иногда Лиде казалось, что дед уснул или не слышит, и она пыталась потихоньку выключить орущий приемник, но тут же раздавалось «Сделай обратно!».

Часто бывает, что человек, успешный в карьере, получает от судьбы серьезные удары в чем-то другом. Так вышло и с Александром Борисовичем. Звезда советского баскетбола, чьи кубки не помещались на домашней стене славы, из-за автокатастрофы потерял молодую дочь и зятя, получив на руки трехлетнюю внучку Лидочку. Вместе с женой, Зоей Павловной, он воспитывал девочку, пока на супругу не обрушился рак легких. Лиде тогда только стукнуло четырнадцать, но они вместе с дедом до последнего несли вахту у больничной койки. В марте 2001 года бабушкины боли стали настолько сильными, что Александр Борисович перестал пускать внучку к жене.

– Тебе не надо этого видеть, – сказал он тогда.

В середине апреля бабушки не стало.

Александр Борисович и Лида остались одни. Дед до последнего работал учителем физкультуры, а Лиду забрал из баскетбольной секции и отправил учить иностранные языки.

– Меня не будет, сможешь заработать на хлеб с маслом. А лучше беги

из этой страны.

Лида понимала, что пока хлеб с маслом нужно дать деду. Если хоть так можно было отблагодарить его за все. Она сидела за учебниками, как проклятая, до онемения повторяла за кассетой английские фразы, но все же таки поступила в институт иностранных языков и получила международный сертификат.

Сразу после института она тыкалась в конторы переводчиков, но везде платили гроши, и тогда через однокурсника Лида устроилась корреспондентом в «Богему», где ее нередко отправляли в командировки, чтобы она могла писать в туристическую колонку. Денег хватало. Ей даже удалось накопить на подержанный «Фольксваген», на котором она каждую весну вывозила деда на дачу.

– Дедуль, смотри, что я купила, – Лида заглянула в дедову комнату. – Брауншвейгскую, твою любимую!

Александр Борисович кивнул и поднял вверх указательный палец.

– Подожди, там интервью с минфином.

– Чаю?

Дед снова кивнул, и Лида ретировалась на кухню, чтобы сделать пару бутербродов с ароматной сырокопченой колбасой. Дедушка почему-то очень любил, когда колбасу нарезали на тонкие, просвечивающие кружочки.

– Я ем хлеб с колбасой, а не колбасу с хлебом, – говаривал он.

С колбасой полагалось делать только белый хлеб, а с сыром – черный. И белый хлеб надо было нарезать исключительно по диагонали.

У деда был персональный граненый стакан в железном подстаканнике с гравировкой от ЦСКА. К стакану прилагалась чайная ложка, а сахар рафинад надо было давать на отдельном блюде, – его дед ел вприкуску.

Когда Лида появилась в комнате с подносом, дед убавил радио и указал на диван.

– Рассказывай.

Лида устало села и откинулась на мягкую спинку.

– Все как обычно.

– Посылают куда?

– Да нет, я ж только два месяца назад вернулась из Чехии. Теперь очередь Матвеевой, она летит на Шри-Ланку.

– Ясно, – дед пожевал и кивнул. – На море не тебе.

– Да брось. Все равно не дают времени покупаться. А в Чехии было здорово, погуляла по Старому городу.

– В феврале. Красота, – дед усмехнулся. – В 63-м мы ездили в

Чехословакию. В Брно. Игру уже не помню. Зато я привез тогда твоей матери туфельки. Красные, кожаные, с пряжками. Зоя сшила ей в красную клетку платье, и она ходила в школе на танцы. Самая модная была. И косички с бантами, Зоя ей туго плела, а все равно кудряшки по всей голове торчали. Да. Это ты в мать белобрысая, только жалко, кудрей нет.

Лида вздохнула. Она слышала эту историю не первый раз. Она не помнила родителей, хотя по всей квартире висели мамины фотографии и только одна – с отцом, Михаилом Стрельниковым.

Бабушка часто рассказывала Лиде о ее маме, о своей Катеньке. Они были похожи: Зоя Павловна и Катя: обе маленькие, хрупкие, с большими голубыми глазами и тонким, изогнутым ртом. Только Катя смотрела со всех фотографий, счастливо улыбаясь. Вот она в садике, Снежинка. Здесь на даче, в венке из одуванчиков. А это выпускной, нарядное платье. И институтский снимок, они ездили на картошку. У нее здесь модный в те годы начес. И, наконец, единственная фотография с папой: свадебная. Цветная. Мама в коротком платье и с маленькой фатой, а в руках – красные гвоздики. И глаза со стрелками. А у папы длинная битловская стрижка и усы. От папы Лиде достались карие глаза. Бабушка раньше думала, что и волосы у нее потемнеют в отца, но Лида на удивление осталась темноглазой и светловолосой.

В остальном Лида пошла в деда. Она вытягивалась и вытягивалась, потеряв всякую надежду остановиться. Длинные пальцы и прямой дедов нос.

– Титовская порода, – качала головой бабушка, которая едва дотягивала двенадцатилетней внучке до плеча.

Они смотрелись странно: высокий статный дед и крошечная бабушка. Дед даже в старости не сутулился, а бабушка с каждым годом гнулась ближе к земле.

– Мне поручили интервью, – Лида нарушила тишину.

– С кем?

– С кинозвездой.

Дед поморщился.

– Ну-ну.

Они еще помолчали.

– А что Виталик?

– В Питере Виталик.

– Замуж еще не позвал?

– Дед!

– А что? Он неплохой. Я помру скоро, ты хоть будешь при муже.

– Не говори так!

– Эка новость. Из команды только я жив еще да Андрюха Короленко. И как его...

– Мусурбеков.

– Да, Рашид. Надо позвонить ему, а то только в декабре говорили. Ах да. Виталик. Хочешь, я с ним поговорю.

– Тут такое дело, дед. Я хочу с ним разойтись.

Александр Борисович хлопнул себя по ногам.

– Ты с ума, что ли, сошла?

– Почему?

– Вы два года уже наматываете сопли на кулак. Мы с Зоей встретились и через три месяца поженились. Я к ее родителям в Сергиев Посад ездил только раз, и все. Ты когда собралась детей заводить?

– Дед, сейчас все после тридцати рожают, и ничего.

– Ты считаешь, сколько я могу еще протянуть? А мне нужны гарантии.

– Ты ведь любил бабушку. А я Виталика – нет. Не хочу я так. Тошно, понимаешь?

Александр Борисович замолчал и посмотрел на фотографию жены. Она стояла на полке среди кубков и наград. В рамке с янтарем, которую дед еще в молодости привез из Риги.

– Смотри, Лидок. Смотри. Человеку одному плохо.

– Я не буду одна. У меня ты есть, – Лида погладила деда по плечу. – Ладно, пойду к себе. Мне по работе еще надо доделать.

Лида отнесла поднос на кухню, вымыла посуду и взяла себе бутылку йогурта из холодильника. Ее ждали «Мертвая кровь» и другие фильмы с Андерсом Норбергом. Но сначала – Виталик.

Лида уселась в кресло на колесиках, надела наушники с микрофоном и открыла скайп. Скайп был и в телефоне, но только на большом компьютере хорошо шли видеозвонки. Виталик был в сети, и через несколько гудков на экране появилось его лицо.

– Привет. Вот пять минут назад хотел тебе звонить, но ты была в офлайне.

– Привет. Что нового?

– Ничего. Все по-старому. Думаю, через месяц приеду в Москву, можно было бы летом взять вместе пару недель и рвануть куда-нибудь. В Турцию или куда захочешь. Что скажешь?

– Слушай, Виталь... Такое дело...

Лида замолчала.

– Ау, ты здесь? – обеспокоенно спросил Виталик.

– Ага.

– Слава Богу, я уж думал, интернет залип. Тут со связью не очень.

– Виталь, я думаю, нам надо повременить.

– С чем? С отпуском? Хочешь, осенью возьмем.

– Я не про отпуск. Ты же знаешь, я с дедушкой буду на даче. Я про нас.

– Ты что, расстаться хочешь?

– Ну... вроде того.

– И почему так вдруг?

– Не знаю, что тебе ответить. Я думаю, что не особо подхожу тебе.

– Давай я это как-нибудь сам решу.

– Дело во мне. Seriously.

– Что-то случилось? У тебя кто-то есть?

– Нет. Просто я... я не люблю тебя.

– И все?

– Этого достаточно.

– И за два года ты это только сейчас поняла?

– Нет. Просто... Я думала, что смогу. А я не могу.

Виталик затих.

– Ты тут? – на этот раз спросила Лида.

– Тут, – Виталик вздохнул. – Слушай, давай не будем рубить сплеча.

– А я думаю, что лучше на этом закончить. Прости меня, мне очень жаль, правда.

– Мне тоже. Но я для себя точки не ставлю. Мне надо еще подумать, и давай этот месяц отдохнем друг от друга, а потом я приеду, и мы поговорим.

– Я все обдумала, Виталь. Я серьезно.

– Смотри сама. Но мы еще поговорим. Пока.

Лида не успела ответить, как Виталик закрыл разговор. Она вздохнула. Может, она приняла неправильное решение. Но почему тогда ей вдруг стало легче?

Она повернула монитор к дивану, включила первую серию «Мертвой крови» и подложила под спину подушку.

Норберг появился на экране только в третьей серии, когда она уже устала ждать. Сам сериал ей понравился. Она не любила слащавое кинцо, здесь же вся подноготная, все низы выворачивались наружу. Глухая провинция, пьянчуги, захолустный бар. Мрачная действительность, на фоне которой появление вампиров выглядело вполне себе органично. Да и сами вампиры были показаны без излишнего лоска. Такие же, как другие жители маленького городка в Луизиане. На экране разворачивалась

загадочная череда убийств вокруг главной героини, когда, наконец, появился тысячелетний вампир, герой Андерса Норберга. Лида сразу поняла все восторги коллег. Если бы она видела Норберга таким до того, как Казакова объявила о его визите, она бы тоже сходила с ума от счастья.

Когда Лида усилием воли заставила себя выключить компьютер, было около четырех часов утра. Она наспех умылась, заглянула к деду, убедившись, что тот мирно спит, и легла вздремнуть до работы.

Во сне ее преследовал вампирский образ Норберга с жестким взглядом, зачесанными назад волосами и роскошным телом. Мелькали картинки из сериала, откровенные и кровавые, и Лида, всю жизнь считавшая себя флегматичной, жарко металась, сбрасывая с себя тяжелое одеяло.

Глава 3

Фойе кинотеатра «Октябрь» было заполнено приглашенной публикой и прессой. Основные сеансы отменили, все было готово к презентации фильма «Морская атака». Через пятнадцать минут должны были открыть зал для премьерного показа и пресс-конференции, потом ожидался фуршет и ее персональное интервью с Норбергом. Но Вася Марков опаздывал. Они договорились встретиться еще двадцать минут назад у входа, но вот она здесь, а он якобы в пробке. Говорят, талантливому человеку все можно простить. Нельзя. Не все.

Лиду колотило. Она повторяла про себя вопросы, в сумочке лежал блокнот с подсказками. Все должно быть в порядке, Казакова одобрила. Лида взяла два диктофона, оба заряжала всю ночь. Чтобы никаких накладок. Но живот сводило судорогой.

Лида отлучилась в дамскую комнату, чтобы проверить внешний вид. Она выбрала черную рубашку с расстегнутым воротом и закатанными рукавами, широкий серый пояс и свободные прямые брюки. Волосы закрутила в круглый тугой пучок. И маленькие жемчужные сережки. По ее мнению, образ был в меру творческим, в меру строгим. Вполне в духе шведского минимализма. Макияж был еле заметным, и духов она капнула совсем чуть-чуть. Самых нейтральных. Элла Дмитриевна всегда говорила, что когда берешь интервью, нельзя, чтобы что-то в тебе могло раздражать. Минимум ярких цветов и сильных запахов.

Отряхнув несуществующие пылинки с брюк, Лида вышла в фойе. Там уже метался Марков.

– Где тебя носит? Я тебя давно жду. В зал уже запускают.

– Это ты меня давно ждешь? Ты опоздал на полчаса! Я только отошла в туалет.

– Ты, я, – какая разница. Иди, занимай места. Я буду ждать встречи гостей.

Вася поправил на плече ремень от сумки с фотоаппаратурой, подтолкнул Лиду к дверям, а сам пошел к щиту с логотипами кинокомпаний, на фоне которого снимали актеров и прочих звездных личностей.

Поток людей медленно затекал в зал. Лида нашла два места в четвертом ряду и села, положив сумочку на соседнее кресло. Первый ряд был освобожден для гостей. На сцене у экрана стояли столы с табличками.

Лида увидела, что Андерс Норберг должен сидеть совсем недалеко от нее, почти напротив. Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Пальцы дрожали, и она сцепила их замком на коленях.

Вскоре через боковую дверь стали заходить представители фильма. Андерс зашел, скользнул взглядом по залу и стал что-то говорить невысокому полному мужчине с бородой. Они прошли и сели на свои места в первом ряду. Пресс-конференция должна была начаться после премьерного показа. К Андерсу торопливо подбежала и села рядом девушка с бейджиком, судя по всему, переводчик. Лида посетовала про себя, что работает не по специальности.

Благодаря своему росту и удобному расположению кресел Лида могла хорошо разглядеть Норберга со спины. На нем тоже была черная рубашка, как и на ней. Он немного нагнулся к соседу, и Лида увидела, как на крепкой спине между лопатками натянулась ткань. Лида занервничала еще больше, но акт ее любования прекрасным был прерван фотографом Васей.

– Подбери, пожалуйста, – он кивнул на ее сумочку.

– Да, сейчас, – Лида освободила кресло.

Марков плюхнулся рядом с ней и отдышался.

– Неплохо вышло. Хотя какой-то придурок постоянно толкал под руку.

И Вася выплюнул слово, которое лучше опустить.

– Марков, уймись.

– Есть, мэ.

– Норберга снял?

– Главным образом его и снял.

– Все снимки мне на почту.

– В очередь, Стрельникова, в очередь. Все наши бабы уже на него записались.

– Им не придется краснеть и заикаться перед ним. Мне нужно поощрение.

– Да любая бы убила, чтобы краснеть вместо тебя. И как вообще так вышло?

– Что?

– Что тебя на интервью послали. Ты же ведь вообще по туризму, у тебя было одно интервью, да и то не пойми с кем.

– С представителем сети «Мариотт», если что.

– Ну не со звездой же. Как Казакову угораздило тебя отправить? Облажаешься, и я попаду под раздачу вслед за тобой.

– С Олесей же не попал.

– С Олесей ездил Щуков.

– Один хрен, ему не было ничего.

– И все равно. Я не понимаю. Никогда новеньких не отправляли на импортных селебритис. Сначала обкатывают на наших, отечественных.

– Значит, я – исключение, – Лида пожала плечами. Свет стал гаснуть, и представитель прокатной компании объявил начало премьерного показа.

Фильм оказался довольно типичным блокбастером про нападение роботов-убийц со дна моря и героическое сопротивление со стороны американского флота. Норберг играл лейтенанта, который погибает незадолго до конца, жертвуя собой во имя родины. Лида не любила подобную киножвачку. Фильм вызывал скорее недоумение: такой начитанный, образованный Норберг, сыгравший в дюжине некоммерческих шведских фильмов, работавший с самими Ларсом фон Триером, да даже в «Мертвой крови», жесткой, но свежей и новаторской, вдруг появляется в явно второсортном экшене про роботов. В фильме Норберг выглядел как типичный американский солдат. Ни тени шведского акцента, ни доли европейского шарма.

Конечно, момент гибели Норберга-лейтенанта вызвал у Лиды некоторые эмоции, ей даже захотелось прослезиться, но фильм это не спасло.

– Класс, – выдохнул Вася, когда пошли титры.

– А?

– Зачет, говорю. Спецэффекты, роботы... Ништячок.

– Да уж.

Свет в зале зажегся, раздались аплодисменты, и гости вышли на сцену, чтобы занять места за длинным столом. Защелкали камеры, Вася тоже расчехлился и ушел в работу.

Лиде не было поручено задавать вопросы во время пресс-конференции. Выход нового фильма не интересовал «Богему», важнее было интервью с персоной. Поэтому Лида стала изучать Норберга, его настроение, манеру отвечать на вопросы, чтобы определиться с тактикой. Расположить его к себе потом на интервью. В его ответах про «Морскую атаку» было что-то натянутое. Заученное. Возможно, он и сам был не в восторге от фильма. Зачем тогда взялся? Стоит спрашивать или это только вызовет отторжение? Или он все равно не сможет сказать ничего плохого, чтобы не омрачить рекламную кампанию?

Мысли Лиды все время перескакивали с рабочих моментов в мечтательные сферы. Она с упоением слушала его голос, любовалась улыбкой и веселым прищуром. Пока режиссер отвечал на вопрос корреспондента, сидящего перед Лидой, Норберг случайно встретился с

ней глазами, и взгляд его на долю секунды задержался. От неловкости и смятения она улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ. Но раздался новый вопрос из зала, Норберг посмотрел в другую сторону, а Лиде оставалось слушать гулкой стук собственного пульса.

– Давай, сейчас надо идти брать интервью, – Вася ткнул ее локтем, когда пресс-конференция закончилась.

– Разве не после фуршета?

– Сначала интервью. Я позвоню менеджеру принимающей стороны, спрошу, где нам выделили помещение. Скину тебе на телефон. Я пока протестирую освещение, а ты вылавливай его и веди.

– Как, одна?

– А с кем?

– Мы вместе. Я вообще думала, ему будет назначено, и он сам придет.

– Ничего, что он домой к тебе не придет?

– Забей. Позвони хотя бы менеджеру при мне, а то я его выловлю, а куда вести – непонятно.

– Ладно.

Вася положил на кресло громоздкую сумку и достал мобильный.

– Добрый день, Марков из «Богемы». По поводу интервью с Норбергом. Да, договаривались, – Вася закивал. – Хорошо. Понял. Всего доброго.

– Интервью будет в том конце фойе, где гардероб. Там небольшой конференц-зал, двойные двери. Номер 2b. Запомнишь?

Лида кивнула.

– Все, жду тебя там. Вас обоих. И соберись, на тебя смотреть страшно.

Лида снова кивнула. Ей даже не приходило на ум, чем парировать этот сомнительный комплимент.

Вася подхватил сумку и ретировался к выходу, стремительно лавируя в толпе. Ему не привыкать. Лида разгладила ладонями брюки. Андерс Норберг стоял у самого спуска со сцены и разговаривал с двумя мужчинами в костюмах. Его рукава были закатаны по локоть и обнажали жилистые, покрытые загаром руки. Лида осознала, что оделась так же, как Норберг. Она недооценила силу шведского минимализма. Эта мысль показалась ей забавной.

Наконец, Норберг окончил беседу и, спустившись со сцены, заметил Лиду.

– Добрый день, мистер Норберг, меня зовут Лидия Стрельникова, я из журнала «Богема». Вы смогли бы ответить на пару вопросов?^[1]

– Рад познакомиться, – Норберг улыбнулся и протянул ей руку. – Я с

удовольствием ответу на все вопросы, меня предупредили о вас.

Лида коротко пожала его горячую ладонь.

– Нам выделили конференц-зал для интервью. Если это удобно, мы можем туда пойти прямо сейчас.

– Хорошо. Одну минутку.

Норберг перекинулся парой слов с режиссером и вернулся к Лиде.

– Пойдем?

Она кивнула и пошла к выходу из зала.

– Андерс! Андерс! Можно автограф?

К нему кинулось несколько девушек с фотографиями и ручками.

Норберг остановился и терпеливо расписался для каждой из них. В этом не было ни раздражительности, ни самолюбования. Скорее доброжелательность. И он совершенно не обращал внимания на кокетство и сексуальные намеки в свою сторону. Лида понимала, что несколько девушек в России – ничто по сравнению с толпами фанаток в Америке. Нелегко, пожалуй, справляться с постоянными приставаниями посторонних людей.

Наконец, Норберг освободился и подошел к Лиде.

– Извините.

– Я понимаю, – Лида улыбнулась и пошла через фойе к конференц-залу.

Вася уже поставил кресло для Норберга поближе к окну. Лида устроилась напротив, разложила диктофоны и блокнот.

– Для нас большая честь, что вы согласились дать эксклюзивное интервью «Богеме», – Лида улыбнулась.

– Рад это слышать.

– Андерс, вы приехали в Москву с фильмом «Морская атака». Что для вас значит этот фильм?

– Мне было интересно попробовать себя в таком масштабном проекте. Он совсем не похож на все, что я делал раньше. Мне довелось стать частью команды Стива Макбрайда, это был очень ценный опыт. К тому же было здорово поработать с такими спецэффектами, когда съемки проводятся в полупустом помещении и ты должен сам представлять себе, что происходит вокруг. Например, в сценах с нападением роботов или штормом.

– Вы год служили во флоте Швеции. Вам это помогло в работе над фильмом?

– Конечно. Честно говоря, отчасти поэтому я и захотел сняться в нем. Я люблю море, и защита родной страны для меня – не пустой звук, как бы

пафосно это ни звучало. Я никогда не буду жалеть о своей службе. В этом есть что-то мужское и правильное.

– Но вы вернулись к актерской работе?

– Мне ее не хватало. Я творческий человек. Пожалуй, мне стоило сделать перерыв, уйти из театра и кино, чтобы все обдумать и понять, чем я действительно хочу заниматься. В тринадцать лет популярность давалась мне тяжело, я не понимал, зачем все эти девчонки торчат около моего дома. На меня давило всеобщее внимание. Я хотел просто бегать и играть с друзьями в футбол.

– А как вы справляетесь с популярностью сейчас?

– Не стану врать, мне льстит, что люди считают меня привлекательным или талантливым. Я им за это благодарен. Но мы, шведы, скромный народ. И я неловко чувствую себя, когда получаю недвусмысленные предложения от фанаток.

Через некоторое время, когда интервью подошло к концу, Вася еще пару раз щелкнул фотоаппаратом и поблагодарил Норберга.

– Лида, мне бежать надо, – обратился он к ней по-русски. – Я закончил.

– Давай, Марков. Но снимки мне на почту, – Лида снова перешла на английский. – Мой коллега спешит. В любом случае, мы очень благодарны вам за интервью. Я бы попросила автограф, но наш шеф говорит, что это непрофессионально.

– Я никому не скажу. Это будет наш маленький секрет, – Норберг улыбнулся, и около его глаз появились зазорные морщинки. – Я еще увижу вас на банкете?

– Не знаю, – Лида кивнула Маркову, и тот исчез за дверью. – Если честно, я собиралась, но подобные мероприятия... В общем, я бы предпочла прогуляться на свежем воздухе.

– Вы первый журналист, который добровольно хочет пропустить фуршет.

– Можно доверить вам еще один секрет? Я не совсем журналист. Я переводчик. Просто сейчас работаю в журнале.

– Так вот почему с вами было так комфортно, – на лице у него было то ли облегчение, то ли понимание.

– Не любите журналистов?

– А это не для печати?

– Только для личного пользования.

– Не очень. Конечно, теперь общение с прессой – часть моей работы, но журналисты все время пытаются вытащить наружу мою личную жизнь.

Папарацци в Лос-Анджелесе – настоящий ужас.

– Я думала, звезды любят попадать на первые страницы газет. Это что-то вроде эксгибиционизма, простите мою грубость. Разумеется, к вам это не относится.

– Есть такие звезды. Но у меня нет мании величия, я все-таки швед. Я не из тех, кто любит демонстрировать свою жизнь публике. Не поверите, у меня даже нет твиттера и инстаграма.

– У меня тоже, – Лида кивнула. – Если я когда-нибудь начну делать селфи, то сильно разочарую сама себя.

Норберг расхохотался.

– Вы – первая девушка, которая не делает селфи.

– Может, я шведка, просто не знаю об этом?

– Ну, одеваетесь вы, как я, так что может быть. Лидия, у меня есть к вам просьба. Вы хорошо знаете Москву?

– Да, я здесь выросла.

– Вы не могли бы взять меня на свою прогулку? Мне завтра улетать, а я никогда не был в Москве. С вами я бы хоть немного увидел город.

Лида замерла. Происходящее казалось ей нереальным. Еще вчера Норберг был для нее недостижимой знаменитостью. Роскошным мужчиной, которых просто не бывает на самом деле. Образом с экрана. А теперь он не только сидит напротив нее, живой, настоящий, такой волнующий, но и просит ее прогуляться. Это чудеса какие-то!

– Лидия! – вернул ее из задумчивости голос Норберга. – Вам это неудобно? Я бы пригласил вас на ужин после прогулки. В знак благодарности.

– Я пыталась осознать тот факт, что Андерс Норберг... В любом случае, я согласна. И не ради ужина, – Лида улыбнулась.

– Отлично! – Норберг поднялся с кресла, и Лида тоже встала. – Тогда подождите меня в машине кинокомпании, она припаркована у входа. Номер 328. Просто скажите водителю, что вы мой переводчик.

– Я понимаю. Конспирация.

– Я быстро, – Андерс коротко прикоснулся к ее руке и вышел.

Лида сжала руку, чтобы унять дрожь. Она знала, что с Норбергом ей ничего не светит. Он улетит завтра и вряд ли снова вернется в Россию. Но никогда раньше она не испытывала таких сильных чувств к мужчине: смеси восхищения, волнения и желания. Пусть всего один день, но она позволит его себе.

Глава 4

Норберг сел рядом с ней на заднее сиденье, когда она уже подумывала сбежать.

– Извините, что так долго.

– Все в порядке, – Лида бодро распрямила плечи. – Итак, что бы вы хотели посмотреть в Москве? Красную площадь? Кремль?

– Лидия, расслабьтесь. Вы очень волнуетесь. Мне не нужна обычная экскурсия. Я даже не буду спрашивать, в каком году построен тот или иной дом. Давайте просто погуляем по вашим любимым местам. Сегодня вы командуете.

– Хорошо. Как долго вы планировали гулять?

– У меня нет планов. А ходить я могу очень долго, если вы об этом.

Лидия на мгновение задумалась.

– Отвезите нас на Лубянку, пожалуйста, – сказала она водителю. И снова повернулась к Норбергу. – Если устанете, просите пощады. Я в любой момент доставлю вас в отель в целости и сохранности.

– Мы еще посмотрим, кто устанет первым, – Андерс улыбнулся ей, и внутри у нее сладко заныло.

Он был слишком близко, их бедра соприкасались, и ее ноздри против воли расширились, втягивая свежий, едва уловимый запах его парфюма. Ей хотелось уткнуться носом в его ключицу и вдыхать, вдыхать, что есть мочи. Хотелось всеми пальцами вцепиться в его плечи, чтобы не упасть. Падать было некуда, но ее не покидало ощущение, что она вот-вот рухнет. Ноги были ватными. Лидия изобразила ответную улыбку и повернулась к окну, чтобы взять себя в руки.

Она провела его по Кузнецкому Мосту, по Камергерскому переулку, Тверской улице и бульвару, показала свой любимый особнячок Горького у Никитских Ворот. От ходьбы и апрельского воздуха Лида почти забыла о своем волнении. Андерс оказался очень простым в общении, веселым и дружелюбным. В своей джинсовой куртке и бейсболке, надетой для конспирации, Андерс совершенно не походил на кинозвезду. Он попросил ее научить его паре фраз на русском языке. Выяснилось, что он владеет французским, итальянским и немецким языками, и даже знает несколько слов на японском. Лида взамен просила научить ее шведскому и рассказать о Стокгольме.

– Старый город очень красивый, – мечтательно рассказывал Андерс. В

рыжем свете фонарей сложно было разглядеть выражение его лица. – Там есть старые ратуши XII–XIII века, узкие уютные улицы. Но я больше всего люблю остров Седермальм. Я там вырос. Знаешь, у многих шведов есть лодки. Там вода повсюду.

Лида слушала и тоже мечтала. В Скандинавии ей бывать не доводилось, но она уже представляла себе, как попросит шефа отправить ее туда. И тогда она обязательно посмотрит все-все места, о которых говорил Андерс.

– В детстве я обожала Астрид Линдгрэн, – сказала она. – И сейчас обожаю. Хотя это глупо звучит. Очень хочется иногда перечитать Карлсона, Эмиля, Пеппи... – Лида запнулась, пытаясь сообразить, как будет «длинный чулок».

– Pippi Långstrump? – спросил Андерс. – Она Pippi, не Perri.

– Я где-то читала об этом. Так ее перевели на русский. Чтобы не звучало смешно.

– Она и должна быть смешной. А я любил Калле Блумквиста.

– И Мио!

– И Расмус!

Лида рассмеялась.

– Я их всех так люблю, что даже не знаю, кого больше. А ты что читал в детстве?

– Я тебе расскажу все, – Андерс остановился. – Но уже за ужином.

– Значит, ты первый сдаешься?

– Сдаюсь. У тебя ноги сильнее, – губы Андерса растянулись в улыбке, а глаза скрывала тень от бейсболки. – Так что насчет ужина? Куда пойдём?

– Слушай, это необязательно, – они стояли друг напротив друга на пустынном бульваре, и волнение снова охватило Лиду.

– Это обязательно. Я с утра ничего не ел.

– Просто я не знаю здесь ресторанов твоего уровня.

– По-твоему, я питаюсь только устрицами?

– Не знаю. Может, иногда еще этими... – Лида забыла слово и показала в воздухе завиток.

– Улитками?

– Точно! Улитками. Для разнообразия.

Андерс засмеялся.

– Ты все время меня смешишь. Ладно, пошли куда-нибудь, я сам решу, – он взял ее за руку и потащил к переходу от бульвара к зданиям. Тут же у перехода была витрина маленькой французской пекарни с оранжевой вывеской. Кто-то вышел, и изнутри пахнуло кофе и корицей.

– Как думаешь, это кафе моего уровня? – спросил Андерс с серьезным видом.

– Надо узнать, есть ли у них улитки, – деловито ответила Лида.

Они рассмеялись, и Андерс потянул ее за собой. Внутри почти никого не было, только лысеющий мужчина у стены читал газету. Они выбрали столик в углу.

– Что тебе заказать? – спросила Лида у Андерса, потому что все названия в меню были на русском.

– Я буду большой багет с сыром, мясом и всем, что у них есть. И кофе. С сахаром. И вот это пирожное.

Лида потянула его за рукав и шепнула на ухо:

– А что будет с твоим вампиром после такого ужина? Я думала, звезды едят только салат.

– Укушу – узнаешь, – пошутил Андерс.

Они встретились глазами, и смех замер у нее на губах. Она вдруг поняла, что ее шепот мог показаться ему флиртом. И в голове живо пронеслись картинки, как он ее кусает, благо после просмотра сериала в сексуальных образах Андерса Норберга у нее недостатка не было. Лида осознала, что все еще держит его за рукав, и отдернула руку. Андерс тоже казался смущенным.

– Ладно, я буду то же самое, – бодро сказала она и подозвала официантку.

Багет оказался горячим и хрустящим, на нем таяли ломтики эмменталю, дополненные карбонадом, тонкими кружочками помидоров и маринованных огурцов. Андерс с явным наслаждением вгрызался в багет. Лида наблюдала за ним.

– Сегодня обойдусь без устриц, – сказал Андерс, вытирая рот салфеткой и откидываясь на спинку стула.

– В каком отеле ты остановился? – спросила Лида.

– В Lotte Plaza. Вот, у меня визитка. Это далеко?

– Арбат? Пешком около получаса. Я могу вызвать тебе такси из отеля, у них есть телефон.

– Ты спешишь? – спросил Андерс и дотронулся до ее руки.

– Нет, – просто ответила Лида.

– Может, пойдем пешком? Я должен быть в хорошей форме после багета, – он положил ладонь себе на живот.

– Я смотрела твои фильмы, – вздохнула Лида. – Ты в идеальной форме.

– Тебе нравится? – спросил Андерс и лукаво подмигнул.

– Я думаю, тебе самому нравится, – засмеялась Лида.

– Это правда. Попроси счет, пожалуйста. Они принимают карты?

Лида переадресовала вопрос официантке.

– Обычно принимаем, – виновато пожала плечами та. – Но аппарат сегодня сломался, поэтому только наличные.

Лида перевела Андерсу. Он растерялся, объясняя, что даже не менял денег в России.

– Я заплачу, – сказала Лида и достала бумажник.

– Слушай, я чувствую себя глупо, – сказал Андерс, когда они вышли из кафе. – Ты теперь будешь думать, что шведы жадные.

– Именно это я и буду всем говорить. И еще я буду всем рассказывать, что угостила ужином самого Андерса Норберга. И в жизни он не такой высокий и красивый.

– Эй! Это обидно!

– Не волнуйся, мне все равно никто не поверит. Я ужинала с Андерсом Норбергом! – Лида покачала головой. – Видишь? Я сама не верю.

– Потому что это был не ужин, а фастфуд. Запомни, я должен тебе настоящий ужин. С улитками и устрицами. В ресторане твоего уровня.

– Брось, мы оба знаем, что больше не увидимся.

– Наверное. Но я бы хотел снова тебя увидеть. Ты красивая.

– Спасибо.

Некоторое время они шли молча.

– У тебя есть парень? – вдруг спросил Андерс.

– Уже нет. А у тебя?

– У меня нет парня, – улыбнулся Андерс.

– Я спрашиваю про девушку.

– Нет. Но ты бы знала, если бы у меня была девушка. Все бы знали.

Они снова замолчали. Между ними появилась какая-то неловкость или недосказанность. Он сводил ее с ума. Лида готова была взорваться от каждого его случайного касания, но не хотела выглядеть глупо. Она не знала, что чувствует он, флиртует он, или это его манера общения. К тому же она не хотела, чтобы он считал ее фанаткой на одну ночь. У него таких вагон. Они остановились перед сияющим стеклом и металлом отелем.

– Я не из тех, кто заводит любовницу в каждом городе, – он как будто прочитал ее мысли.

– Рада слышать.

– И я никогда не спал с фанатками.

– Хорошо.

– Слушай, я не хочу, чтобы ты плохо обо мне думала. Но так неудобно

вышло с ужином, я бы хотел пригласить тебя на вино и фрукты. В свой номер.

– Кто-то счел бы это неприличным предложением.

– А ты?

– Я бы, возможно, тоже сочла. Если бы речь шла о другом мужчине.

– Думаешь, я не стану к тебе приставать?

– Я не думаю, что меня это расстроит.

– Тогда пойдем.

Как это по-западному! Она только что фактически согласилась на секс с мужчиной, и никакой романтики. В фильмах героини сливаются в поцелуе, нетерпеливо заходят в спальню и сбрасывают друг с друга одежду. А они просто поговорили, и вот на онемевших от долгой прогулки и волнения ногах она идет за ним к лифту через роскошное фойе дорогой гостиницы. Недаром русских девушек считают проститутками.

Лида знала, что завтра будет себя корить. Но с того момента, как она увидела его лицо на мониторе, после первой ночи, наполненной эротическими видениями, Лида понимала, что ни за что не смогла бы ему отказать. Даже если бы не успела расстаться с Виталиком. Есть в жизни вещи, от которых мы не в силах отказаться.

Хромированные двери лифта бесшумно сошлись, и легкий толчок возвестил о начале движения. Они стояли наедине в зеркальном пространстве.

– Это совсем не в моих правилах, – сказал Андерс.

– И не в моих, – сказала Лида.

Двери раздвинулись, и он повел ее к своему номеру. Она зашла первой. Из просторной гостиной с диваном и столиком вели двери в ванную и в спальню. Лида взялась за пояс своего плаща.

– Я помогу, – Андерс подошел к ней сзади и стал развязывать ее пояс, так что она оказалась в кольце его рук.

Она чувствовала прикосновения к своему животу, и даже легкие касания через одежду вызывали в ней истому. Андерс перешел к пуговицам на плаще, и она откинулась на его грудь. Он взял ее за плечи и развернул лицом к себе. Она посмотрела в его лицо и с удовлетворением отметила расширенные зрачки и румянец, проступивший под загаром. Тогда она потянулась и легко коснулась его губ своими. Он отреагировал мгновенно. Андерс взял ее лицо в свои ладони и поцеловал с такой силой и жадностью, что Лида на секунду замерла от неожиданности. Его мягкие и горячие губы еще пахли кофе, а язык скользнул по ее нижней губе, ожидая ответа. И она ответила, возвращая его ласку. Впервые в жизни она испытывала такое

удовольствие от поцелуя. Андерс гортанно застонал, не отрываясь от нее. Ей хотелось обмякнуть в его руках, и она вцепилась пальцами в его плечи, пытаясь удержаться. Под джинсовой тканью бугрились твердые округлые мускулы, и в ее голове снова всплыли сцены с обнаженным Андерсом. На сей раз застонала она.

Он прервал поцелуй и судорожно вздохнул. Потом пробормотал что-то по-шведски.

– А? – спросила она, открывая затуманенные глаза.

– Я говорю: что ты со мной делаешь?! – он опять перешел на английский.

Лида отступила на шаг и скинула плащ. Он последовал ее примеру и снял куртку.

– Я ведь честно хотел заказать вино и фрукты.

– Интересно, все шведские мужчины такие обманщики? – Лида улыбнулась и подняла руки, чтобы распустить волосы.

– Интересно, все русские женщины такие сексуальные? – взгляд Андерса остановился на ее груди, которая приподнялась от движения рук.

– Интересно, все шведские мужчины такие медлительные? – прошептала Лида и встряхнула головой, чтобы волосы рассыпались по плечам.

– Я не знаю, как другие, – Андерс подошел к ней, замороженно провел рукой по ее волосам, плечам, накрыл ладонью и сжал ее грудь через блузку. – Но на меня пока никто не жаловался.

Он опустил руки на ее ягодицы и с силой прижал к себе, так что она убедилась: с реакцией у него все в порядке.

Лида очнулась от короткого сна и не сразу поняла, где находится. Постепенно память вернулась, а с ней и осознание произошедшего. Лида повернула голову и увидела рядом с собой спящего Андерса Норберга. Она определенно была плохой девочкой. Но губы сами растянулись в блаженной улыбке.

Вино и фрукты он так и не заказал. Хотя компенсировал это по полной программе. Дважды. Если уж шведы и жадные, то не в вопросах секса, это Лида для себя уяснила. Нет, теперь она точно попросит командировку в Стокгольм. Лида снова улыбнулась своим хулиганским мыслям.

Ей не хотелось обременять Андерса неловкой сценой совместного пробуждения и неуклюжим утренним прощанием, поэтому она бесшумно вылезла из-под простыни и пошла в ванную. Прикрыв за собой дверь, Лида включила свет. Когда глаза привыкли, она придирчиво оглядела себя в

зеркале. Волосы спутались, тушь потекла. Кажется, один раз она плакала от удовольствия. Губы покраснели и распухли, на теле остались следы его пальцев и поцелуев. Лида залезла в душ, чтобы как следует вымыться и привести себя в нужный вид. От нее прямо-таки разило пороком. Облив себя напоследок холодной водой, Лида вышла, растерлась махровым полотенцем и пошла искать свою одежду. Норберг лежал на животе, распластавшись, как морская звезда, и изредка всхрапывал. Бедолага, думала Лида. Перелет, смена часовых поясов, пешая прогулка и постельные подвиги. Лида включила свет в гостиной, оделась, посушила в ванной волосы и снова вернулась в спальню. Она присела на краешек кровати и посмотрела на спящего Андерса. Вот таким она его запомнит. В груди шевельнулся болезненный комочек. Лида поборолла желание в последний раз прикоснуться к нему и вышла в гостиную, прикрыв за собой дверь. Она достала из сумочки блокнот, вырвала страницу и написала:

Спасибо тебе за вечер.

Лидия.

Ей хотелось добавить что-то вроде «буду скучать» или «это было чудесно», но все слова казались пошлыми и неуместными. Лида положила записку на стол, окинула взглядом номер и вышла.

Глава 5

Как все приличные москвичи, на майские праздники Лида вывезла деда на дачу. Под его неусыпным контролем она стригла засохшие ветки, потом жгла их и, наконец, сгребала прошлогоднюю листву. Теперь же, с мозолями на руках, болью в мышцах и довольным дедом на заднем сиденье, Лида ехала домой. На приборной панели лежал маленький букет красных тюльпанов – традиционный урожай на День Победы.

Лида поставила диск с военными песнями и под «одессита Мишку» смотрела на дорогу.

– Ты задумчивая стала, – сказал Александр Борисович.

– Да нет, обычная. Все хорошо.

Все хорошо было только отчасти. А если уж совсем честно, то хорошо не было ничего. Норберг уехал почти три недели назад. О нем не было ни слуху ни духу. Впрочем, так и планировалось. На сайтах папарацци Лида видела его свежие снимки из Нью-Йорка. Он ходил на выставку фотохудожников и пил пиво с друзьями. Она же с трудом могла спать по ночам, потому что видела его лицо, как только закрывала глаза. Она пересматривала снимки с интервью, которые выслал ей Вася Марков. На паре снимков она попала в кадр. Пожалуй, это было единственное доказательство, что тот день не был плодом ее больного воображения.

Текст интервью она сдала шефу, и ее при всех похвалили на пятиминутке. Все шло своим чередом. Только временами очень хотелось плакать. Наверное, приближались месячные.

От этой мысли Лида замерла и стала лихорадочно считать. Прошлый раз они начались третьего апреля, значит, в этот раз должны были прийти на Первомай. Но уже десятое... Задержка. Получается, с Норбергом все случилось в самые опасные дни. Но ведь они предохранялись! Да нет, это совпадение. Стресс от интервью, дачные работы... Лида вцепилась в руль. Живот скрутило судорогой.

Она с трудом дождалась возвращения домой, занесла вещи и побежала в круглосуточную аптеку. Пока они ехали по пробкам, стемнело. Коробочка с тестом рекомендовала проводить проверку с утра, но Лида решила, что за несколько часов ничего не изменится. И уже через минуту на полоске проявились две яркие бордовые черточки. Лида устало опустила голову на руки и заплакала.

– Лида, что на ужин? – услышала она голос бабушки.

– Сейчас, подожди! – Лида умылась холодной водой, вытерла лицо и вышла к деду. – Сделать тебе омлет? Ничего серьезного я сейчас приготовить не успею.

– А манка есть?

– Есть. Ты же не ешь кашу на ужин!

– Что-то хочется. Свари, пожалуйста. И хлеба белого с маслом.

– Хорошо. Там повторение парада должно быть в десять часов после новостей.

– Точно! Чуть не забыл.

Парад на День Победы был единственным мероприятием, которое дед смотрел по центральному каналу. На остальные передачи распространялись его глубокие оппозиционные убеждения.

Вторую мировую войну Александр Борисович застал совсем мальчишкой, но ему довелось пройти Ленинградскую блокаду. Он помнил и голод, и холод, и трупы, и отчаяние. После снятия блокады мать вывезла деда и его маленькую сестру Нину в Москву к тетке. А их отец Борис Титов погиб во время бомбежки.

Вопреки расхожему стереотипу о стариках Александр Борисович не любил фильмы про войну. Слишком страшно было возвращаться в те годы даже мысленно. Только военные песни он любил, да еще парад на Красной площади. Плакал, правда. И доставал единственную фотографию своего отца.

Лида поставила молоко и задумалась. Было о чем. Аборт она бы не сделала ни за что. Слишком многих потеряла, чтобы знать ценность жизни. Конечно, дед расстроится. Он хотел ее выдать замуж. Но правнука полюбит. И будет точно уверен, что она не останется одна.

А ей теперь предстояло ухаживать и за старым, и за малым. Где взять денег на время декрета? Или кому оставить ребенка, если продолжать работать? Дед не потянет уход за грудничком. Лида вздохнула. И как так вышло? Ведь с Виталиком они тоже предохранялись, и все было нормально. Может, это все-таки гормональный сбой?

Молоко закипело, и Лида засыпала соль, сахар и крупу. Пока каша варилась, она достала телефон и забила в поиске «беременность с презервативом». Интернет сообщал, что такое случается. Почему тогда об этом не пишут прямо на упаковках крупными буквами?

Все чудесатее и чудесатее, думала Лида. А как сообщить Норбергу? Он имеет право знать. Но не поверит, что это от него. Или еще хуже: решит, что она все подстроила, чтобы вытянуть из него алименты. И даже если отбросить вопросы гордости, у нее не было никаких контактов Андерса. От

социальных сетей он открестился, а личные координаты звезд всегда хранились в строжайшей тайне. Наверняка ее журнал связывался с ним через десяток-другой менеджеров.

Странно, но в этот раз Лида крепко спала всю ночь. Или два дня на свежем воздухе сказались, или организм сам решил дать ей отдыха. На работе Лида первым делом пошла к Олесе Кузнецовой. Та натужно улыбнулась. Если до интервью с Норбергом она надеялась получить работу со звездами обратно, потому что Лида провалится, то триумф Стрельниковой забил последний гвоздь в мечты Олеси. Лида прекрасно понимала ситуацию, но теперь ей нужны были любые средства.

– Слушай, – сказала Лида, присаживаясь на краешек Олесинога стола. – Ты не в курсе, откуда вообще Казакова берет контакты знаменитостей?

– А что за дело? – Кузнецова оживилась.

– Да просто. Меня дед спрашивал. Вот есть певец. И кто-то хочет с ним связаться. Ведь если мы можем, значит, любой может?

– Напрямую со звездами никогда не связываются, Стрельникова. Все через агентов. У Казаковой есть знакомства, связи, ее знают. Она обращается к продюсерам, а те выводят ее, куда надо. Иногда наоборот: менеджер или продюсер звезды сам обращается к нам, чтобы пропиарить своего клиента. Как-то так, – Олеся пожала плечами. – В любом случае, Казакова лучше знает.

– Ясно.

– Только не надо мне навешивать про деда. С кем ты собралась связаться? С Норбергом, что ли?

– А он мне зачем? – Лида изобразила недоумение. – Просто вникаю в тонкости. Вдруг опять интервью поручат.

– Ну-ну, – Кузнецова демонстративно отвернулась к монитору и застучала по клавиатуре.

Лида пошла к шефу.

– Элла Дмитриевна, можно? – заглянула она в кабинет главного редактора.

Казакова качалась в белом кожаном кресле и беседовала по телефону. Увидев Лиду, она оживилась и махнула рукой, приглашая подчиненную сесть.

– Стрельникова, ты мне как раз нужна, – сказала Элла Дмитриевна, положив последнюю модель айфона на стеклянный стол. – Через неделю в Москву приезжает Билл Уинтерс. Знаешь, кто это?

– Один из актеров основного состава «Мертвой крови».

– Точно. Будущей осенью выходит новый сезон, и после Норберга у нас как раз получается серия интервью по этому поводу. Мне надо, чтобы ты взялась за Уинтерса. Сможешь?

– Конечно.

– Отлично. Выделю тебе опять Маркова. Детали скину по почте.

– Элла Дмитриевна, а вы не отсылали мое интервью менеджерам Норберга?

– Опять нарываешься на похвалу? Стрельникова, я этого не люблю.

– Что вы, просто первое интервью, мне интересно, как его восприняли.

– Ладно, – Казакова с прищуром посмотрела на Лиду. – Во-первых, не менеджерам, а прокатчикам фильма. Во-вторых, отсылала, они пока не ответили. Ответ я тебе перешлю, если ты такая охочая до чужого мнения.

Лида вышла из кабинета. Как она сразу не подумала! У нее был ведь телефон секретаря из прокатной компании. Лида порылась в столе, достала старые распечатки и набрала номер.

– Приемная Зейдера, я вас слушаю.

– Здравствуйте, я Алина Карпова, – соврала Лида. – Секретарь Эллы Казаковой из «Богемы». Мы отсылали вам интервью с Андерсом Норбергом.

– Марк Робертович еще не смотрел, к сожалению.

– Я знаю. Дело в том, что Казакова захотела внести дополнения в интервью по поводу выхода нового сезона «Мертвой крови».

– Мы не имеем отношения к телевидению, мы принимали господина Норберга только по поводу «Морской атаки».

– Хорошо. Но, возможно, у вас остались контакты менеджера господина Норберга?

– Я не вправе разглашать подобную информацию.

– Посмотрите хотя бы электронную почту! Пожалуйста! Ведь интервью с Норбергом уже было согласовано.

Девушка на другом конце провода вздохнула.

– Я посмотрю, что у меня есть, одну минуту.

Было слышно, как защелкали клавиши компьютера.

– Нашла. Кажется, он лично высылал нам данные для авиабилетов и брони в отеле. Записываете?

– Конечно, – Лида не верила своей удаче.

Она достала ручку и записала электронный адрес.

Лида поблагодарила секретаршу Марка Зейдера, исполнительного директора кинопрокатной компании, и повесила трубку. Оставалось только сочинить текст. Лида открыла новое письмо, и через полчаса нравственных

терзаний у нее получилось следующее:

Здравствуй, Андерс!

Это Лидия из Москвы (интервью, апрель этого года).

Извини, что пришлось снова побеспокоить тебя, но дело срочное.

Кажется, я беременна.

Я подумала, что ты должен об этом знать.

Что делать с этой информацией – твое личное дело. Я ни о чем не прошу и ничего не требую.

Если захочешь связаться со мной, ответь мне на почту или напиши в скайп li.mikh.strelnikova. Если не захочешь, я пойму и не обижусь.

И я гарантирую, что не буду разглашать эту информацию ни прессе, ни кому-либо еще.

С наилучшими пожеланиями,

Лидия Стрельникова.

Лидя отправила письмо, надеясь, что оно не уйдет в спам и дойдет до Норберга. Других шансов с ним связаться у нее не было. Хотя на что она рассчитывала? Реакция будет наверняка негативной. В лучшем случае он поможет деньгами, но наверняка при этом отнесется к ней как к предприимчивой стерве. Лидя вздохнула и приступила к поискам информации о Билле Уинтерсе.

По пути домой Лидя зашла в платный медицинский центр. Столько раз, подходя к метро, она читала зеленую вывеску про УЗИ, анализы и гинекологию, но зайти решилась впервые. Прежде, чем говорить с дедом, она должна была убедиться, что все хорошо, чтобы не волновать старика лишний раз. Возможно, ей стоило убедиться до того, как отправлять письмо, но что сделано, то сделано, а с дедом надо разговаривать один раз и наверняка.

На ресепшн сидела восточных кровей дама с высоким пучком.

– Здравствуйте, чем могу помочь? – с еле заметным акцентом протянула она.

– Мне нужно сделать УЗИ.

– УЗИ чего?

– Матки.

– Беременность есть?

– Вот это я бы и хотела узнать.

– Хорошо, – дама достала желтый бланк. – Диктуйте: фамилия, имя, отчество, дата рождения.

– Стрельникова Лидия Михайловна, 8 июня 1988 года.
– УЗИ будет стоить полторы тысячи рублей. Присаживайтесь, доктор вас пригласит.

Дама грузно поднялась и направилась к одной из дверей, покачивая широким задом.

– Проходите! – раздался высокий голос, и Лида зашла в затемненный кабинет.

Минут через десять она снова оказалась в приемном, держа перед собой листок, исписанный размашистым почерком, и квадратный черный снимок.

– С вас полторы тысячи, – сказала дама на ресепшн. – Давайте поставлю печать. Если хотите, у нас есть программа ведения беременности с первого триместра. Вот, возьмите брошюру.

Лида машинально взяла брошюру, а перед глазами все стояли каракули узиста: *«В полости матки определяется одно плодное яйцо, сердцебиение +»*.

Дальше какие-то размеры в миллиметрах.

И в конце: *«Диагноз: одноплодная маточная беременность, срок 5 недель 3 дня»*.

А на черном снимке виднелась маленькая белая фасолинка.

По дороге домой Лида зашла в магазин и купила любимый дедушкин торт «Сказка» и бутылку кизлярского коньяка.

– Что отмечаем? – спросил дед, когда Лида поставила перед ним угощения.

– Сначала выпей.

Дед знакомым жестом опрокинул рюмку и одобрительно крякнул.

– Итак? – снова спросил он.

Лида села рядом и сцепила пальцы замком.

– Мы беременны, – сказала она.

Дед молча посмотрел на нее, вздохнул и опрокинул вторую рюмку.

– Виталик? – просто спросил он.

Лида покачала головой.

– А кто?

– Дед, мы не будем это обсуждать. Это мой выбор и мое решение.

– В мои годы в этом участвовали двое.

– Так случилось. Но все будет хорошо.

– А я заставил тебя стричь ветки! – дед покачал головой. – Хоть бы сказала.

– Я только узнала сама. Но представляешь, я сделала УЗИ, и у малыша

уже бьется сердце.

– А какой срок?

– Месяц с небольшим.

– Так, – протянул дед и задумался. – Значит, рожает в начале января. Это плохо, в праздники можно попасть на пьяных врачей. Но ничего, я найду по знакомым, мы договоримся. А к лету можно будет вывезти ребенка на дачу.

– Конечно! – Лида увидела, что деда охватил знакомый ей деловой настрой, и испытала облегчение. Этот настрой всегда выручал их в трудных ситуациях: когда она видела дедушку таким увлеченным, ей и самой становилось спокойнее.

– Не так я себе это представлял, Лидок.

– Я тоже. Но ничего, у нас и так будет дружная семья. Видишь, у меня даже токсокоза нет, – улыбнулась Лида и погладила деда по руке.

Глава 6

С токсикозом Лида погорячилась. Уже на следующее утро она поняла, что не может готовить завтрак без отвращения. А через день встретила рассвет в обнимку с унитазом. С тех самых пор верными спутниками Лиды стали сушки. Единственная пища, которую желудок принимал без возмущения. На работу приходилось носить зубную пасту и щетку, чтобы ликвидировать последствия рвоты. К счастью, за неделю никто из коллег ничего не заметил. Лида не была готова отвечать на лишние вопросы.

Интервью с Биллом Уинтерсом назначили прямо в отеле. Актер не хотел тратить время на разъезды, поэтому «Богема» сняла люкс на сутки по соседству с номером Уинтерса. Удивительно, но британец не отличался пунктуальностью: Лида с фотографом Васей ждали его уже сорок минут. Она с трудом могла побороть приступы дурноты и постоянно вытирала со лба холодную испарину тыльной стороной ладони.

– Ты в норме? – спросил Марков.

– Кажется, траванулась. – Лида глотнула питьевой воды.

– Правильно, больше пей.

– Где его носит? – возмутилась Лида. – Неужели сложно дойти вовремя из соседнего номера?

– Сразу видно, ты не работала со звездами, – Вася пожал плечами. – Бывает, приходится ждать по полдня, а потом все переносить. Самое интересное, что чем ниже уровнем знаменитость, тем больше она себе позволяет.

– Это со всеми людьми работает. У гардеробщиц в музее гонор такой, как будто они сами написали половину картин.

Вася хотел ответить, но в дверь номера постучали. На пороге стоял Билл Уинтерс, обнажая в обаятельной улыбке выбеленные Голливудом зубы.

– Здравствуйте, мистер Уинтерс, я Лидия Стрельникова из журнала «Богема».

– Очень рад. Называйте меня просто Билл, – с британским акцентом ответил актер, и его улыбка стала еще шире.

Билл устроился у высокого окна с видом на Москву и занял небрежную, но выгодную для съемки позу. Вася защелкал камерой.

Из-за британского акцента и быстрой речи собеседника Лидия прилагала все усилия, чтобы разобрать смысл ответов. К счастью, у нее

были с собой диктофоны. Сериальный персонаж Уинтерса был вампиром американского происхождения, поэтому говорил иначе. А вот британский английский еще в институте вызывал у Лиды сложности с пониманием из-за обилия придыхательных звуков, интонаций и неровного ритмического рисунка.

К счастью, в свое время Лида училась очень упорно, поэтому интервью прошло удачно. Напоследок Вася сделал пару снимков Уинтерса в полный рост, и Билл с довольным видом отчалил.

У Лиды была мысль попробовать передать послание для Андерса через его коллегу, но это было бы как-то унизительно. Она прокручивала в голове разные варианты. У нее в кармане брюк лежала визитка со всеми контактами, и можно было просто передать ее Уинтерсу для Андерса. Но если Норберг не ответил на письмо за неделю, то вряд ли стоит ждать от него звонка. К тому же Вася ни на секунду не оставил ее с Биллом наедине, а позориться перед коллегой Лиде не хотелось. В любом случае, момент был упущен.

– Номер оплачен на сутки, – сказал Вася. – Не хочешь тут зависнуть? Все равно в офис можно уже не ехать.

– И что тут делать?

– Валяться на кровати, смотреть плазму, – ты видела, какая огромная? И там есть джакузи, кажется.

– Ты как хочешь, а я – домой.

– Ну да, хреново выглядишь.

В дверь постучали.

– Наверное, Уинтерс, я открою. Если что – пока, – Лида перекинула сумочку через плечо и распахнула дверь.

Но на пороге стоял Андерс Норберг. Лида от неожиданности сделала шаг назад.

– Привет, – сказал он, улыбнувшись одними губами. – Я вижу, ты решила порадовать весь каст «Мертвой крови».

Лида отступила еще на шаг, и взгляд Андерса остановился на Васе, который сидел на диване. Вася приветственно махнул рукой, и Норберг кивнул.

– Нам надо поговорить, – сказал Андерс Лиде.

Она попрощалась с Марковым и вышла в коридор, лихорадочно пытаясь осмыслить появление Норберга. Значит, он получил письмо? Но почему он тогда такой злой? Не хотел бы – не отвечал. И мог бы предупредить о приезде.

– Может, позавтракаем? – снова обратился к ней Андерс. – Ты так и

будешь молчать?

– Я... – Лида прочистила горло. – Я не хочу есть.

– Тогда пойдем ко мне в номер.

Лида кивнула и пошла за ним. Ей крутило живот от страха и дурноты, когда она пыталась представить себе их разговор.

– Проходи, садись, – Андерс захлопнул за собой дверь и положил руку ей на плечо.

Лида вздрогнула.

– Успокойся, я не буду к тебе приставать, если не хочешь, – раздраженно сказал он. – Хотя я рассчитывал на другую реакцию.

Лида пересекла номер и села за столик у окна.

– Ты получил письмо? – сразу спросила она.

– Конечно. Подожди, я закажу завтрак и расскажу тебе про письмо. – Андерс поднял трубку внутреннего телефона и перечислил несколько блюд.

– Ты собираешься все это съесть? – удивленно спросила Лида.

– Нет, есть мы будем вместе.

– Но я не...

– Есть мы будем вместе, – с расстановкой повторил Норберг.

Лида молча кивнула.

– Итак, я расскажу тебе про письмо, – сказал Андерс, и она внутренне сжалась. – Я проснулся утром после прекрасного, удивительного секса с красивой девушкой и обнаружил, что я один. Я проверил в душе, в холле – ни единого следа. И тогда я увидел на столе письмо. Если этот листок бумаги можно назвать письмом. Я подумал: она ушла, потому что я сделал что-то не так. Но ведь я помню, что тебе нравилось.

– Я же написала: «Спасибо тебе за вечер»! – Лида поняла, что он говорит про записку. Значит, он не получал электронного письма?

– И это было очень вежливо. Неужели после такого секса нельзя было оставить хотя бы номер телефона?

– Я не хотела навязываться. Мы же обсуждали, что ты уедешь, и мы больше не увидимся!

– Но не после всего этого, – он махнул рукой в сторону спальни.

И хотя дело было в другом номере, Лида почувствовала, как горят щеки. Она прерывисто вздохнула.

– Ты помнишь, – удовлетворенно отметил он.

– Конечно, помню, за кого ты меня принимаешь!

– Я не знаю, за кого ты принимаешь меня, если просто ушла. Сначала я злился. Потом понял, что все время об этом думаю. Но у меня не было твоих контактов! Я даже фамилию твою не мог вспомнить, потому что она

длинная и сложная.

– Стрельникова, – Лида улыбнулась.

– Ты так говоришь, как будто это просто! – он тоже улыбнулся. – Те, кто меня принимал, сказали, что у них нет твоих данных. И тогда я узнал, что Билл едет сюда на интервью для твоего журнала. И журналист – ты. Я хотел сделать тебе сюрприз, но потом увидел, как он выходит из номера довольный, и снова разозлился. Решил, что...

Лида засмеялась. Он ревновал!

– Лидия! Я – швед. Это был мой годовой запас эмоций! – он улыбнулся и взял ее за руку, но раздался стук в дверь.

– Это завтрак. Но я не забыл, – добавил он, принимая заказ. – Я все еще должен тебе ужин.

Андерс поставил перед ней черный деревянный поднос. На одной из тарелок лежал горячий пышный омлет с сыром и салями. Желудок молниеносно сжался. Лида вскочила и метнулась в ванную, оттолкнув Андерса, и едва успела захлопнуть дверь, как опустилась коленями на кафель и судорожно вцепилась в унитаз. Когда болезненные спазмы отступили, Лида увидела перед собой черные ботинки и поняла, что зря не защелкнула замок.

– Уйди, – устало сказала она. – Ты не должен этого видеть.

– Ты больна! Мне показалось, что ты бледная, но теперь я точно знаю, что ты больна.

– Выйди, Андерс. Принеси мне сумочку, я приведу себя в порядок, и мы поговорим.

Пока он ходил, Лида встала, отряхнулась и плеснула в лицо холодной водой. Андерс протянул ей сумочку, и она достала зубную щетку. Он стоял за ней, прислонившись к стене, и смотрел через зеркало, как она чистит зубы.

– Это не первый раз, да? – наконец спросил он.

Лида прополоскала рот, вытерла лицо и кивнула. Они вышли, и Андерс усадил ее на диван, подальше от еды.

– Ты была у врача?

Лида снова кивнула.

– Скажи что-нибудь! Чем ты больна?

– Я вполне здорова. – Лида вздохнула и решилась: – Для беременной женщины.

Андерс отшатнулся.

– Теперь я понимаю, почему ты сбежала. Надо было сказать мне. Ты говорила, что у тебя нет парня.

– Андерс, у меня нет парня. И тогда я еще не была беременна, – Лида выразительно посмотрела на него, наблюдая, как меняется выражение его лица.

– Ты хочешь сказать, что это мой...

– Других вариантов нет.

Андерс потер лоб пальцами и откинулся на спинку дивана.

– Ты уверена?

– В том, что жду ребенка? Да. Я делала ультразвук.

– Нет. Что ребенок мой?

– До тебя у меня не было секса три месяца. После тебя тоже не было.

– Я использовал презервативы!

– Слушай, я тоже в шоке. Но я не вру. Я читала в Интернете, говорят, такое случается. Бывают микроскопические повреждения латекса или что-то похожее.

– Может, ты специально сделала это, пока я спал?

– И ушла, не оставив номер телефона?

– Или рассчитывала на известность в прессе?

– Андерс, это твое дело, веришь ты мне или нет. Я уже писала тебе в письме: я гарантирую, что оставлю это в секрете.

– В каком письме?

– А ты же не получил его. Я узнала в компании, которая тебя приглашала, твой электронный адрес. У меня не было другой возможности связаться с тобой.

– Но я не переписывался с российскими партнерами! Всеми вопросами занимался мой менеджер. Подожди... – Андерс взял ее за руку. – Что ты написала и кому?

– Сейчас, – Лида достала телефон и открыла папку «Отправленные» в почтовом ящике.

Она нашла нужное письмо и протянула Андерсу телефон.

– Да, это адрес моего менеджера, – подтвердил он, дочитав до конца. – И он мне ничего не сказал. Придется выяснить, почему. В любом случае, даже лучше, что я прилетел. Надо обсудить это лично.

– Тут нечего обсуждать, Андерс. Я не буду делать аборт.

– Кем ты меня считаешь? Я никогда не стал бы просить о таком. Если ребенок мой, – Андерс поднял ладонь, не давая ей возразить. – Если ребенок мой, я не собираюсь отказываться от него. Но мне нужны доказательства.

– Я понимаю, – Лида пожала плечами. – Ты меня не знаешь и не можешь доверять. Я сдам анализы, если нужно. И я могу подписать

документ о том, что... забыла слово... о том, что никому не скажу.

– О неразглашении. Я рад, что ты сама предложила. Дай мне свой телефон.

– Зачем?

– Смотри, – сказал он, набирая цифры, – это мой телефон в Лос-Анджелесе. Это мой телефон в Швеции. А это мой скайп. Поняла?

Лида кивнула.

– А теперь дай мне свой номер и вообще все контакты, которые у тебя есть. И адрес, – Андерс наблюдал, как она пишет. – Я постараюсь связаться с юристом как можно быстрее.

– Что ты планируешь делать, когда все подтвердится? – спросила Лида.

– Я не знаю. Я должен все обдумать. Я не планировал детей, но это не значит, что я их не хочу. Я всегда хотел настоящую семью. А теперь все пошло не по плану. Мы должны вместе найти решение, которое устроит нас обоих.

– Я хочу, чтобы ты знал. Мне не нужны от тебя деньги или популярность. Меня все устраивает в моей жизни, – Лида очень надеялась, что он услышит ее и поверит. – Но я никогда не помешаю тебе видеться с ребенком. Я не планировала заводить детей сейчас, у меня есть другие заботы. Но так случилось. И что бы ни было между нами, ты будешь хорошим отцом.

– Слушай, я голоден, – Андерс, как ей показалось, поспешно отстранился от нее и встал. – Я бы поел.

– Конечно. Я пойду, – Лида тоже собралась встать.

– Нет, подожди. Ты плохо выглядишь, я хочу сам отвезти тебя домой.

– Ты не должен.

– Я хочу, – повторил Андерс. – Поешь что-нибудь?

– Есть хлеб?

– Вот, – Андерс принес ей корзинку со свежим хлебом.

Сам он сел за стол, а Лида жевала посыпанную кунжутом булку на диване, чтобы не рисковать. Теплый хлеб с хрустящей корочкой приятной тяжестью опустился в желудок, и Лида расслабилась. Ей вдруг стало очень спокойно от того, что неприятный разговор остался позади, а Андерс сидит рядом и пьет свой кофе.

– Можно я прилягу? – спросила она. – Только на секунду, пока ты ешь.

– Конечно. Иди лучше в спальню, там удобно.

Лида прилегла на край кровати поверх одеяла и сама не заметила, как уснула. Сквозь сон она чувствовала, что он укрывает ее, но дремота сковала

ее мягкими уютными цепями. Лида взяла его за руку и прошептала по-русски:

– Я так рада, что ты приехал... – и снова провалилась в забытие.

Когда Лида проснулась, уже наступили сумерки. Андерс лежал рядом с ней. Во сне она прижалась к нему, и теперь ей не хотелось разрушать хрупкую связь. Она смотрела, как вздымается его грудь, у основания шеи бьется пульс, как на подбородке пробивается щетина. На лбу, у самого основания волос, у него была небольшая родинка. Его руки от запястья до локтя были покрыты светлыми шелковистыми волосками, а ладони казались крепкими и надежными. В нем было что-то мужское и одновременно мальчишечье. Лида тихонько втянула в себя запах, ставший ей родным. Она понимала, что отношения между ними предельно усложнились. Что теперь они не могут себе позволить просто быть вместе, а потом в случае чего разбежаться. Ребенок требовал от нее терпения и сознательности. Но в это мгновение она могла беспрепятственно любоваться им и наслаждаться близостью. Андерс пошевелился и закинул на нее руку. Его кожа была разгоряченной от сна. Она чувствовала тепло через ткань блузки. По спине пробежали мурашки, в животе сладко заныло. Лида поняла, что не в силах предаваться сознательности, когда он рядом, и решила уйти.

– Останься, – хрипло прошептал он, когда она попыталась выбраться из-под его руки.

– Я думала, ты спишь, – тоже шепотом ответила она.

– Пожалуйста.

Она вернулась на место, и он прижал ее к себе, уткнувшись носом в волосы.

– Я столько раз думал об этом.

– Я тоже.

Его дыхание щекотало ее, вызывая трепет, обостряя ощущения. Ее голова лежала на его груди, и она слышала, как часто стучит сердце. Андерс сильнее обнял ее, и Лида почувствовала, как дернулась его плоть.

– Андерс, – простонала она.

Тело живо напомнило ей, как он бился внутри нее.

– Андерс, – Лида зажмурилась, пытаясь совладать с собой. – Пожалуйста.

– Скажи, чтобы я отпустил тебя. Скажи, если можешь.

– Андерс, – повторила Лида. – Я не могу.

Он оторвался от нее, чтобы поцеловать. Но она первая потянулась к нему, вложив в поцелуй всю тоску, которая мучила ее этот месяц, всю тоску

от мысли, что он скоро уедет опять. В глазах защипало, и из-под ресниц побежала горячая дорожка. Он почувствовал соленую влагу и отстранился, удивленно глядя на нее. А Лида сжалась в комок и заплакала. Андерс гладил ее по голове, пока она мочила, содрогаясь, его рубашку.

– Что случилось? – спросил он, когда слезные потоки стихли.

– Я не знаю, – прошептала Лида и шмыгнула носом. – Наверное, гормоны.

Одного напоминания о беременности хватило, чтобы Андерс напрягся. Он сел и взъерошил себе волосы.

– Мне не стоило начинать, – пробормотал он и добавил что-то по-шведски.

– Что? – спросила Лида.

– Вставай, я вызову такси и отвезу тебя домой.

Глава 7

Всю дорогу до дома они ехали молча.

– У третьего подъезда остановите, пожалуйста, – сказала Лида, когда в свете первых фонарей появился знакомый сталинский дом.

– Я хочу пойти с тобой, – неожиданно сказал Андерс.

– Зачем?

– Я мало о тебе знаю. Я хочу сам увидеть, в каких условиях ты живешь.

Лида пожала плечами.

– Как пожелаешь. Но я живу не одна.

– Родители? – спросил Андерс, захлопнув за собой желтую дверцу машины.

– Нет, – Лида поежилась от прохлады майского вечера. – Мои родители умерли, когда я была маленькой.

– Прости.

– Все нормально. Я их не помню.

Лида набрала код домофона и открыла пиликающую дверь. Лампа в подъезде опять мигала. Лиде было неудобно и стыдно перед Норбергом за окружающее убожество. Не так давно сталинские дома считались верхом роскоши, но время шло, и из могущественных гигантов они превратились в угрюмые устаревшие глыбы. В подъезде пахло сыростью, большие серые ступени от множества ног стали скользкими и покатыми. Но главным атавизмом оставался железный скрипучий лифт в сетчатом коробе. Он устало грохотнул, Лида распахнула серую дверь и пропустила Андерса в узкую кабину. Дверь была недавно покрашена, но от этого казалась только более старой, как старуха с алой помадой на сморщенных губах. Норберг оглядывался молча. Лицо его не выражало ни брезгливости, ни удивления. Если какие-то эмоции и вызвала в нем унылая обстановка, он держал их при себе.

– Это старый дом, он построен еще при Сталине, – Лида чувствовала потребность оправдаться.

– Интересно, – тактично ответил Норберг.

Наконец они вышли на просторную лестничную клетку четвертого этажа, и Лида повернула ключ в замке. На мгновение она замерла.

– Я живу с дедом, – предупредила она Андерса. – Он плохо слышит и не говорит по-английски. Ты сам напросился.

Андерс кивнул.

– Я дома, – привычно крикнула Лида. – Не одна!

Она включила свет в прихожей и попыталась оглядеть свое жилище со стороны. Она никогда не задумывалась, насколько презентабельно для иностранца выглядит квартира. В ней и русских-то гостей почти не водилось. В любом случае, главным кредо в жизни Лиды была аккуратность, поэтому за порядок она была спокойна.

Длинный и из-за высоты потолков казавшийся узким коридор тянулся к кухне. Клеить обои с такими потолками было настоящим испытанием, но год назад Лида прошла его. На светлых голубоватых обоях висели фотографии и маленькие акварельные рисунки: Лидина мама в юности увлекалась живописью. По правую руку шли двери: в дедову комнату, в бывшую мамину, где теперь почти никто не бывал, и в комнату Лиды. Паркет был старым, для его ремонта надо было нанимать мастеров, но, несмотря на потертости, выглядел прилично. Из комнаты деда звучало «Эхо Москвы».

– Я не говорила деду, кто отец ребенка, – сказала Лида вполголоса. – И пока ты ничего не решил, не скажу. Ты – коллега, знакомый по работе, что-то такое. Проходи прямо по коридору на кухню, а я его приведу.

Андерс кивнул, и Лида заглянула к бабушке.

– Кто пришел? – спросил Александр Борисович. – Виталик?

– Нет, это по работе, – Лида нагнулась и чмокнула деда в сухую щетинистую щеку. – Он из Швеции. Выйдешь познакомиться?

– Можно.

– Хорошо, мы будем на кухне. Ты обедал?

– Пил чай с бутербродами.

– Я же оставила суп! Тебе надо есть горячее.

– Я чай даже не разбавляю!

– Перестань. Я погрею тебе гуляш с гречкой.

– Я могу и сам. Тебя ведь тошнит.

– Ничего, вечером получше. И сам ты опять будешь есть одни бутерброды. Все, мы тебя ждем, – Лида улыбнулась. Дед был ее самым родным человеком на свете, и если ремонт или скромная обстановка заставляли ее стесняться, то за бабушку она чувствовала только гордость.

Андерс стоял у окна.

– Ты голоден? – спросила Лида. – Я сейчас буду греть деду ужин, тебе тоже хватит. Правда, еда простая.

– Кажется, мы уже обсуждали устрицы в прошлый раз. Я всеядный. И да, я бы поел. Ты живешь одна с дедом?

– Да. Когда родители погибли, бабушка и бабушка меня воспитали. Потом бабушка умерла от рака, и вот мы остались вдвоем.

Андерс повернулся к холодильнику и оглядел сувенирные магниты из разных стран.

– Это твои?

– Да, я вела колонку путешествий. До того, как мне поручили интервью.

– Жалеешь?

– Не знаю, – Лида пожала плечами. – Но если я буду беременеть после каждого интервью, мне придется менять работу.

Андерс расхохотался.

– Ты заставляешь меня смеяться даже тогда, когда мне этого совсем не хочется.

– Садись, я достану ужин.

– Ты справишься с тошнотой? – спросил Андерс.

– Вечером мне гораздо легче, – Лида поставила на плиту кастрюльку с водой и достала с полки гречку.

– Что это?

Лида задумалась.

– Слушай, я понятия не имею, как это будет по-английски. Традиционная русская крупа. Подожди, я посмотрю в телефоне, – Лида открыла сайт-переводчик. – Вот. Buckwheat. Столько лет учу английский, а этого слова не знала.

– Я слышал, что русские ее любят. Она продается в специальных магазинах для русских иммигрантов. Но я никогда не пробовал.

– Значит, у тебя будет экзотический ужин. Загадывай желание.

– Зачем?

– Меня бабушка так учила. Когда пробуешь что-то новое, надо загадывать желание.

Лида промыла крупу и засыпала в кипяток.

– Здравствуйте, – Александр Борисович, распрямив плечи, зашел на кухню. Он был при полном параде: брюки и рубашка на все пуговицы.

– Добри ден, – по-русски старательно выговорил Андерс, встал и протянул руку.

– Александр, – представился дед, принимая рукопожатие.

– Андерс, – ответил Норберг.

Мужчины сели. Дед был лишь немногим выше Андерса. Годы в баскетболе приучили Александра Борисовича ценить высоких людей, поэтому в его затянутых старческой пленкой глазах мелькнуло одобрение.

- Вы тоже играете? – спросил дед и кивнул Лиде, чтобы та переводила.
- Дедушка спрашивает, не играешь ли ты в баскетбол.
- Нет. Я в детстве увлекался футболом.

Лида перевела.

– Очень зря, – дед тренерским взглядом окинул собеседника. – В футболе длинные ноги только мешают. А вот у нас его бы оторвали со всеми конечностями.

– Дед, Андерс – актер. Он со спортом никак не связан.

– Тем более, зря, – Александр Борисович разочарованно вздохнул. – Такие данные пропадают.

– Дедушка всю жизнь играл в баскетбол за один из лучших клубов Советского Союза, – Лида перешла на английский. – Потом был тренером и учителем физкультуры. Его очень огорчает, что ты не баскетболист.

– А почему тогда ты не баскетболист? – с улыбкой спросил Лиду Андерс.

– Я была легким форвардом. Третий номер, если ты понимаешь, о чем я, – с гордостью сказала Лида.

– Понимаю, – отозвался Андерс, и лицо его отразило озадаченность. – Я смотрел баскетбол.

– Чего он так удивился? – спросил дед.

– Я сказала, что занималась баскетболом.

– А что, девочки должны заниматься танцами? – фыркнул Александр Борисович. – Принеси, покажи свой победный альбом.

– Не надо, он и так поверит, – Лида поставила на плиту вчерашний гуляш.

Когда команда Лиды одержала первую победу среди детских команд Москвы, Александр Борисович начал вести фотоальбом с победными снимками. Он ходил на все матчи Лиды с фотоаппаратом и был там главным болельщиком. Тренерскую работу он к тому времени забросил, но устроил Лиду к своему знакомому и старался держать руку на пульсе.

– Почему ты ушла из баскетбола? И что сказал твой дедушка?

– Я ушла, потому что нужна была профессия со стабильным заработком. Женский баскетбол к таким профессиям не относится. Дедушка просил, чтобы я принесла свой победный фотоальбом. Ерунда.

– Принеси.

– Это скучно.

– Ты что, стесняешься? – поддразнил ее Андерс.

– Как скажешь! Но учти, это надолго, – Лида вышла и через минуту вернулась, положив перед Андерсом красный кожаный альбом.

– Лида, ты собираешься кормить гостя только гречкой и мясом? – сердито осведомился дед.

– Он говорит, что неприхотлив, – Лида посмотрела, как Андерс переворачивает картонные страницы с блеклыми цветными фотографиями. – Сейчас нарежу свежий салат.

– Хозяйка ты или кто! Как мне сбыть тебя с рук, если ты не можешь принять гостя. Достань селедки, у нас была, брауншвейгской, грибов, которые я летом закрывал. И белые достань, и опята, они с красной крышкой. И клюковки моей самодельной принеси. Хоть бы предупредила!

– Я понятия не имела, что он придет! – сказала Лида.

– Для этого и нужны заготовки. И даже если некогда готовить, можешь показать, что ты хорошая хозяйка. Ты бабушкину тетрадь с рецептами не теряй, и мою записную книжку. Вот я помру, ты хоть мужа без моих наливок не оставишь.

– Он мне не муж.

– Я старый, а не слепой. Я вижу, что никакие вы не «просто коллеги».

– Но...

– Давай, накрывай все. Неси, неси. О! – дед увидел один из снимков в альбоме. – А это они заняли первое место в Нижнем Новгороде.

Лида перевела Андерсу реплику про фотографию, украдкой взглянула на него и вздохнула. Если бы только можно было завоевать голливудского актера солеными грибами и клюковкой!

– За встречу, – сказал дед, поднимая рюмку с ярким ароматным напитком, когда Лида накрыла на стол.

– На здоровиэ, – по-русски ответил Андерс, и они чокнулись.

– Никогда не понимала, почему иностранцы говорят «На здоровье» и думают, что это русский тост, – сказала Лида Андерсу. – Я никогда не видела русского, который бы так говорил.

– А как вы говорите? – хриплым после настойки голосом спросил Андерс.

– Самое простое – «будем».

– Бу-дим? – по слогам повторил Андерс.

– Да.

Норберг ел с аппетитом. Не понравились ему только маринованные грибы. Зато селедка вызвала волну ностальгии.

– На флоте мы солили рыбу сами, – рассказывал он, откинувшись на спинку стула. – Лидия, переведи. Я вообще готовлю рыбу лучше всех. Отец любит готовить, и я тоже люблю. Я делаю семгу с таким соусом, – он потер пальцами, подбирая слова, – очень вкусно! А моя бабушка маринует

селедку в вине. В Америке селедка продается только в «Икее». Совсем не то. Лидия, переведи.

Лида перевела, и дед закивал. Клюковка сделала обстановку душевной.

– Настоящий мужчина должен уметь готовить, – сказал дед. – Ты лучше скажи, что ты собираешься делать с ребенком моей внучки.

– Дед! – Лида поперхнулась. – При чем здесь он!

– Что? – спросил Андерс.

– Подожди, – Лида снова повернулась к бабушке. – Ты о чем?

– Он видит, что ты не пьешь, но даже не предложил тебе. И не удивился. Значит, он знает о беременности. Ты не собиралась сообщать на работе и уж тем более не стала бы говорить случайному коллеге. А значит, ты соврала, и он не с работы. Просто так ты врать не будешь. К тому же ему было интересно смотреть твой детский альбом. Значит, между вами что-то было, но он не принял решение, и поэтому ты не хочешь его выдавать, – Александр Борисович улыбался с видом Эркюля Пуаро, который собрал всех действующих лиц и объявил, что убийца – садовник. – А ты думала, я не пойму? Ты бросаешь Виталика, потом вдруг беременность, окутанная тайной, и красавчик-актер? Так что давай, переводи ему: что ты будешь делать с ребенком?

– Я не думаю, что он станет отвечать. И вопрос неуместный.

– Я не в том возрасте, чтобы разводить китайские церемонии. Пусть отвечает.

Лида взглянула на Андерса, который удивленно наблюдал за эмоциональным выпадом Александра Борисовича.

– Бабушка просит меня задать тебе вопрос, – Лида перешла на английский. – Но я предупреждаю, что ничего ему не говорила. Честно! Он спрашивает, что ты собираешься делать с ребенком.

– Откуда он знает? – с лица Андерса исчез всякий намек на улыбку.

– Догадался! Я не вожу домой толпы мужчин, если хочешь знать!

– Ты решила пустить в ход тяжелое оружие? – холодно спросил Норберг.

– Ты о чем?

– Используешь пожилого человека, чтобы надавить на меня?

От возмущения у Лиды перехватило дыхание.

– Вчера я и понятия не имела, что еще хоть раз увижу тебя снова, – медленно и с расстановкой сказала она, – а теперь ты думаешь, что я разработала коварный план? И когда я, по-твоему, все успеваю? Это ты решил прийти ко мне домой, я тебя не звала! И зачем ты вообще пришел?

Чтобы обвинять меня? Или чтобы проверить, нет ли у меня тут детей от других звезд? Хотел посмотреть, не мошенница ли я?

Андерс промолчал, но по выражению его лица Лида поняла, что попала в точку.

– А я-то подумала, что ты хочешь лучше узнать меня или посмотреть, в каких условиях будет расти твой ребенок!

– Я совсем тебя не знаю, – оправдываясь, сказал Норберг.

– Я дала тебе шанс все решить по-человечески. Ты не должен мне верить, хотя это очень неприятно, когда тебя считают проституткой или обманщицей. Но ты продолжаешь обвинять меня! – Лида встала. – Это все, Андерс. Мне от тебя ничего не нужно. Если ты хочешь, мы проведем анализ, решай все с юристами. Ты оскорбил меня, но моего деда я оскорблять не позволю. А теперь уходи.

Андерс тоже встал.

– Что происходит? – спросил Александр Борисович.

– Ему пора уходить, – сухо сказала Лида.

– Значит, вот как, – дед оперся о стол и тяжело поднялся. – Ты должен отвечать за свои поступки, – он смотрел Андерсу в глаза. – Я не знаю, что ты ей сказал и что между вами было. Но я вижу, что ты обидел ее, а она этого не заслуживает. Мой правнук не будет сиротой при живом отце. Можешь не жениться на ней, но это твой ребенок, и ты перед ним в ответе. Переводи, Лида.

– Я не буду унижаться.

– Я догадываюсь, что он сказал, – холодно сказал Андерс. – Но это его не касается.

– Уходи, пожалуйста, – тихо повторила Лида. – Я устала.

Еще мгновение мужчины стояли и, не мигая, смотрели друг на друга. Лиде показалось, что на Лице Андерса мелькнуло сожаление, но она не хотела себя обнадеживать. Наконец, Андерс развернулся и вышел, и она пошла проводить его до двери.

– Прости, если обидел, – шепнул он в коридоре. – Но ты должна понять меня.

– Я понимаю. У тебя есть мои контакты, скажи, когда надо будет подписать бумаги.

– Хорошо, – он стоял в дверях, словно собираясь что-то сказать.

– Пока, Андерс.

– Пока, Лидия.

И она захлопнула дверь.

Глава 8

Три дня от Норберга не было ни слуху ни духу. Когда возмущение прошло, Лида начала жалеть о своей резкости, время от времени проигрывая в голове разные варианты последнего разговора. На четвертое утро ее разбудил сигнал о сообщении. Лида судорожно схватила телефон, надеясь увидеть хоть слово от Андерса, но писал Виталик: «Я в Москве. Давай встретимся».

Лида ответила: «Лучше не надо». Но телефон снова пикнул: «Надо поговорить. Думаю, я заслужил хотя бы разговор». Лида вздохнула. Виталик был сейчас последним человеком, которого она хотела видеть. Но все же они встречались слишком долго, чтобы бросить его по скайпу. Если ему хотелось неприятного разговора, значит, она должна была это вытерпеть. Совесть никто не отменял. «ОК. В 7 на Парке Победы удобно?» Виталик ответил утвердительно.

Уже заходя в офисное здание, Лида продолжала размышлять, стоит ли сообщать бывшему о беременности. В последнее время она была чересчур эмоциональна, поэтому ей хотелось избежать дополнительных обвинений. Но дед учил ее честности. Когда Лида распахнула дверь в кабинет, который делила с несколькими коллегами, на нее накинулась Родионова.

– Где ты ходишь? Казакова рвет и мечет, ищет тебя!

– Что случилось?

– А ты не в курсе? – Катя удивленно отступила на шаг назад.

– Да в чем дело?

Катя бросила взгляд на Риту Вернер и Олесю Кузнецову, которые выглядели из-за Родионовой и с любопытством наблюдали за разговором.

– Ты не видела новостные ленты?

– Нет, – Лида пожала плечами и бросила сумочку на свой рабочий стол.

– Тогда лучше тебе увидеть это самой.

Лида подошла к Катиному столу и увидела на экране снимок Норберга. Статья гласила:

Андерс Норберг сделал ребенка русской журналистке

Как сообщает анонимный источник, корреспондент журнала «Богема» Лидия Стрельникова беременна от голливудского актера шведского происхождения Андерса Норберга, звезды телесериала

«Мертвая кровь». Встреча произошла во время последнего официального визита Норберга в Москву, где журналистка брала у него интервью.

Факт отцовства еще не доказан, однако предприимчивая девушка уже требует от знаменитости алименты. Как нам стало известно, сам Норберг данную ситуацию никак не комментирует и всячески игнорирует предполагаемую мать своего будущего ребенка.

Это уже не первый факт скандального поведения журналисток «Богемы». Напомним, совсем недавно на непристойные предложения жаловался Андрей Зимицкий. Видимо, «Богема» готова не только освещать личную жизнь знаменитостей, но и принимать в ней живое участие.

Лида почувствовала, как от страха в животе ворочается тугой ком. Это конец.

– И где это опубликовано? – сухо спросила она.

– Первым делом в газете «Селебрити». Потом подхватили новостные ленты в Сети. Мы насчитали три штуки. Но это дело времени, сама понимаешь, – сказала Рита.

– В западные источники просочилось?

– Мы не смотрели.

Лида сжала пальцы. Теперь Андерс ее возненавидит. А Казакова... Казакова просто распнет. Но как? Как это все попало в прессу? Взгляд Лиды упал на выключенный монитор ее рабочего компьютера, и она вспомнила про письмо.

– Олеся... – прошептала Лида, осененная внезапной догадкой. – Ты! Это ты им все слила! Это тебе надо было, чтобы я облажалась!

– С ума ты сошла?! – Кузнецова подняла ухоженные брови. – Первый раз слышу об этом.

– Так это правда? – спросила Катя. – Ты спала с Андерсом Норбергом?!

– Везет же некоторым! – Рита вздохнула. – Ну и как?

– И про беременность правда? – снова спросила Родионова.

– Какая разница! Все равно меня теперь уволят к чертовой матери! А все ты! – Лида с ненавистью посмотрела на Кузнецову. – Ни секунды не сомневаюсь. Надеюсь, теперь ты довольна!

– Да не знала я ничего! И тем более никому не говорила!

– А вы с ней поаккуратнее, – Лида обратилась к Кате Родионовой и Рите Вернер. – Она и вас сдаст, если ей будет выгодно.

Лида взяла сумочку и вышла из кабинета, еле сдерживаясь, чтобы не побежать.

– Я правда ничего не сделала! – донесся до нее голос Олеси.

Лида кинулась в уборную, от волнения ее стошнило. Она не дала себе заплакать, умылась, почистила зубы и поправила прическу. Затем попыталась принять самый невозмутимый вид, который только могла. Бог знает, сколько унижений ей заготовила Казакова.

– Элла Дмитриевна? – Лида приоткрыла дверь шефского кабинета.

– Стрельникова, заходи, – Казакова откинулась на спинку кресла. – Тебе крупно повезло, что ты не попала мне полчаса назад.

– Почему?

– Потому что тогда я бы тебя подвергла публичной казни. Я была настолько зла, что даже устала.

– Я понимаю.

– Понимает она! Ты разочаровала меня так, что слов нет! Я и предположить не могла, что ты окажешься такой дурой! – под пудрой на щеках Эллы Дмитриевны проступил румянец. – Лечь под того, с кем работаешь! И это после того, как я отстранила Кузнецову за автограф! Нет, ты мало того, что раздвинула ноги, ты умудрилась залететь. По крайней мере, я надеюсь, что это правда, иначе ты обычная гнусная аферистка. Но и это не все! Ты слила все в желтую газету, вываляв в грязи мой журнал! Теперь никто не захочет с нами работать! Теперь все решат, что мы такая же убогая бульварная газетенка, как и все они!

– Я виновата во всем, кроме слива информации. Я все держала в секрете.

– Если кто-то твой секрет раскрыл, значит, виновата ты сама, – Казакова постучала ногтями по столу. – Если бы можно было тебя уволить дважды, я бы это сделала. С удовольствием. Но я уволю тебя один раз.

– Хорошо, – видимое самообладание стоило Лиде невероятных усилий. – По какой статье?

– Даже не думай играть в эти игры, – Элла Дмитриевна подняла уголок губ в жестоком подобии улыбки. – И не надейся на трудовой кодекс про увольнение беременных. Ты напишешь по собственному желанию.

– У меня нет желания уходить. И моя личная жизнь никак не влияет на мои профессиональные навыки.

– Ты могла бы спать с кем угодно, лишь бы имя моего журнала не всплыло в связи с этим. Но ты изваляла «Богему» в грязи, а вместе с ней и меня. Я настоятельно тебе рекомендую написать заявление, Стрельникова. Иначе я сделаю так, что ты и правда захочешь уйти. И уж я постараюсь, чтобы тебя потом никуда не взяли. Хотя ты сама все сделала за меня. Теперь о твоей беременности не знает только ленивый. Ни один

работодатель не захочет влезать в декретные выплаты ради такой... – Казакова смерила Лиду презрительным взглядом. – Потаскухи, – наконец выплюнула она.

– Я вас услышала, – сказала Лида и поднялась со стула. Она держала спину прямо и чувствовала, что ее начинает трясти. – Я напишу заявление. Я понимаю, что вы вряд ли измените свое мнение, но я не хотела, чтобы все так вышло. И я не аферистка.

– Ну-ну.

– Мне надо отрабатывать две недели?

– Обойдемся без твоих услуг, если только ты не согласишься мыть полы.

– Не соглашусь.

– Я так и думала. Тогда занеси заявление в бухгалтерию, заведи трудовую и собирай свои вещи. За последний месяц зарплату получишь на карточку, как обычно.

– До свидания.

Лида вышла из кабинета и прислонилась к стене. Ей хотелось кричать от унижения, бессилия и злости. Она собрала остатки самолюбия и вернулась к себе.

– Ну что? – спросила Катя, когда Лида закрыла за собой дверь.

– А как ты думаешь? Ухожу по собственному желанию. Олесе отдельная благодарность, – Лиде хотелось высказать все в лицо, но Кузнецова куда-то испарилась.

– Но она говорит, что ничего не сделала, – с сомнением заметила Катя.

– А если бы ты сдала меня бульварной прессе, то сразу бы призналась? – Лида стала вынимать из ящика стола диктофоны, зарядки и другие свои немногочисленные вещи.

– Вот сука! – с чувством сказала Рита Вернер. – Честно скажу: я разделяла ее негатив, когда тебя поставили на интервью вместо нее. Но устроить такую засаду!..

– Какая теперь разница. Все равно ее тоже упомянули в статье. Я сильно сомневаюсь, что шеф вернет ее на прежнюю работу. А то и вовсе не уволит. А если нет, ей самой будет здесь тяжело, я уж тебе обещаю, – Катя положила Лиде руку на плечо. – Ты в порядке?

– Не знаю, какой порядок тут может быть. Придумаю что-нибудь, – Лида убрала вещи в пакет и положила на стол белый лист. – Но если кто-нибудь услышит о вакансии, я готова браться за все.

Пока Лида писала, все молчали.

– Вряд ли у тебя теперь будет недостаток в деньгах, – не вытерпела

Вернер, когда Лида поставила под заявлением свою подпись.

– Вряд ли тебе вообще надо будет работать, – добавила Катя. – Может, он тебя к себе заберет, чтобы ребенок был рядом.

– Ага, а может, еще и женится, – ехидно сказала Лида. – Вы, девчата, не обижайтесь, но это не ваше дело.

– Да какие обиды! И потом, – Рита задумчиво намотала локон волос на палец, – ты всегда можешь пойти на телевидение или в журнал, лучше даже американский. Они неплохие деньги заплатят за откровения.

– Фу, Рита! Даже думать об этом не собираюсь! Грязь какая.

– Грязь, не грязь, а деньги хорошие. Где ты теперь найдешь работу по специальности?

– Ладно, достаточно, – Лида встала, перекинула сумочку через плечо, взяла заявление и пакет. – Спасибо вам на добром слове, конечно, но я не готова ко всему этому. Успехов в работе и всего хорошего.

– Да чего ты сразу! Мы не хотели тебя обидеть.

– Звони, может, как-нибудь встретимся, выпьем кофе...

– Ага.

Лида кивнула, окинула взглядом помещение, в котором провела не один месяц, и вышла.

После оформления документов Лида пошла в первое попавшееся кафе, которых в модной высотке было пруд пруди. Она заказала зеленый чай и свежий салат, устроилась в плетеное кресло и достала телефон. Ей надо было срочно написать Андерсу, что она не виновата. Да, она еще не успела подписать бумагу о неразглашении, но ей было важна не юридическая сторона, а то, что он подумает о ней. Надо было удалить письмо из своего компьютера, женский коллектив – тот еще гадюшник! К тому же она сама приходила к Олесе, чтобы узнать, как выйти на Норберга.

Лида открыла в телефоне скайп, не ожидая увидеть Андерса в сети. В Лос-Анджелесе день еще не наступил. Но напротив его псевдонима горела зеленая точка.

– Андерс, привет!

Ты здесь?

Нужно поговорить.

– Привет, Лидия. Что-то случилось?

– Да. Ты читал газеты?

– Нет. Здесь ночь, у меня ночные съемки.

– Я мешаю?

– У меня перерыв. Что случилось?

– Пресса обо всем узнала. О тебе и мне.

Кто-то на работе влез в мой компьютер. Сегодня вышла газета со статьей о том, что я беременна от тебя.

Потом несколько новостных сайтов скопировали информацию. Я не успела проверить американские издания.

Андерс?

– Это плохо. Они назвали твое имя?

– Да!

Они даже напечатали мою фотографию.

Но я этого не делала, Андерс!

Мне это не нужно!

– Я верю. Тебе кто-нибудь звонил или писал? Ты можешь не давать комментарии?

– Да, конечно! Я не собиралась!

– Я тебя не виню. Я же не прислал тебе соглашение о неразглашении.

– Дело не в этом.

Я все равно бы так не поступила.

К тому же меня уволили.

– За что? Беременных нельзя уволить.

– За скандал.

В России можно уволить кого угодно.

– Подай в суд, если хочешь. В Америке журналы готовы доплачивать за скандал. Это называется «черный пиар». Я думал, ты знаешь.

– Я слышала о таком.

Но наш шеф дорожит репутацией.

И я не подам в суд.

– Хорошо. Я поговорю с адвокатом.

– Это очень плохо для тебя?

– Что? Скандал в прессе? Я не люблю выставлять личную жизнь напоказ. И мне это неприятно.

– Прости, Андерс. Это моя вина.

– Ты не виновата.

– Это было глупо. Писать тебе. И надо было удалить письмо.

– Ты ничего не можешь изменить теперь. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. С учетом обстоятельств.

– Я хотел тебе написать. Мой юрист нашел международную компанию, которая занимается ДНК-тестами. У них есть филиал в Москве. Они берут анализ крови матери и отца. Это безопасно для ребенка. Тест можно делать после 9 недель.

– У меня 7 недель.

Я сдам, когда будет нужно.

– Для теста необходимо присутствие нас обоих. Но я смогу прилететь в Москву только через месяц.

– ОК.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Например?

– Деньги?

– Нет.

Я уже говорила, что ничего не вымогаю.

– Я помню. Но тебя уволили.

– Я найду работу.

Все ОК, Андерс.

– ОК. Извини, мне нужно идти.

– Пока.

Зеленая точка погасла вместе с надеждой Лиды на хоть какое-то тепло в отношениях с Норбергом. Она сама не знала, чего ждала от него. Поддержки хотелось, но Лида привыкла к одиночеству. В школе ее дразнили, друзей детства не нашлось. В институте она выбивалась из сил, совмещая учебу и подработки, а на работе... На работе были коллеги вроде Олеси Кузнецовой. Сокурсники, коллеги, знакомые, и ни одного друга. Единственные теплые воспоминания сохранились у Лиды о баскетбольной команде. Но капитан команды, лучшая подруга Лиды Аня Исаева, давно эмигрировала в Штаты, – там в женском баскетболе можно было сделать неплохую карьеру. Они переписывались, изредка созванивались, еще реже встречались, когда Аня приезжала в Москву к родителям на рождественские и летние каникулы. Последний раз Лида видела подругу перед Новым годом и с тех пор не сообщала ни о ребенке, ни даже о разрыве с Виталиком.

Лида вспомнила, что договаривалась с ним о встрече. До назначенного времени оставалось еще часов пять, и Лида, покончив с салатом, решила скоротать время в кино.

Показывали какую-то комедию, мультфильм и «Морскую атаку». Последнюю Лида не стала бы пересматривать, даже не будь там Норберга, поэтому взяла ведро попкорна и отправилась сначала на комедию, потом на мультфильм. Мультфильм был на редкость добрым и трогательным, и в темноте полупустого зала Лида выплакалась. То ли от сюжета, то ли от собственных проблем. К слезам она не привыкла: настоящая дедова внучка, она ни разу не ревела едва ли не со школы. Беременность сделала ее плаксой.

Странно, но Лида не чувствовала себя беременной. То есть тошноту и слезы никто не отменял, но ощущения новой жизни, радости и всего прочего, что положено будущим мамашам, Лида в себе не замечала. Возможно, она просто до конца не осознала. Иногда ей было страшно, что из нее не выйдет хорошей матери. Вечерами, укладываясь в постель, Лида прикладывала ладони к животу и прислушивалась. Она понимала, что для шевелений еще слишком рано, но ей хотелось услышать в себе хоть какие-то отголоски материнского инстинкта. И каждый раз ничего. Тишина. Лиду это пугало. Она никогда не отличалась повышенным чадолюбием: ее не умиляли чужие младенцы в колясках и малышня в песочницах. Дети и дети. Ничего эдакого. Теперь же она ждала рождения своего ребенка. Из-за него она лишилась работы и шанса на нормальную счастливую семью, а радости никакой.

Со времени УЗИ Лида ни разу не была у врача, даже не принимала витаминов. Из кино Лида забрела в детский магазин, побродила среди вешалок с маленькими вещичками, пытаясь пробудить в себе инстинкты, и, наконец, купила пару познавательно-обучающих мамских книг и маленькую мягкую погремушку в виде зайчика. Его белая мордашка с ниточной улыбкой казалась доброй и ласковой, а в пестром брюшке мелодично звенели маленькие бубенчики. Потом Лида заглянула в аптеку и попросила у продавщицы хороших витаминов для беременных и бутылку воды, чтобы сразу выпить одну таблетку. Ощувив некоторое успокоение от покупок, Лида направилась на встречу с Виталиком.

Глава 9

Она ждала его в центре зала: они всегда встречались там, когда собирались погулять на Поклонной горе. Длинный и худой, Виталик был сразу заметен в потоке спешащих пассажиров. Очередная яркая футболка с картинкой. С Дартом Вейдером на сей раз. Его неуклюжая, чуть подпрыгивающая походка вызывала в Лиде чувство неловкости, и она терпеливо ждала, пока он приблизится, чтобы можно было идти рядом и не смотреть.

– Привет, Лида, – сказал Виталик.

– Привет, – она не знала, что смущало ее больше: что она с ним встречалась почти два года или что он так доброжелателен к ней после того, как она его бросила.

– О чем ты хотел поговорить? – спросила она, когда они вышли к парку. Вечер был по-летнему теплым, пестрели клумбы и яркие палаточные тенты, пенились в закатных лучах фонтаны. Народ гулял.

– Поговорить я хотел изначально. Как-то глупо расставаться через Сеть. Вдруг. Ни с того ни с сего.

– Извини, Виталь. Накопилось. Но я не передумаю.

Они разговаривали спокойно и тихо, как будто обсуждая что-то обыденное. Каждый смотрел в свою сторону, и это сильно облегчало Лиде разговор.

– Я знаю. Давай я возьму пакеты, – он протянул руку и увидел логотип детского магазина. – Значит, это правда?

– Ты о чем?

– Мне сегодня скинул ссылку один друг с работы. Он написал мне, что увидел твое имя в новостях.

– Ты видел статью, – утвердительно сказала Лида.

– Да. Я поискал и нашел несколько статей. Решил, что твой журнал пиарится.

– Моему журналу этот скандал вышел боком.

– Да ну! Лид, это классика саморекламы.

– В любом случае, это правда. И меня уволили.

– Так вот почему...

– Нет. Это случилось после того разговора.

– Странно. Мы два месяца встречались, прежде чем ты согласилась на секс.

- Ты уверен, что хочешь говорить об этом?
- Нет. Не знаю. Просто странно.
- Я сглупила и поплатилась за это, тут нечего обсуждать.
- Как скажешь. Ты уверена, что ребенок его?
- По-твоему, я бросила тебя и пошла по рукам?
- Нет. Глупая. Я имею в виду, это не от меня?
- Если бы было от тебя, у меня бы уже торчал живот.
- Ясно. А я думал, звезды очень аккуратны в вопросах контрацепции.
- Виталь! Я не хочу об этом говорить. Тем более с тобой.
- Как скажешь.

Они шли молча по излюбленному маршруту. Им не надо было даже договариваться: они так гуляли сотни раз.

- И что ты собираешься делать? – наконец спросил Виталик.
- Рожать.
- Это понятно. Но у тебя на руках дед, с работы уволили, а этот тебя игнорирует.
- Работу я найду, а Норберг не игнорирует меня. Он ждет, когда можно будет провести анализ на ДНК.
- Естественно.
- Не вижу повода для иронии.
- Забей.
- У тебя никому не нужен переводчик? Или журналист?
- Я спрошу. Наша компания собирается вести промоушн в Сети. Новостной блог, социальные сети и вся фигня. Я могу порекомендовать тебя.

- А что надо будет писать?
- У нас строительная фирма, если ты помнишь. Я стажировался и налаживал компьютерные сети в питерском филиале, сейчас буду начальником отдела в Москве.
- О, повышение! Поздравляю.
- Угу. В общем, что-нибудь на строительную тематику, про новые технологии и хрен его знает, что еще. Что-то надо будет переводить с западных сайтов. Платить будут мало и сдельно, на такую работу обычно нанимают вольнонаемников из Сети.
- Фрилансеров?
- Их самых. Учитывая твое положение, я сильно сомневаюсь, что тебя оформят по трудовой.
- Да хоть как.
- Ну да. Зато сможешь работать на дому. Но платят за конкретное

число слов, поэтому надо будет вкалывать. Ничего другого лично я предложить не могу. Я и эту работу не гарантирую.

– Виталь, мне очень нужна любая работа. А надомная будет просто идеальна!

– Я попрошу начальство. Напишу, как только что-то выясню.

– Спасибо. Ты ведь не должен мне помогать.

– Я не против, – Виталик пожал плечами. – Ты мне не чужой человек.

– Я обидела тебя.

– Да. Но ты сама признала, что сглупила. И теперь расхлебываешь. Я не из тех, кто будет злорадствовать над бывшей.

Они шли молча и смотрели, как у фонтанов включилась подсветка. Небо еще было залито персиковой акварелью, но фонари зажглись.

– Хочешь мороженое? – спросил Виталик.

– Хочу.

Они взяли по пломбиру и присели на одну из скамеек.

– Лида? – он смотрел, как поднимаются водные струи.

– М?

– Если хочешь, ты можешь вернуться ко мне. Я знаю, ребенок не мой, но ведь это была случайность. Кинозвезда и все такое. Забей на ДНК, скажем, что отец – я. Распишемся. Я понимаю, что любви особой нет. С моей стороны тоже, если честно. Но детей я хочу. И с тобой нам было неплохо. Я привык.

Лида молчала.

– Я привык к твоему деду, к даче, ты нравишься моей маме. Она не узнает про статью, а если узнает, скажем, что это слухи. Если захочешь, второго ребенка родишь от меня. Тебе сейчас нужен надежный человек.

Она снова не ответила.

– Ты думаешь, у вас с ним что-то выйдет? Вряд ли. Максимум – алименты. И все равно придется тянуть одной. И ребенка, и деда. Вы слишком разные, он – знаменитость, лоск, фанаты, вечеринки. Он неизбежно будет гулять. Он плейбой. А ты не вступишь в эту... Не знаю, как это называется. Светская жизнь. И ради чего? Ради денег?

Лида покачала головой.

– Я знаю, что нет, – подтвердил Виталик. – Это не про тебя. Тебя даже мои подарки всегда напрягали. Как будто ты что-то должна взамен.

Это было правдой. Виталик иногда дарил ей украшения: сережки, кулон, тонкий золотой браслет. Лида видела в этом намек на совместное будущее и боялась брать подарки, поскольку сомневалась, что это будущее состоится.

– Ты хочешь, чтобы у ребенка был отец? – продолжал Виталик. – Вопрос только – какой? Раз в год будет прилетать из Голливуда, оставлять богатый подарок и сваливать? Молчишь. Знаешь ведь, что я прав.

Лида рассматривала фонтан.

– Между русскими и иностранцами редко бывают удачные браки. Менталитет разный. Языковой барьер. Это даже если люди из одного социального слоя. А вы вообще с разных планет. А Александр Борисович? Он будет переживать за тебя. Нет, я не уговариваю. Ты сама знаешь, что я прав. Но ты подумай. Подумай, пока история не разрослась. Пока не было ДНК. Ведь результаты все равно просочатся в прессу, и что там он ни решит, я не хочу, чтобы все знали, что я воспитываю его ребенка. В смысле я хочу, конечно, тебе помочь. Но до определенного предела. Понимаешь?

– Да.

– Посмотри на меня.

Лида повернулась и взглянула в его глаза.

– Ты ведь знаешь, что я прав, – тихо сказал Виталик.

Она знала. Странно было слышать такие правильные и благородные вещи от человека в футболке с Дартом Вейдером. Будь у нее хоть капля благоразумия, она бы приняла предложение с распростертыми объятиями. Андерса беременность очень напрягала. Он не горел желанием общаться с ней. Наверняка все будет так, как говорит Виталик. Ей придется жить одной с ребенком, изнывая от ревности. Но после Норберга она бы не смогла быть ни с кем другим. По крайней мере, сейчас. По крайней мере, с Виталиком. Она смотрела в его глаза, вдыхала знакомый запах, и в памяти всплывали холодные пальцы и влажные поцелуи. Лучше быть одной, чем с нелюбимым. Как бы это ни было тяжело.

– Ты прав, Виталь, – наконец сказала она. – Но я не могу. Я не поступлю так с тобой и с собой.

– Ты уверена?

– Да.

– Ну, смотри, – он снова повернулся к фонтану. – До теста ведь еще есть время? Не отвечай. В любом случае я постараюсь помочь с работой.

– Спасибо.

Они доели мороженое в тишине.

– Мне пора домой, – сказала Лида.

– Я провожу.

– Не стоит.

– У тебя тяжелые пакеты.

Лида вздохнула. Он всегда был прав. И почему она не может любить

его?

– Спасибо, Виталь.

Они доехали быстро, народу в метро было уже не так много. Виталик рассказывал о питерской работе и новых коллегах. Лида слушала его вполуха, пытаясь представить, как устроить свою жизнь дальше.

– Я зайду поздороваться с Александром Борисовичем? – спросил Виталик, когда они зашли в квартиру.

– Конечно. Ты ему всегда нравился. Я поставлю чай.

Из дедовой комнаты привычно вещало «Эхо Москвы».

– Только слышишь, Виталь? – окликнула его Лида.

– А?

– Не говори пока деду ничего. В смысле, про увольнение и ДНК. И про твое предложение.

– Боишься, он заставит тебя передумать?

– Боюсь, он расстроится, когда я не передумаю.

– Ох уж эта твоя привычка переиначивать фразы! – Виталик зашел к деду.

Лида против воли улыбнулась. Ей действительно нравилось отвечать повторами. Виталья знал ее привычки, знал деда. И дед говорил, что Виталик один из самых порядочных людей на свете. Ей не надо было даже предупреждать о гостях: Виталик в их доме давно был своим.

Лида пошла на кухню, чтобы поставить чайник. У нее не было сил готовить полноценный ужин, поэтому она поставила на огонь воду дляпельменей.

– Лид, он давно такой? – Виталик встревоженно заглянул в дверь.

– Какой?

– Заторможенный.

– В смысле? – не дожидаясь ответа, Лида вытерла руки и побежала к дедушке в комнату.

С первого взгляда все было как обычно. Дед сидел на диване около стола и слушал радио.

– Дедуль, привет! – Лида подошла поближе и выключила приемник.

Взгляд Александра Борисовича медленно переместился на нее.

– Привет, – голос звучал слабо и глухо. – Как учеба?

Лида и Виталик переглянулись.

– Я же закончила институт. Я была на работе.

– Ну да, – дед ответ не обескуражил.

Лида задавала ему разные вопросы: кто он, где живет, кем работал, кто она, кто Виталик. Дедушка отвечал правильно, но тихо, делал большие

паузы, взгляд иногда казался расфокусированным.

– Он вчера был абсолютно нормальным! – сказала Лида шепотом.

– Это похоже на инсульт. Надо вызывать неотложку. Позвони, я посижу с ним.

Лида пошла на кухню к городскому телефону. Звонить из комнаты деда она не решилась, не хотела лишних волнений: Александр Борисович не любил врачей.

Через пятнадцать минут подъехала скорая. Молодой парень сел заполнять бланки, а сухая женщина лет пятидесяти с огненно-рыжими волосами села рядом с дедом на диван. Она выслушала Лиду, коротко кивая, попросила деда поднять руки, дотянуться пальцем до носа, ответить на вопросы.

– Ну что? – спросила Лида, когда врач поднялась с дивана и повесила стетоскоп обратно на шею. – Это инсульт?

– Девушка, ну какой инсульт! Интернета начитались? Я не вижу здесь никакого инсульта. Сколько дедуле?

– Восемьдесят шесть.

– И что вы хотите?

– Но он вчера был нормальный.

– Он соображает, речь не нарушена, движения в норме. Это старость.

Устал, может.

– Но раньше этого не было!

– Раньше не было. Возможно, немного нарушено кровообращение в мозге, это бывает. Давление нормальное, но я напишу вам, подавайте таблеточки для улучшения микроциркуляции. И покажите неврологу. Тонومتر есть?

– Есть.

– Прекрасно. За давлением следите, если что – вызывайте. Сейчас смысла класть его в больницу нет.

– Вот здесь распишитесь, – парень протянул Лиде бланк.

Лида поставила подпись. Женщина дала ей квадратный листок с каракулями, видимо, обозначающими названия лекарств. Засим врачи неотложки ушли, и Лида с Виталиком остались в полной тишине.

– И что ты думаешь? – Лиду не покидало ощущение тревоги.

– Не знаю. Но врачиха доверия не внушает. Взять и списать все на старость... – Виталик замылся.

– Надо проконсультироваться с другим врачом. Только где взять хорошего невролога?

– Должен же быть какой-нибудь НИИ неврологии. Наверняка можно

вызвать на дом профессора. Но вот сколько это будет стоить...

– Деньги сейчас дело десятое. У меня пока есть. Ты прав, я поищу в Интернете.

– Хочешь, я останусь?

– Да нет. Виталь, ты и правда много сделал.

– Ладно. Только позвони утром, сообщи, что и как. А я узнаю насчет работы.

Лида благодарно сжала ладонь Виталика. Может, страсть в жизни – не главное?

Когда он ушел, Лида уложила деда спать. Он вставал, сам дошел до туалета, пожевал бутерброд, но во всех его движениях была какая-то вялость и апатия. Лида оставила дверь к бабушке открытой, чтобы слышать его, а потом до двух часов ночи выписывала на бумажку найденные в Сети контакты больниц и клиник, расхваленные на форумах имена врачей. Лида еще долго лежала без сна и думала. О бабушке, о Виталике, о работе. И Норберг в этот момент показался ей настолько далеким и нереальным, как будто она сама его выдумала.

Глава 10

Утром звякнуло сообщение от Виталика: «Спишь?» Лида подскочила на кровати. Было уже десять часов. Не успела она набрать ответ, как заиграла мелодия вызова.

– Привет, увидел, что ты в Сети, и решил набрать, – сказал Виталик.

– Привет.

– Как Александр Борисович?

– Не знаю, я только встала. Давление ночью было нормальное.

– Слушай, я говорил с матерью. Ее подруга работает в тридцать первой больнице. Можно договориться с их неврологом, чтобы твоего деда положили туда. Она дала номер. Но надо будет отблагодарить.

– Разумеется. А врач хороший?

– Он поставил на ноги маму этой подруги. Она тоже сильно в возрасте. Этот врач в основном инсультниками занимается.

– Не знаешь, он может на дом приехать?

– Материна подруга сказала, что это будет стоить пять тысяч. И еще столько же, если он скажет класть. Вроде он адекватный мужик, опытный.

– Отлично. Попробую вызвать домой, может, ничего страшного. Скинь тогда номер мне на телефон.

– Его зовут Кудрявцев Аркадий Викторович. Доктор наук или профессор, я не особо разбираюсь. Надо будет сказать, что ты от Нины Астафьевой. Запомнишь?

– Ты лучше все напиши, неудобно будет, если я перепутаю.

– Только сообщи, что скажет врач.

– Конечно. Спасибо тебе, Виталь.

– Да не за что.

Лида торопливо записала все на клочок бумаги и кинулась в туалет. От резкого подъема с кровати утренняя тошнота нахлынула с особой силой.

Придя в себя, Лида пошла проведать дедушку. Тот сидел на полу и смотрел в одну точку.

– Что с тобой?! – Лида подбежала и взяла деда за плечо. – Почему ты на полу?

Александр Борисович медленно повернул голову и бросил на внучку растерянный взгляд.

– Я устал, – слабо сказал он. – Убирал постель и устал.

– Ничего, я помогу. Давай встанем.

Лида взяла деда под руки и стала поднимать к дивану. Александр Борисович вроде тоже пытался встать, но при этом казался расслабленным и отстраненным. С трудом Лида посадила его и предложила завтрак, старательно сдерживая приступ паники. Дед вяло кивнул, и Лида ушла на кухню.

Пока чайник закипал, Лида сбегала за телефоном и набрала номер Кудрявцева. Состояние бабушки до чертиков ее пугало, но во врачей неотложки она уже не верила. Лида торопливо обрисовала ситуацию Виталькиному неврологу. Тот согласился подъехать после обеда. Поставленный низкий голос Аркадия Викторовича действовал успокаивающе. Лида наспех приготовила чай и бутерброды и отнесла бабушке поднос.

Александр Борисович тщетно пытался поднять кружку, пальцы плохо слушались. Лида терпеливо поила деда чаем с лимоном. Слезы тихо стекали по ее щекам на шею. Дед же не обращал на это никакого внимания.

После завтрака Лида уложила деда отдохнуть и взялась за пылесос. Уборка умиротворяла, словно внешний порядок помогал ей навести внутренний. К трем часам она едва закончила вытирать пыль на полке с наградами и цветами, как позвонили в дверь. Лида вытерла руки, сняла фартук и открыла.

На пороге стоял невысокий жилистый мужчина за шестьдесят. Вместе с ним в квартиру проник запах сигар. Кудрявцев казался бы простым и невзрачным, если бы не дорогое кашне и мелькнувшие на запястье часы. За время работы в Сити Лида научилась определять подобные вещи.

Кудрявцев выслушал Лиду, задал ей несколько вопросов и стал беседовать с дедом. Аркадий Викторович обладал удивительно глубоким и звучным для своей внешности голосом. Он был спокоен, немногословен и от этого казался Лиде компетентным и надежным. Она подумала, что врач не стал бы обеспеченным, не будь у него потока благодарных пациентов, а в известной столичной больнице люди просто так благодарить не станут. Конечно, Лиде было все еще тревожно за деда, но уверенный вид Кудрявцева давал ей понять, что не случилось ничего страшного.

– Я считаю, что у Александра Борисовича микро инсульт, – обратился Кудрявцев к Лиде и выжидательно посмотрел на нее.

– Что вы посоветуете в этой ситуации?

– При должном и своевременном лечении можно добиться полного восстановления. Но о каких-то прогнозах пока говорить рано. В любом случае, требуется дальнейшее наблюдение. Я думаю, что для начала обойдемся без госпитализации.

Лида знала об излишней осторожности врачей, поэтому для себя она выхватила только слово «восстановление».

– Я распишу вам, что нужно купить, – сказал Аркадий Викторович. – Вы сегодня начнете терапию, а послезавтра я снова подъеду и посмотрю, есть ли эффект. Пока ничего критичного я не вижу, тем более для его возраста. Но если вы заметите ухудшение, звоните в любое время, и мы сразу положим вашего дедушку к нам в отделение.

– Спасибо вам! – и Лида, распираемая радостью, протянула врачу деньги.

– Благодарю, – Аркадий Викторович сунул купюру в карман и достал из сумки лист бумаги. – Конечно, все не так плохо, но давайте не будем радоваться преждевременно. В таком возрасте сложно делать прогнозы. Просто попробуем сделать все, что от нас зависит.

– Конечно, конечно.

Лида сжала пальцы замком и стала смотреть, как профессор заполняет лист каракулями. Издалека его почерк выглядел ровным и даже элегантным, но вблизи идентифицировать буквы было почти невозможно. Лида потихоньку включила в телефоне запись, чтобы потом было легче разобраться со всеми назначениями.

После ухода Кудрявцева Лида, воодушевившись, кинулась с листком в аптеку. Назначения были недешевыми, в кошельке даже не хватило наличных. Лида расплатилась картой и утешила себя мыслью, что дорогие импортные лекарства наверняка быстро помогут. К тому же днем дед самостоятельно дошел до туалета и обратно, а это вселяло надежду.

Дома Лида включила Александру Борисовичу любимое радио, отсчитала нужные таблетки и по совету доктора приготовила мягкий диетический ужин. Звонил Виталик, и Лида радостно пересказала слова профессора. К этому моменту она уже успела прошерстить интернет на предмет благополучного исхода в схожих случаях.

Уже забравшись под одеяло, Лида взяла телефон и увидела, как мигает значок скайпа. От Норберга пришло новое сообщение.

– Привет! Ты здесь? Я хотел сказать, что взял под контроль ситуацию с прессой.

Лида вдруг осознала, что за прошедшие сутки и думать забыла о скандале.

– Привет! Как тебе это удалось?

– Я дал интервью, завтра оно должно выйти. Мой менеджер посоветовал предупредить скандал, пока он не попал из Сети в печать.

– И что ты им сказал?

- Я сказал, что мы с тобой какое-то время тайно встречались.
- Зачем?
- Для тебя. Чтобы ты не выглядела как девушка, которая готова прыгнуть в постель к звезде. И как охотница за славой.
- Спасибо.
- Не за что. Я сделал это на тот случай, если ребенок окажется моим. Чтобы его мать выглядела достойно.

Прекрасно.

От обиды на Лиду снова накатила дурнота. Выходит, теперь ей нужно себя стыдиться. Теперь нужно врать, чтобы казаться приличным человеком.

– Лидия, я думаю, нам стоит обсудить мою историю, вдруг журналисты попытаются выйти на тебя.

– Как скажешь. Напиши мне, я готова все подтвердить. Хотя у меня сейчас много дел, я не думаю, что буду давать кому-то интервью.

– Так даже лучше. Я сказал, что мы встречались несколько месяцев. Я с прошлого лета не появлялся на публике с девушкой, поэтому это звучит вполне правдоподобно. Еще я сказал, что у нас серьезные отношения. Но если ты солгала насчет ребенка, то у тебя потом будут проблемы с репутацией.

– Я учту.

Лида вышла из скайпа и отложила телефон в сторону. Она осознавала, как выглядит со стороны ее беременность. И понимала, что Норберг не обязан защищать ее и вообще ввязываться в эту историю. Но ей вдруг стало досадно и жалко себя, потому что она ни от кого не могла сейчас получить простого утешения и теплоты. Ей хотелось объятий, обещания, что все будет хорошо. Из-за деда и будущего ребенка она не могла внутренне расслабиться, ей все время надо было держать подбородок выше и искать решения свалившихся на нее проблем. В одиночку. Лида перевернулась на живот, уткнулась лицом в подушку и дала себе выплакаться.

Глава 11

На следующее утро состояние Александра Борисовича улучшилось. Он по-прежнему казался слабым и вялым, но стал чуть менее заторможенным и сам передвигался по квартире. После обеда даже послушал радио.

Через день пришел Кудрявцев и подтвердил положительную динамику. Прописал еще несколько лекарств и назначил новый визит через неделю. Скромные сбережения Лиды таяли, поэтому звонок Виталика с новостью о работе привел Лиду в восторг. Она сделала пару пробных статей, выжав из себя лучшее, и получила заказ. В эту работу Лида вцепилась всеми пальцами. Все время, которое было не занято уходом за дедом, она проводила за ноутбуком. Работодатель был поражен ее производительностью: за несколько дней сайт ожил, а посещаемость выросла.

Лиду подгоняла неуверенность в завтрашнем дне. Подобный доход мог исчезнуть так же быстро, как и появился, поэтому Лида намеревалась выжать из этой возможности все до капли. Ей надо было откладывать деньги: для деда, для ребенка, для себя. По совету Виталика Лида зарегистрировалась на бирже фрилансеров, стала браться за любые более или менее оплачиваемые заказы по переводу, статьям или пресс-релизам. Две недели дали ей хорошее повышение в рейтинге, положительные отзывы и возможность брать за свою работу немного больше.

Состояние Александра Борисовича казалось стабильным. Правда, иногда он становился рассеянным, забывал, зачем шел в другую комнату, не удивлялся тому, что Лида целыми днями дома, хотя об увольнении она ему не говорила, не мог вспомнить имен политиков, которые слышал по радио. Краткие провалы чередовались с полной рассудительностью. Лида звонила Кудрявцеву, но тот, сославшись на возраст деда, сказал, что беспокоиться не о чем. И Лида верила.

Утро в день ее рождения было по-летнему солнечным. Так уж ей повезло: за всю ее жизнь от силы один или два раза на праздник было пасмурно. Недаром ее назвали в честь южной местности Лидии.

Она привыкла не ждать чудес. В детстве дед с бабушкой надували ей шарики: в это время они обычно переезжали на дачу. На семь лет, в последний день рождения перед школой, дедушка подарил ей новенький зеленый велосипед и научил кататься. Сначала, конечно, она пару раз

въехала в канаву и набила шишки, но вскоре рассекала на нем, как ветер, с распушенными волосами. Тогда к ним в гости приехали родственники. Лида их плохо знала и редко видела, но само присутствие людей дало ей ощущение настоящего торжества.

После смерти бабушки они редко звали гостей. Обычно дед просто дарил ей деньги и покупал торт, когда еще мог выходить из дома. Пару раз Лида ездила к дедовой родне в Питер, но чаще просто им звонила. В кухне на стене висел лист с памятным датами, и они с дедом исправно поздравляли всех с годовщинами и юбилеями. Им отвечали тем же. Поэтому когда Лида после утреннего душа готовила в духовке горячие бутерброды с помидорами и сыром, запиликал городской телефон. Звучал он в последние годы крайне редко: им пользовались только двоюродные бабушки и работники ЖЭКа.

– Лидочка, здравствуй, это тетя Нина, – раздался в трубке знакомый голос с хрипотцой.

Лида выслушала поздравления, осведомилась о здоровье и благополучии всех домочадцев тети Нины.

– Как дедушка?

Лида вздохнула. Ей не хотелось расстраивать пожилого человека.

– Неважно. У него был микроинсульт, но он дома. К нам ходит врач, он опытный и профессор. Он заверяет, что дед идет на выздоровление.

– Ох, – на другом конце воцарилась тяжелая пауза. – И когда это случилось?

– Пару недель назад.

– Ты бы сообщила, что ли!

– Я не хотела никого волновать. Тем более он должен скоро поправиться.

– И как он сейчас?

– Бывает немного рассеянным или вялым, но в целом держится молодцом.

– И как же ты умудряешься ухаживать за ним, если ты работаешь?

– Я взяла работу на дом, – Лида не хотела углубляться в собственные проблемы.

– Знаешь, я думаю, мне стоит приехать.

– Теть Нин, я справляюсь, правда.

– Я не сомневаюсь в тебе. Все же он мой брат, и в его возрасте каждая болезнь может оказаться последней. – Нина замолчала. – Нам лучше повидаться. Ты не против?

– Нет, конечно. Приезжайте в любое время.

– Я приеду с Ольгой и, может, с Андрюшей. Я поговорю с ними и сообщу, но думаю, надо взять билеты на пятничный поезд. Ольга все равно на пенсии, а Андрюша работает.

– Конечно, звоните, и я встречу вас на машине.

Лида положила трубку и достала из духовки завтрак.

Тетя Нина была младшей сестрой деда, в прошлом году ей исполнилось семьдесят пять. У нее было двое детей: тетя Оля и тетя Таня. Ольга осталась с матерью в Питере, а Татьяна переехала в Финляндию еще в девяностые. Лида ее почти не помнила, просто знала, что она замужем за финном и у них, кажется, есть двое сыновей. У тети Оли был сын Андрей немного старше Лиды. Он работал в банке и был во всех отношениях успешным. В детстве он был весьма активным, даже сорванцом, пожалуй. Зато с ним было весело и интересно. К счастью, он вовремя успел обратить избыток энергии в нужное русло и окончил институт с красным дипломом. Лида смутно помнила, как он выглядит, но вряд ли узнала бы его в толпе прохожих.

Лида позавтракала вместе с дедом. Про день рождения он не вспомнил, но одно его присутствие поднимало настроение.

– Ты чего такая веселая? – спросил он, взглянув, как она улыбается, подперев лицо ладонями.

– Тетя Нина звонила, они приедут на выходные.

– С Ольгой?

Тетю Олю и тетю Таню почему-то все называли полным именем, а Андрея – уменьшительным.

– И с Андрюшей.

– Хорошо.

– Я думаю, я лягу в твоей комнате, Андрея положу у меня, а тетю Олю с тетей Ниной – отдельно.

– Логично, – дед кивнул. Лида заметила, что глаза его стали более тусклыми и водянистыми, но он явно был в ясном уме. – А Виталик придет?

– Не знаю, он работает. Слушай, мне бы надо съездить в магазин за продуктами, чтобы людей кормить. Пятница послезавтра. Тебе купить что-нибудь?

– Не надо. Я и есть не хочу. А коньяка нет?

– Дед, врач не велел.

– Понятно.

Лида вздохнула. Раньше Александр Борисович не стал бы никого слушать, а теперь вел себя апатично. Лида убрала посуду, нарядилась в

красивое летнее платье до щиколоток. Она купила его на прошлый день рождения по распродаже: темно-синий шифон был прихвачен тонким поясом на талии и падал густыми складками вниз. По подолу летели яркие акварельные птицы. Лида заплела волосы в свободную косу, прошла по ресницам тушью и надела длинные серьги ручной работы, которые она привезла из Праги. Наряд она завершила тонкими плетеными босоножками.

Впервые за долгое время она почувствовала прилив сил. Даже утренняя тошнота мучила ее сегодня меньше. С одной стороны, она не очень любила гостей. С другой – тетя Нина была человеком добрым и душевным, и Лида была рада, что сможет с кем-то разделить переживания за деда.

Лида взяла сумочку и пошла к машине. В своем положении она не стала бы рисковать и нести пакеты с продуктами в руках. Однако погода была такой ласковой, а платье так нежно щекотало голые ноги, что Лиде совершенно расхотелось тратить день рождения на супермаркет. Она решила заказать всю снедь на дом через интернет, а сама отправилась на Поклонную гору. Она чувствовала себя легкой и свободной: от офисных будней и неудобной одежды, от скандалов и проблем. Ей было тепло и в то же время свежо, город оброс воздушной зеленью, еще не потемневшей от выхлопов и пыли. На Поклонке ярко цвела клумба с часами.

В первой половине дня почти не было гуляющих. Лида не спеша прогуливалась по аллеям, наблюдая, как на асфальте пляшут кружевные тени деревьев. Она приложила ладони к животу. В этот раз она встречала новый год своей жизни не одна. В ней проснулись новые ощущения. То ли смирения, то ли неизбежности, то ли ожидания встречи, то ли стремления оберегать. Сложное спутанное чувство, но от этого не менее явственное.

Лида уселась на солнечную скамейку и вытянула ноги. Пока тошнота не вернулась, она купила себе клубничное мороженое и насладились прохладной сладостью.

После перекуса Лида достала телефон, ответила на сообщения с поздравлениями от бывших сокурсников, пары девочек из «Богемы» и Виталика. От последнего был даже пропущенный вызов, но Лиде было неохота перезванивать. Катя Родионова сообщала, что подозревает в сливе информации фотографа Васю, потому что один раз видела, как он отирался у Лидиногo компа. Лида вздохнула: теперь ей было ни горячо ни холодно от этой новости.

Написала еще лучшая подруга Лиды Аня Исаева с предложением поболтать через скайп. Лида позвонила без видео: все равно на улице

картинка бы все время висла.

– Ну, как ты? – спросила Аня после традиционных поздравлений.

– Не знаю, с чего и начать... – протянула Лида. – Насыщенные были дни.

И она рассказала подруге обо всем: о болезни деда, об увольнении и беременности.

– А кто отец?

– Только учти, это секрет.

– Сама знаешь, я не сплетничаю.

– Хотя об этом и в таблоидах уже писали.

– Да ладно! Про тебя?

– И не только. Это Андерс Норберг.

– А кто это?

Лида рассмеялась.

– У меня была такая же реакция на его имя. Он актер, звезда сериалов и кино.

– Мне из-за тренировок некогда включать телевизор. И в кино не была лет сто.

– Аналогично. Мне поручили интервью, я посмотрела его фильмы... О, он роскошен. В общем, мы встретились, я к тому моменту порвала с Виталиком, и когда Норберг намекнул на продолжение банкета... Короче, это был один безумный поступок. И вуаля.

Аня выругалась по-английски. Годы в Штатах приучили ее даже думать на другом языке.

– Ну, ты даешь, – продолжила она. – Это вообще на тебя не похоже.

– Как-то так.

– Вы что, не предохранялись?

– Наоборот. Оказывается, ни один метод не дает полной гарантии.

– С ума сойти. Все равно я не понимаю, как это могло произойти.

– Я сама не понимаю. Вроде иногда при нарушении условий хранения размер пор латекса превышает размер клеток... Или микротрещины... Что-то в этом духе. Какая теперь разница.

– И как он отреагировал?

– В двух словах не опишешь.

– Отказался, что ли?

– Да нет. Мы будем делать специальный анализ, теперь такие можно делать во время беременности.

– Иглой в живот?!

– Нет, берут просто кровь отца и матери.

– Ну, анализ подтвердит твои слова. А дальше что?

– Понятия не имею. Мне, честно говоря, все равно. Никакого брака не будет, это ежу ясно. Жить вместе, строить счастливую семью... Ничего подобного. Значит, либо алименты, либо его имя в свидетельстве о рождении, либо фамилия ребенку, либо визиты раз в год. Мне это погоды не сделает.

– Зря ты так. У тебя сложности с работой, он должен хотя бы помочь деньгами.

– Зарботок я себе найду. Гораздо хуже чувствовать охотницей за звездными алиментами.

– Ты же понимаешь, что ты не такая!

– Я понимаю. Но другим-то не докажешь. Все равно это клеймо останется.

– Какая разница, что думают другие! Тем более они все равно будут считать, что ты сосешь из него деньги, даже если он не будет давать тебе ни копейки.

– Пожалуй.

– Так не лучше ли тогда получать эти алименты?

– Как сам решит. Я ни копейки не попрошу.

– Гордая ты наша.

– Ты бы так же поступила.

– Может быть. Но тренер бы меня раньше убил за беременность. А ты таблетки не принимала?

– Какие?

– Противозачаточные?

– Нет.

– Странно. У нас их всем прописывают, есть у тебя парень или нет. Страхуются.

– Я понимаю, что все это некстати. Но для меня аборт – не вариант. Беременность первая, мне уже третий десяток. Рисковать я не хочу. Тем более что я в состоянии мало-мальски обеспечить себя и ребенка.

– Естественно. Это же ребенок... Господи, мне не верится. Ты – и мама...

– Странно, да?

– Да... – Аня замолчала.

– Ты тут? Это связь прервалась?

– Нет. Я думала. Слушай, у тебя столько проблем... Может, я помогу? Денег подкину или Александру Борисовичу оплачу сиделку. Мне это не сложно, правда!

– Ты что! Ничего не надо. Но спасибо.

– Я бы приехала, но мы сейчас с командой едем в Калифорнию, я как минимум месяц не смогу вырваться.

– Ничего страшного.

– Все равно, ты звони, если что.

– Конечно.

– И еще раз с днем рождения!

– Спасибо.

Лида улыбнулась и повесила трубку. Одно дело осмысливать ситуацию внутри себя, другое дело – выговориться кому-то другому. Вместе со словами проблемы обретали четкость, выстраивались в стройную иерархию. Беременность теперь уже не казалась Лиде трудностью, а решение Норберга перестало ее волновать. Его заботил собственный имидж. И нечего ему что-то доказывать. Как захочет, так и решит. В конце-то концов.

Лида встала и направилась к фонтанам. Она гуляла еще около часа, а по дороге домой зашла в магазин и купила себе в подарок легкую летнюю блузку и заколки для волос. Когда она вернулась домой, дедушка еще спал.

Вечером позвонил Виталик. Он поздравил Лиду и спросил, может ли заглянуть в гости. Она согласилась, и уже через полчаса он появился на пороге с букетом пионов и шоколадным тортом.

– Я подумал, не пропадать же празднику, – сказал он, разуваясь.

– Спасибо, – Лида прижала сверток с нежными малиновыми цветами к груди. – Ты столько сделал для меня в последнее время.

– Ну, я не из тех, кто бросает людей в беде.

– Я пойду, достану вазу и поставлю чайник. Хочешь, иди к бабушке, он только поужинал.

Накрыв на стол, Лида пошла за Виталиком. Тот сидел напротив Александра Борисовича и вслушивался в тихие слова старика.

– Ну, как вы тут?

– Виталик стал редко к нам заходить, – проговорил дед.

– У него много работы. Тебе включить радио?

– Нет. Я бы поспал. Что-то зябко.

– Ложись, дедуль, – Лида выключила верхний свет и зажгла торшер. Мягкий оранжевый свет пятном лег на диван и ковер. – Давай я подушку поправлю. Виталь, подай, пожалуйста, одеяло.

Они укрыли Александра Борисовича. Лида еще раз измерила давление и дала лекарство.

– Когда ты сказала, что ему лучше, я подумал, что он уже такой, как

раньше, – сказал Виталик, заходя на кухню.

– Все равно ведь лучше. Не такой заторможенный и говорит четко.

– Он забыл, что мы расстались?

– Да. Иногда он забывает какие-то события, но при этом мыслит довольно ясно. Ты садись, я налью тебе чая. Кудрявцев говорит, что если с момента инсульта до начала лечения прошло больше нескольких часов, то восстановиться может не все. Тем более в его возрасте. Но это не страшно. Главное, что он поправился.

– А ходит он сам?

– Да. Я оставляю на ночь небольшой свет, в темноте он плохо ориентируется. И он сам ходит в туалет. Профессор сказал: «Теперь у вас в доме маленький ребенок». Это в основном касалось питания, но и остального тоже. Я так рада, что ты помог мне с работой.

– Ерунда.

– Знаешь, я верю, что ничего не бывает случайно. И то, что меня уволили с работы, оказалось даже к лучшему. Мне не надо разрываться между домом и офисом, и я могу спокойно сидеть с дедом.

– А что будет, когда родится ребенок?

– Я не загадываю. Времени еще полно, что-нибудь придумаю. Может, найму сиделку, пока буду в роддоме, а потом надо будет просто ухаживать за двумя маленькими детьми.

Лида улыбнулась, но лицо Виталика осталось серьезным.

– По-моему, ты просто храбришься, – сказал он. – И недооцениваешь трудностей.

– Забей, – Лида махнула рукой и стала нарезать торт. – Поначалу все и правда было страшно, а сейчас мне наплевать. Главное, чтобы все были живы. Дед всегда говорил, что безвыходных ситуаций не бывает.

– Ладно, не будем о грустном, – и Виталик положил себе большой кусок торта.

Глава 12

Родственники из Питера приехали в пятницу вечером на новом скоростном поезде. Лида едва успела припарковаться, как они уже вышли из здания вокзала. За несколько лет они сильно изменились, и по их лицам Лида понимала, что то же самое они сейчас думают о ней. Некогда высокая тетя Нина ссутулилась, кожа, изрытая морщинами, посерела. Тетя Оля немного располнела, подстригла длинные волосы и покрасилась в каштановый цвет. Темнее, чем помнила ее Лида. Андрюша вымахал ростом с деда. Теперь он носил модные очки в черной оправе и не менее модную небритость. Андрея она не видела дольше всего: лет десять, пожалуй. Странно было видеть взрослым человека, которого Лида знала ребенком. Казалось, что это тот же подросток, только в чужом бородатом теле.

По дороге домой тетя Оля рассказывала про жизнь их семьи, про свою сестру Татьяну и ее детей, про ремонт на даче. Лида сосредоточенно кивала и слушала.

– Ну как он? – наконец спросила тетя Нина, когда ее дочь ненадолго замолчала.

– Лучше. Он ждет вас.

После этого говорить почему-то расхотелось даже тете Оле, и они в полном молчании доехали до подъезда. Пока Андрей заносил в квартиру сумки, Лида кинулась включить духовку и разогреть ужин. Она запекла в горшочках мясо: так ей пришлось меньше вдыхать кулинарные запахи, мучаясь от тошноты.

– Вот, проходите, – Лида распахнула дверь в комнату деда.

– Нина! – негромко воскликнул дед.

Тетя Нина присела рядом и обняла брата. Лида заметила на щеке деда слезу, хотя его лицо не отражало эмоций.

– Шура, ну, здравствуй, – тетя Нина положила руку на его предплечье и потерла, словно стараясь согреть.

– Видишь, я немного приболел.

– Ничего, ничего, – тетя Нина шмыгнула носом, и Лида поняла, что та плачет.

От этого у нее тоже защипало в глазах, и она ушла на кухню под предлогом готовки.

Встреча деда с родственниками выглядела как прощание. На Лиду вдруг с новой силой накатил страх от мысли, что она может его потерять.

Лида глубоко вздохнула и взяла себя в руки.

За ужином она свободно болтала с гостями, хотя есть почти не могла. После еды она застелила постели, а себе поставила раскладушку около деда. Лида долго лежала без сна, разглядывая тени на стене. В детстве она видела в рисунках на обоях причудливые картины: лица, животных, фигуры людей. Теперь обои были однотонными. По потолку ползли длинные полосы света от фар машин. Когда даже во дворе стихло движение, Лида провалилась в сон. Ей снился дед. Он был старым, как сейчас, но на нем была красная баскетбольная форма. Он двигался легко, каждый шаг словно отрывал его от земли. Он играл за свою команду, но в ней было много незнакомых Лиде лиц. Дед вел мяч, подпрыгнул – и, повиснув на корзине, забил. Во сне Лида подскочила с радостным воплем и вдруг увидела, что зал пуст. Исчезли игроки и болельщики, и только чья-то фигура продвигалась к выходу. Лида попыталась разглядеть лицо, все было каким-то мутным, и у нее никак не получалось сфокусировать взгляд. Наконец человек обернулся и улыбнулся ей. И под красной бейсболкой Лида узнала бабушку.

Она проснулась, пытаясь понять, где находится. Ей было жарко, одеяло сбилось в пододеяльнике комом. К горлу подкатила тошнота, и Лида бросилась в ванную. Умывшись холодной водой, Лида вернулась в комнату и увидела за окном тонкую розоватую полосу рассвета. Низ живота сжало спазмом. Лида попыталась успокоиться, ее нервы могли повредить ребенку. Она достала из шкафа две таблетки но-шпы и прилегла на раскладушку.

Светало. Лида посмотрела на спящего деда. Он казался стареньким и очень хрупким. На морщинистых щеках серебрилась щетина. Жилистая рука, покрытая пигментными пятнами, лежала поверх одеяла, и Лида вспомнила, как эта рука гладила ее по голове, как сжимала плечо. Она понимала, что люди не вечны, но не могла, не хотела его потерять. Только не сейчас.

Тошнота снова дала о себе знать, и Лида пошла на кухню за сухарями. Из коридора раздалось шлепанье босых ног.

– Не спится? – спросил Андрей.

После сна его темные жесткие волосы торчали в разные стороны, и он снова был тем самым мальчишкой, которого она помнила.

– Проголодалась, – улыбнулась Лида. – А ты чего вскочил в такую рань?

– У меня на новом месте всегда так, – он надел очки и поморгал, привыкая к четкости. – Ты плакала? У тебя глаза красные.

– Да так... Накатило с утра. Волнуюсь из-за дедушки.

– Он вроде держится.
– Я знаю. Просто иногда становится страшно.
– Все будет хорошо, – Андрей потрепал ее по руке и сел за стол. – А кофе у тебя есть?
– Конечно. Сейчас сварю.
Лида положила в рот сушку, чтобы немного унять дурноту.
– Неважно выглядишь. Бледная совсем. Ты бы съела что-нибудь поущественнее. Ты и за ужином вчера только вилкой ковырялась.
– Да как-то... Аппетита нет.
– Худеешь?
– По-твоему, мне надо?!
– Наоборот. Ты какая-то... прозрачная.
– Ну, спасибо!
– Прекрати, я не к тому. Может, хотя бы позавтракаешь как следует? Яичницу с жареной колбасой, с луком, помидорами...
– Нет!
Лида почувствовала новый приступ и поспешно положила сушку в рот.
– Да чего ты? – Андрей улыбнулся. – Беременная, что ли?
Лида не планировала сообщать родственникам о своем положении, но врать ей тоже не хотелось. Она промолчала, и улыбка сошла у Андрея с лица.
– Да ладно!
Она кивнула.
– Только не говори, пожалуйста, маме и тете Нине.
– Как хочешь, не скажу. Ничего себе. А отец?..
– Это отдельная история. Но мужа у меня не предвидится.
– Да уж, новость... И как же ты все это с дедом?.. Ну, мы помочь можем, если надо.
– Все хорошо. Сейчас...
– Стой! – Андрей перебил ее и предупредительно поднял палец, прислушиваясь. За стеной раздался какой-то глухой звук.
– Дед! – Лида швырнула пакет с сушками на стол и кинулась в комнату.
Александр Борисович лежал на полу и глухо стонал. Его штаны были мокрыми.
– Он хотел в туалет, – пробормотала Лида вошедшему следом Андрею.
– Я подниму его, – он нагнулся и посадил деда на диван.
Лида посмотрела на дедушку и от ужаса прижала пальцы к губам:

уголок его рта неестественно опустился вниз.

– Инсульт, – прошептала она.

– Звони в скорую, я подниму мать. Где у тебя сухая одежда? Его надо переодеть.

Лида достала из шкафа чистое белье, смену одежды и позвонила Кудрявцеву. Было только часов шесть утра, но тот поднял трубку. Лида кратко описала случившееся.

– Вызывайте неотложку и говорите, чтобы везли к нам. Я позвоню в приемное и скажу, чтобы вас приняли. Звоните, когда его положат, я приду.

Лида вызвала скорую помощь, потом принесла мокрое полотенце, чтобы обтереть деда.

– Давление, какое у него давление? – тетья Оля на ходу запахнула халат.

– Сто восемьдесят на сто, – констатировала Лида, когда прибор запиликал.

Совместными усилиями они дали деду таблетку: вода вытекала у него изо рта, пока они не нашли соломинку. Лида наспех оделась, а родственники переодели дедушку.

– Поезжайте на скорой вместе, Андрей поможет договориться с врачами, – тетья Оля была собранной и деловой. – Возьмите с собой побольше денег, понадобится может все, что угодно. Ты знаешь, в какую больницу его класть?

Лида кивнула. В дверь позвонили.

– Все, держись.

Врачи скорой подтвердили инсульт и на носилках унесли деда в машину. Лида вложила в руку одного из медиков деньги и шепнула, что их ждут в тридцать первой больнице. Тот коротко кивнул.

Их с Андреем не пустили в скорую вдвоем, поэтому ей пришлось сесть за руль и ехать следом. На территорию больницы заехать не получилось, она с трудом нашла поблизости свободное парковочное место и побежала искать неврологическое отделение. Андрей мерил шагами пустынный холл.

– Ну как?

– Его сразу увезли внутрь, сказали, скоро выйдет врач оформить документы. Но насколько я понял, он был в сознании.

Лида кивнула и набрала Кудрявцева.

– Мы подъехали, и его забрали.

– Хорошо. Напомните, пожалуйста, фамилию, я сейчас буду.

– Титов.

– Понял.

– Как мне узнать, что с ним делают?

– Не переживайте. У нас все врачи хорошие специалисты, я предупрежу.

– Спасибо, Аркадий Викторович.

Лида опустила на лавку, но телефон в ее руках завибрировал. Она подскочила, ожидая вестей от Кудрявцева. Однако на экране высветился незнакомый номер, начинающийся с +1.

– Алло.

– Лидия? – этот голос заставил ее вздрогнуть.

– Андерс? Что случилось? – она перешла на английский.

– Я хотел обсудить дату своего приезда. У меня освободилось несколько дней, и я подумал, что мог бы приехать. Сколько у тебя сейчас недель?

– Десять, кажется.

– Значит, уже можно. Ты была у врача?

– Нет. Слушай, я сейчас занята. Приезжай, когда тебе будет удобно, и лучше напиши в скайп.

– Тебя же уволили.

– Я... нашла другую работу.

– А как ты?..

– Извини, мне пора. Я напишу.

В дверях появился врач, и Лида сбросила звонок.

– Вы с Титовым? – крупный мужчина хирургической внешности в бирюзовом костюме подошел к Лиде.

– Да. Что с ним?

– Инсульт.

– Он в сознании? Вы можете что-нибудь сделать? А профессор Кудряцев звонил? Он наблюдал его, и...

– Девушка, подождите. Вашего... деда?

– Да.

– Вашего деда перевели в палату интенсивной терапии. Мы прокапаем ему лекарства, обследуем, понаблюдаем. Пока рано о чем-то говорить. Мне нужно заполнить бумаги, пройдемте со мной.

– Хорошо. Андрей, ты...

– Девушка, давайте не устраивать столпотворение. Мы с вами просто заполним бумаги, а молодой человек подождет здесь. Да?

Андрей кивнул.

– Вот и ладненько. Проходите.

Они зашли в смотровую комнату, и врач сел за стол.

- Полис и паспорт у вас с собой?
- Деда?
- А ваши мне зачем? – он раздраженно вздохнул.

Лида поняла, что доктор, скорее всего, отдежурил ночь и устал, и постаралась взять себя в руки, чтобы лишний раз его не нервировать. Иначе от него вообще ничего не добьешься. Она села на стул и сложила руки на коленях.

– Меня зовут Остапов Александр Семенович, – сказал врач, не поднимая головы от бумаг. – Секундочку.

Он вытащил из кармана телефон.

– Да. Я. В ПИТе. У меня. Понял.

Лида неловко смотрела в сторону, чтобы не казалось, что она слушает чужой разговор.

– Звонил Аркадий Викторович по поводу вас, – врач засунул телефон обратно, и уголок его рта насмешливо дернулся вверх. – Сомневаетесь в моей компетенции?

Лида выпрямила спину и посмотрела Остапову в глаза.

– Нет. Но Аркадий Викторович наблюдает дедушку с самого начала.

– То есть это не первый инсульт?

– Первый. Но был микроинсульт.

– Когда?

– Две недели назад.

– То есть он у нас уже лежал?

– Нет. Мы лечились дома.

– Сами?

– Нет, конечно. Аркадий Викторович посмотрел моего деда сразу после того случая. И прописал курс препаратов. Мы все пропили, и доктор говорил, что есть положительная динамика. Дед находился с ясным умом, самостоятельно ел и передвигался по дому.

Остапов вопросительно поднял брови. Весь его вид демонстрировал скептицизм и несогласие.

– То есть Аркадий Викторович даже не предлагал вам госпитализировать деда?

– Нет. Я вызывала скорую в тот день, когда дед стал немного... заторможенным. Но они сказали, что инсульта нет и это просто возрастное.

– Понятно. Какие лекарства вы давали?

– Сейчас, – Лида порылась в сумке и достала бумажку со списком назначений.

Врач пробежал по ней глазами и вернулся к заполнению документов.

– А вы считаете, что надо было лечь в больницу?

– Я ничего не считаю, – какое-то время Остапов молча писал, а потом оперся локтями о стол и посмотрел на Лиду. – Я не видел вашего деда. Может быть, симптоматика была маловыраженной, а нарушения в работе мозга незначительными. Не мне судить. Но, по моему мнению, любой подобный случай требует обследования.

– То есть инсульт произошел из-за домашнего лечения?

– Нет. Нет такого закона, по которому за маленьким инсультом обязательно должен следовать обширный. Обычно, если это происходит, то происходит в течение трех суток. Аркадий Викторович сделал грамотные назначения и проследил, чтобы угроза миновала. Но вашему деду... – он заглянул в документы. – Восемьдесят шесть. Он в группе риска, и угроза инсульта для него в принципе миновать не может.

– Но шансы есть?

– Шансы есть всегда. Но вы должны здраво оценивать ситуацию. Мы, конечно, сделаем все, что можем. И профессор Кудрявцев – один из самых опытных наших специалистов. Но возраст вашего деда работает против нас. Даже самое прогрессивное лечение может не дать результатов.

– Я понимаю, – Лида сжала пальцы.

– В какой-нибудь провинциальной больнице его бы просто не взяли. У некоторых врачей есть негласное правило не брать пациентов за восемьдесят, чтобы не портить статистику смертности в учреждении.

Лида молча смотрела на него.

– Вы удивлены?

– Нет. Но вы же не из таких? Я имею в виду больницу.

– Мы – нет. Но шансы от этого поднимаются не сильно. Вы должны быть готовы, что даже если он выживет, вряд ли мы добьемся полного восстановления.

– Но он же в сознании?

– Сейчас – да. Но инсульт был обширным, и на данный момент у него полностью не работает правая половина тела.

Чья-то рука словно сдавила ее горло. Она судорожно вдохнула.

– Вы не знали? – Александр Семенович замялся. – Но ведь его в таком состоянии привезли.

– Я... Просто дома он пытался встать, я думала, просто слабость... И только лицо... О, Господи...

– Ну, теперь вы знаете.

Когда Остапов закончил с бумагами, Лида вышла в коридор, оглушенная.

Они дождались Кудрявцева. Тот подтвердил слова дежурного врача, но старался Лиду подбодрить, расхваливал возможности больницы. Лида поблагодарила профессора и сунула мзду за госпитализацию.

– Я одного не пойму, – сказал Андрей, когда они вышли к машине. – Если у них такое оснащение, то чего же он раньше не велел класть дядю Шуру?

– Не знаю, – Лиду обуревали разные эмоции, и в их числе была досада. – Надо было класть сразу. Вот дура! Я так обрадовалась, что дед останется дома, что не подумала ни о чем другом. Этот дежурный врач дал мне понять, что стоило бы положить еще тогда...

Ласковое июньское утро набирало силу. Но его задорное тепло было теперь Лиде в тягость. Не должны ужасные вещи случаться в солнечные дни!

– Как думаешь, есть шанс, что дед выкарабкается? – спросила она тихо.

Андрей сжал ее руку.

– Эй, никто же не запрещает нам надеяться. Врачи считают, что есть. Давай ждать новостей.

Глава 13

Тетя Нина плакала второй день. А когда рядом кто-то раскисал, Лида против воли собиралась с силами. Ей тоже постоянно хотелось реветь, но приходилось подбадривать других. И стоило признаться: так было даже лучше. Не будь рядом дедовой сестры с дочерью, Лида бы, наверное, отчаялась. Но бытовые дела приходили одно за другим, и время двигалось быстрее. Андрей уехал домой в воскресенье: ему предстояла рабочая неделя. А тетя Нина с дочерью осталась ради брата. Правда, все выходные дед пробыл в интенсивной терапии, куда не пускали посетителей. Эта неизвестность, да и само словосочетание «интенсивная терапия» и довели пожилую женщину до слез. В шкафу у деда она нашла старые фотоальбомы и постоянно их пересматривала.

В понедельник у деда был консилиум, его перевели в палату. Лида пробежалась по магазинам за покупками: йогурты, детские пюре, одноразовые пеленки, крем от пролежней и тому подобное. После обеда их с тетей Олей пустили. Дед лежал у окна. Лида бросилась его обнимать, и он в ответ слабо погладил ее левой рукой. Он выглядел беспомощным и никому не нужным среди желтых стен и белых простыней. В палате пахло мочой и хлоркой. От деда тоже исходил дурной запах, его губы пересохли и были покрыты белыми корочками. Лида достала влажные салфетки, и они с тетей Олей как могли вытерли и освежили похудевшее тело, поменяли одежду и пеленки. На бедрах появились красные пятна пролежней.

– Надо дать денег медсестрам, – шепнула тетя Оля. – Посмотри, до чего его довели.

– Да, я тоже подумала.

Лида оставила тетю Олю кормить и поить деда, а сама пошла искать сестер. У ординаторской она столкнулась с Кудрявцевым.

– Как у дедушки дела?

– Ничего нового. Извините, я спешу сейчас, поговорим завтра, хорошо?

– Конечно, – тихо ответила Лида.

Из женской палаты слышалось раздраженное ворчание. Лида подошла к дверям и увидела, как полная одутловатая санитарка с короткими кудрявыми волосами меняет пеленки под старушкой. Она вертела сухонькую бабушку, как что-то неживое, наспех вытирая испражнения мокрой тряпкой.

– Почему я должна все делать! – бубнила злобная тетка.

Увидев Лиду, она осеклась и попыталась изобразить улыбку.

– Видите, родственники не хотят даже навещать и ухаживать за человеком.

Лида сжала челюсти, сдерживая гневные слова.

– Я принесу ей влажных салфеток, я купила с запасом. Можно вас на минутку?

– Конечно, конечно.

Они вышли в коридор, и Лида наклонилась к санитарке, стараясь не вдыхать тяжелого запаха духов, пота и табака.

– Я – внучка Титова из седьмой палаты.

– Титов? А, это новенький, сегодня только перевели из ПИТа. Я у него еще не была.

– Тогда пойдёмте, я его покажу.

Из дверей палаты Лида показала санитарке койку деда.

– Вот он. Я не знаю, как долго ему не меняли пеленку.

– Странно, обычно в ПИТе следят... Видимо, из-за перевода... Ничего, я сейчас...

– Я уже поменяла, – перебила ее Лида, борясь с приступом агрессии. – Но я была бы *очень* благодарна, если бы вы более внимательно к нему отнеслись. И предупредите следующие смены. У деда уже появляются пролежни.

Она сунула женщине в карман купюру.

– Если хотите, можете принести специальную надувную подушку в форме круга. Очень хорошо от пролежней.

– Принесу завтра. И давайте ему пить, пожалуйста.

– Конечно, конечно.

Санитарка ретировалась, и Лида вернулась к деду.

– А мы поели, – тетя Оля собрала со стола пустые баночки от пюре и понизила голос. – Я видела у соседа детский поильник. Надо будет тоже принести. Дяде Шуре тяжело пить из кружки.

Лида кивнула и присела на край кровати. Дед сжал ее руку, и она увидела в его локтевом сгибе здоровый синяк от капельницы. Он приподнял голову, собираясь что-то сказать. Лида нагнулась.

– Сдала меня, – невнятно проговорил Александр Борисович. В его глазах блеснула влага.

– Ну что ты! – Лида ласково погладила его и убрала волосы со лба. – Без тебя так плохо! Дома теперь уже просто нельзя тебя оставлять.

– Лучше я умру дома.

– Перестань. Не смей меня сейчас оставлять. Это просто больница. После инсультов люди годами живут, – Лида вытерла слезы деду и себе.

Дед замолчал и перевел взгляд в окно.

– На даче все заросло.

– Ничего страшного. Встанешь на ноги, и поедем полоть, – она улыбнулась.

– Ребенок? – дед не договорил. В палату вернулась тетя Оля: она ходила выкидывать мусор после еды.

Лида округлила глаза и покачала головой. Потом подмигнула. Дед моргнул в знак понимания и слабо улыбнулся. Лида обняла его и прошептала:

– Все будет хорошо.

Она прижалась к дедушке, как в детстве. Даже теперь, ослабленный, он давал ей силы и утешение.

– Я с тобой.

Тетя Оля села рядом на стул, и они помолчали.

– Нина? – еле слышно спросил дед.

– Она переживает за тебя, – ответила тетя Оля. – Ты всех нас напугал. Завтра приедем все вместе.

– Пять минут! – крикнула в палату молодая медсестра. Лида видела ее на посту.

Посетители стали собираться.

– Завтра придем пораньше. Слушайся врачей.

Больница подействовала на Лиду удручающе. Умом она понимала, что вариантов нет, но в глубине души ей казалось, что она предала деда, оставив его в этих жестоких стенах.

В эти дни она усиленно работала. От нервов ей не удавалось сосредоточиться, но только заказы отвлекали от проблем. У нее все чаще тянуло живот. Лида успокаивала себя мыслью, что принимает витамины, но-шпу и валерьянку. И вот-вот запишется в женскую консультацию.

Перед сном она молилась и плакала. Если в течение дня присутствие родни заставляло ее держаться, то оставшись в комнате одна, она отпускала вожжи и беззвучно сотрясалась в подушку, повторяя про себя: «Господи, ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...» Но новостей не было. Александр Борисович не реагировал на лечение. Его пролежни превратились в круглые язвы с черными краями. Кудрявцев деликатно говорил, что это не очень хорошо.

В среду ближе к полуночи снова позвонил Норберг.

– Я не разбудил тебя? – спросил он.

- Нет.
 - Ты не отвечала на письма и сообщения. У тебя все в порядке?
 - Да. Просто, – Лида прочистила горло. – Я была занята.
 - Ты что, плачешь?
 - Нет. Извини, я забыла ответить.
 - Я приеду в пятницу в Москву.
 - А... Анализы.
 - Да. Ты не могла бы записать нас в этот центр? Я скинул тебе ссылку.
 - Хорошо.
 - Я останусь на несколько дней, но запиши нас на пятницу.
 - Не будем терять времени, да?
 - Что? – Андерс звучал рассеянно.
 - Не обращай внимания. Ты остановишься в том же отеле?
 - Наверное.
 - Хорошо.
 - Лидия?
 - Да?
 - Как у тебя дела?
- Она вздохнула.
- Так себе.
 - Хочешь рассказать?
 - Не сейчас. Я напишу.

Лида сбросила звонок. Ей тяжело было даже слышать голос Андерса. Он звучал, как напоминание о ее бестолковости. Живой упрек. Возможно, именно из-за волнений дедушку разбил инсульт.

Спала она плохо. Ей было душно, одеяло липло к телу. Открытая форточка не помогла: июнь выдался нехарактерно жарким. Утром Лиду окончательно вывела из прерывистого забытья тошнота, поэтому девушка приняла прохладный душ и решила взяться за работу. Она проверила забытую почту: от Норберга пришло несколько сообщений. Это было даже похоже на волнение. Лида запретила себе романтические мысли, хотя в отдаленном участке ее сознания что-то радостно екнуло.

Лида открыла сайт лаборатории. Та располагалась в крупном медицинском центре, и Лида вспомнила, что так и не записалась к врачу. Она поискала в интернете, какие надо сдавать анализы в начале беременности, и решила сдать их платно. Сумма выходила внушительная, но терпимая. К тому же во вторник ей как раз перевели деньги за заказ. Некоторые пробы надо было сдавать натощак, поэтому Лида решила записаться на субботнее утро. Она не хотела пропускать послеобеденное

посещение больницы. Все равно Андерс устанет после перелета. А если в пятницу вернется Андрей, то он побудет с матерью и бабушкой в субботу, пока Лида спокойно съездит в клинику.

После завтрака она позвонила в центр, продиктовала список исследований, к которым решила добавить ультразвук, а затем написала Норбергу, что ждет его в субботу в центре в десять утра.

В пятницу Лида снова разговаривала с Кудрявцевым. Тот уклонялся от конкретики и только сказал, что в понедельник будет новый консилиум.

– И что на нем будут решать? – спросила Лида.

– Дальнейшее направление лечения.

– Может, я могу помочь с лекарствами?

– У нас есть все необходимое, не волнуйтесь.

Она звонила Виталику и пыталась узнать, нужно ли «благодарить» Кудрявцева снова, в каких размерах и с какой периодичностью. Виталик посоветовался с матерью и сообщил, что дальше деньги обычно дают уже при выписке. Он предлагал заехать, но из-за родственников Лида отказалась.

Тетя Нина и тетя Оля ничего не говорили о времени своего отъезда, и Лида не считала вежливым поднимать эту тему. В конце концов, их присутствие не давало ей раскваситься окончательно. Даже тетя Нина, едва только ее пустили к брату, активизировалась и взяла себя в руки. Тетя Оля взяла на себя готовку, к тому же вместе с ней Лиде было гораздо проще омыться и переодеться деда.

Удивительно, какое значение имеет родство. Казалось бы, Лида не виделась с этими людьми несколько лет, но случилась беда, и они приехали. И у Лиды появилось ощущение, что они жили здесь всегда. Они помогали, как будто это было что-то само собой разумеющееся. Без упреков, брезгливости и просьб. Лида привыкла к новым запахам в квартире, к болтовне тети Оли и полюбила вечерние чаепития.

Лида как раз накрывала стол к чаю, потому что Андрей привез из «Невской кондитерской» пирожные, когда позвонил Андерс.

– Лидия, я в Москве, – сообщил он.

– Как прошел перелет? – спросила Лида, захлопнув за собой дверь в комнату.

– Отлично. Не хочешь приехать? Или сходим поужинать куда-нибудь. Погуляем, вечер такой теплый.

– Если честно, я устала.

– Давай я приеду.

– Я не думаю, что это хорошая идея. Ты устал после самолета, а завтра

рано вставать.

– Я спал во время перелета. Я часто летаю. Может, ты просто не хочешь?

– Андерс, мы же завтра увидимся, к тому же...

Раздался стук в дверь, и Лида услышала голос Андрея:

– Чайник вскипел, мы тебя ждем! Бабуль, ты тоже иди!

– Извини, мне надо идти. Уже поздно, увидимся завтра.

– Кто это? Твой дедушка?

– Нет, это мой брат. Кузен. Из Петербурга.

– Ты бы сразу сказала, что у тебя гости. Пока.

И Норберг отключился. Лида пожала плечами. Странно он себя вел. То обвинял во всех грехах, то жаждал встречи, что вообще никак не вязалось со статусом кинозвезды. Наверное, он пытается быть вежливым, или ему скучно, уверяла себя Лида. В последнее время она забыла, что имеет честь ждать ребенка от секс-символа Голливуда. Возможно, ей стоило бы ждать приезда Андерса у входа в гостиницу. Гормоны и стресс заставляли Лиду испытывать больше эмоций, чем она привыкла за всю сознательную жизнь. И если бы кто-то сказал ей раньше, что Андерс Норберг вызовет у нее раздражение, она бы ни за что не поверила. А теперь же, фыркнув и бросив телефон на диван, Лида недовольно отправилась на кухню за пирожными.

Глава 14

Она приехала раньше назначенного времени. В субботнее утро город был почти пустым, а розовое чистое небо обещало жаркий день. Лида припарковалась у входа в клинику и села на лавочку перед ухоженной клумбой. Даже растения пронизывал дух элитарности, и в каждом кустике чувствовалась рука ландшафтного дизайнера.

Лида надела темно-синюю блузку на тонких плетеных лямках и льняные брюки. Она еще не выглядела беременной, но часть одежды перестала сходиться на талии, хотя из-за токсикоза она и потеряла несколько килограммов.

Тонированный черный BMW прибыл спустя двадцать минут. Лида встала: ей не надо было дожидаться выхода пассажира, чтобы понять, что это Андерс. Он был в потертых джинсах и мятой футболке, мало сочетаясь со сверкающим автомобилем. Широкими быстрыми шагами он направился в ее сторону. Бейсболка и темные очки скрывали его лицо от предполагаемых папарацци. Лида улыбнулась. Как тут забудешь про его звездный статус.

– Привет, – сказала она, против воли широко улыбаясь.

Она сама не ожидала от себя такого прилива радости. Рот Андерса тоже растянулся в улыбке, хотя вчера по телефону он показался ей обиженным.

– Привет, – Норберг легко коснулся ее щеки губами, и Лида втянула знакомые запахи его кожи и одеколона.

– Ты давно ждешь?

– Нет, совсем нет.

Они прошли в клинику, и Лида обратилась к девушке на ресепшн.

– Конечно, вы можете заходить в процедурную. Вы сегодня не кушали?

– Нет.

– Я смотрю, вы записаны на ультразвук. Я бы посоветовала сначала сделать УЗИ, чтобы точно определить срок беременности, и только потом сдавать кровь на ДНК. Вы знаете, этот тест проводится с девяти недель. Доктор убедится в сроке, чтобы вам не пришлось потом проводить еще один анализ.

– Андерс, ты сможешь меня подождать?

– Что-то не так?

– Мне надо сначала сделать ультразвук, чтобы проверить срок беременности.

– А разве ты его сама не знаешь?

– Знаю. Но пусть доктор посмотрит, что все нормально, и потом проведем тест. Так будет надежнее.

– Хорошо, – Андерс замялся и сунул руки в карманы. – А можно мне с тобой?

– Если ты хочешь, – Лида пожала плечами.

Девушка провела их в затемненную комнату, и Лида легла на кушетку. К потолку был прикреплен второй монитор, на котором дублировалось изображение с аппарата.

– Присаживайтесь, – элегантная дама с короткой стрижкой показала Андерсу на стул рядом с кушеткой.

Лида приподняла блузку, немного спустила брюки, и врач покрыла ее живот холодным гелем. Ту долю секунды перед касанием датчика Лида испытала непонятное волнение. Она так давно не была у врача, что боялась услышать, что никакой беременности нет, словно она сама ее придумала. Датчик скользнул по коже, и на мониторе появилось двигающееся изображение, в котором угадывались контуры маленького человека.

– А вот и мы, – удовлетворенно сказала докторша и остановила картинку, чтобы сделать измерения.

Лида повернулась к Андерсу и увидела, что тот сидит, выпрямившись как струна, и ошарашенно смотрит на экран. У нее в носу заципало, и она взяла его за руку.

– Вы хотели бы сделать трехмерное исследование с записью на диск? – спросила врач.

– Нет, спасибо.

– Что она сказала? – Андерс повернулся к Лиде.

– Ничего.

– Я предложила ультразвук 3D и диск с записью, – доктор перешла на английский.

– Я согласен. Сделайте два диска, пожалуйста.

– Конечно.

Врач перевела аппарат в трехмерный режим, и изображение стало бежевым, словно слепки из глины. На экране шевелился малыш с крошечными ручками.

– Вы можете видеть лицо, руки, ноги, – вещала врач на английском, безошибочно определив платежеспособного клиента. – Это пуповина. Вы хотите знать пол ребенка?

– Да.

– Сейчас, минутку, – она поставила датчик под другим углом. – На этом сроке обычно рано делать прогнозы. Но тут вы сами можете увидеть. Это мальчик.

Лида почувствовала, как сжались пальцы Андерса.

Мальчик. Дед обрадуется! И Норберг явно был растроган. Лида посмотрела на него, и ей страшно захотелось обнять его, разделить этот момент радости.

– Срок одиннадцать недель и два дня, – продолжала врач. – Плод развивается правильно.

– Это срок от зачатия? – спросил Андерс.

– Нет, от начала менструального цикла. Срок от зачатия на две недели меньше.

Лида взглянула на Норберга: он считал. И, видимо, удовлетворившись расчетами, кивнул.

– Единственный момент, – врач убрала датчик и протянула Лиде рулон с бумажными полотенцами. – У вас есть небольшой гипертонус.

– Это опасно?

– Как правило, нет. Но вы должны обязательно обратиться к своему врачу. Вы уже встали на учет?

– Нет еще.

– Зря. Постарайтесь попасть на прием как можно скорее. Вам назначат специальные препараты для снятия спазмов. Плацента крепится низко, и в сочетании с тонусом это не очень хорошо. Лучше себя побережь.

Потом они сдали кровь, получили на ресепшн диски с записью ультразвука. Андерс настоял на том, чтобы оплатить все анализы Лиды.

– Перекусим где-нибудь? – спросил он.

– Хорошо. У меня есть время до обеда. Я видела здесь рядом пиццерию.

Они зашли в просторное итальянское заведение с красными клетчатыми скатертями. В субботу утром там было малоллюдно, но Андерс по обыкновению выбрал столик в углу и не стал снимать бейсболку.

– У тебя еще какие-то дела на сегодня? – спросил он, когда они сделали заказ.

– Мне надо навестить дедушку в больнице.

– А что случилось?

– У него был... сейчас, я посмотрю, как это называется по-английски, – Лида залезла в телефон. – У него был инсульт. Он наполовину парализован.

– И давно?

– Это началось почти месяц назад. Но основной приступ был на прошлой неделе, и его положили в больницу. До этого он был со мной дома.

– Но почему ты мне ничего не сказала?! – воскликнул Андерс.

– Зачем? – Лида пожала плечами. – Ты бы ничего не изменил.

– Я мог бы нанять сиделку или оплатить хорошего врача.

– Я в состоянии справиться сама, Андерс. И я нашла хорошего врача. Только он не помог.

– Лидия, пожалуйста, держи меня в курсе. Я хочу хотя бы знать, что с тобой происходит.

– Хорошо.

– У меня перерыв в съемках несколько дней. Я проведу их здесь. – Андерс откусил гавайской пиццы. – Мы могли бы еще встретиться? Погулять или сходить куда-то?

– Наверное. Недалеко от больницы есть парк, если хочешь. Можем пройтись, пока не начнутся посещения.

– А можно я потом пойду в больницу вместе с тобой?

– Андерс, это неприятное зрелище.

– Ты все еще думаешь, что я хожу только на светские мероприятия?

– Как хочешь.

– У тебя плохое настроение?

– Нет. Прости. Я очень волнуюсь за деда. Очень много всего навалилось.

– Ты из-за этого до сих пор не была у врача? Ты же слышала: ты должна себя беречь.

– Я – сильная. Или ты забыл, что я была баскетболисткой? А дед сейчас нуждается во мне.

Андерс протянул руку и накрыл ее ладонь своей.

– Даже сильным иногда бывает нужна помощь.

Лида взглянула на его загорелые пальцы, и ей смертельно захотелось потереться о них щекой. Она благодарно улыбнулась.

– Спасибо, Андерс. Доедай, и я покажу тебе Воронцовский парк.

Они гуляли до самого обеда, и Норберг старался отвлечь ее от грустных мыслей, рассказывая веселые истории со съемок. Лида немного развеялась, но стоило ей подойти к больничным воротам, как волнение нахлынуло с новой силой.

На территории больницы Лида увидела Виталика. От удивления она забыла представить их с Андерсом и выпалила:

– А что ты здесь делаешь?

– Я звонил тебе несколько раз, ты не отвечала. Хотел навестить Александра Борисовича и заодно с тобой повидаться. Тогда я позвонил тебе домой, и твой брат сказал мне, что ты собиралась к бабушке после обеда. И вот я приехал, но... – Виталик выразительно посмотрел на Андерса, – зря, наверное.

Лида достала телефон и увидела несколько пропущенных вызовов.

– Извини, я забыла включить звук с утра... Да, Виталь, это Андерс. Андерс – Виталий.

Молодые люди коротко пожали друг другу руки, и компания двинулась в сторону неврологического отделения.

– Он приехал навестить моего деда, он... друг семьи, – шепнула Лида Андерсу. – Он сильно помог нам, и я не могу сейчас...

– Я понимаю, не беспокойся.

Они поднялись в палату, и в нос ударил запах российской больницы. Лида не удержалась и посмотрела на Андерса. Она ожидала удивления, брезгливости или даже шока, но его лицо оставалось спокойным.

Дед не спал. Потускневшим взглядом он окинул посетителей, остановившись на Норберге. Лида кинулась к бабушке с объятиями, но он лишь слабо сказал:

– Виталик.

– Да, видишь, сегодня все хотят тебя навестить. И Виталик, и Андерс, – Лида улыбнулась.

– Виталик, подойди.

Тот приблизился к койке и сел на стул для посетителей.

– Ты знаешь... английский? – с трудом проговорил Александр Борисович.

– Да.

– Лида, выйди.

– Зачем?

– Пять минут. А он пусть останется, – дед показал глазами на Норберга.

– Иди, Лида, – обратился к ней Виталик, когда она замешкалась. – Ничего страшного. Я же здесь.

Она пожала плечами.

– Андерс, бабушка хочет, чтобы я вышла на пять минут. Видимо, будет говорить с тобой через Виталия.

– Конечно, иди, – Андерс коротко сжал ее плечо и подошел ближе к Александру Борисовичу.

Лида вышла из палаты, с трудом приходя в себя от удивления. Дед давно не выказывал такой живой заинтересованности. Она приняла это за хороший знак и пошла на пост, чтобы положить очередную «благодарность» в карман санитарки.

На обратном пути Лида встретила Остапова, того самого дежурного врача из приемного. Она машинально кивнула в знак приветствия, но он остановил ее.

– Вы ведь внучка Титова?

– Да.

– Я смотрел его сегодня. Мне очень жаль.

– Почему?

– Ему не становится лучше. Организм не борется. Он угасает. Вы ведь знаете, что в понедельник консилиум.

– Да, но разве это не значит, что ему будут подбирать новую терапию?

– Аркадий Викторович вам не говорил? Скорее всего, будет принято решение о выписке.

– Но ведь лечение не подействовало, и... – Лида замолчала, пораженная догадкой. – Неужели?..

– Да. Когда мы не можем ничем помочь, мы отправляем человека домой. Простите.

– Я понимаю, – Лида продолжала смотреть на врача распахнутыми глазами, словно ожидая чего-то хорошего.

– Извините, мне пора, – он сунул руки в карманы и пошел в ординаторскую.

Лида стояла на месте, пытаясь прийти в себя. Потом развернулась и медленно побрела в палату. Виталик и Андерс стояли у окна, и Виталик что-то быстро говорил шепотом. Андерс молча слушал, наклонив голову набок.

– Андерс... – тихо позвала она.

– Что? – они оба обернулись.

– Я видела врача, и... и он сказал... – она вцепилась в запястье Андерса, – ...он сказал, что мой дедушка умирает. Они хотят выписать его в понедельник домой. Умирать.

– Лидия, мне так жаль...

– Лида, соберись. Не надо, чтобы Александр Борисович видел, как ты убиваешься, – Виталик говорил с ней по-русски. – Просто побудь с ним. Поговори. Домой отправляют не умирать, люди годами могут лежать парализованными. Не начинай плакать, ты ничего не изменишь. Ему и так тяжело, ты делаешь только хуже.

– Да. Да, ты прав, – Лида сделала глубокий вдох и продолжила на английском: – Оставьте меня с бабушкой наедине, пожалуйста.

Они вышли, и Лида присела на край койки. Дед устало смотрел на нее, но взгляд был сонным. Лида погладила его по голове, как ребенка.

– Я так скучаю без тебя, – шептала она. – Так скучаю.

Она взяла его за здоровую руку, и он ответил слабым пожатием.

– Расскажи мне, – едва слышно выдохнул дед.

– Что?

– Что-нибудь.

И Лида стала рассказывать. О том, как была у врача, о том, что у нее будет мальчик. С ручками и ножками. О том, что Андрей привез пирожные, а тетя Оля собирается печь шарлотку. Обо всем. Дед прикрыл глаза и, казалось, уснул, но продолжал держать ее руку, а она шептала и шептала, пока слезы сами собой скатывались по щекам. Лида не заметила, как за окном сгустились сумерки. Чья-то рука тронула ее за плечо.

– Посещения заканчиваются, – тихо сказал Виталик.

За его спиной стоял Андерс.

Лида вытерла слезы тыльной стороной ладони и поцеловала деда в лоб.

– До завтра. Я люблю тебя.

В коридоре у Лиды прихватило живот, и в уборной она обнаружила следы крови на своем белье.

– Обратитесь в гинекологию, – сказала ей дежурная медсестра, когда Лида сбивчиво объяснила ситуацию. – Выйдете из нашего корпуса и направо до конца.

Они торопливо покинули неврологию. Виталик шел впереди. Лида держалась за руку Андерса, как за спасательную соломинку.

Дежурного врача пришлось ждать около часа, а появившись, та отчитала Лиду за бездействие.

– Почему вы не на скорой? – недовольно заявила миниатюрная дама лет сорока с коротким черным каре.

– Я была в соседнем корпусе, у меня там бабушка...

– Документы с собой?

– Да.

– Проходите.

Второй раз за день Лида попала в кабинет УЗИ. Только теперь процедура заняла пару минут.

– Угроза прерывания, – коротко сообщила дама. – Берите телефон и поднимайтесь в отделение.

– Это выкидыш? Ребенок жив?

– Это угроза, – резко повторила женщина. – Плод пока на месте. Будем пытаться сохранять.

Лида вышла в холл и сказала Виталику:

– У меня угроза прерывания. Меня кладут. Они... Они ничего не говорят конкретного. Пожалуйста, переведи Андерсу. Я не могу сейчас вспомнить слова. Извини, что я тебя прошу, но мне больше некого. И позвони мне домой, позови Андрея. Это мой брат троюродный. Скажи ему все, только... ну, смягчи как-нибудь. Ничего, мол, страшного. И пусть придумает что-нибудь, не нервирует мать. Все, мне пора.

– Держись.

Лида снова сжала руку Андерса.

– Как ребенок? – спросил он.

– Он еще жив. Прости.

И она вышла вслед за медсестрой.

Глава 15

Утром Лида с трудом проснулась от шума голосов и попыталась понять, где находится. Она увидела перед собой салатовую стену, белый потолок и прикроватную тумбочку. Лида медленно села. На ней была ситцевая больничная рубашка в цветочек.

Лида вспомнила вчерашний вечер. Неприятный осмотр на кресле, капельница. Кажется, она плакала. Было темно, а потом соседка... Аня... Нет, Наташа... Привела медсестру. Вроде так.

Телефон был почти разряжен и стоял на беззвучном режиме. Лида увидела несколько пропущенных вызовов. Она перезвонила Андрею, успокоила, как могла, и попросила захватить ей самое необходимое. Потом набрала Норберга. Он рвался ее навестить, но Лида понимала, что с российской больницей он один не справится, и снова связалась с Андреем, попросив встретить Норберга у входа в отделение и провести с собой.

После сбора анализов и скудного больничного завтрака начался обход. Высокая докторша с проседью подошла к Лиде.

– Вы у нас вчера поступили с выкидышем?

– С угрозой прерывания. Я.

– Ах, ну да, – врач полистала историю болезни. – Капельницу вам ночью поставили? Так... Что-то беспокоит сейчас? Кровянистые выделения, боли?

– Нет.

Тамара Михайловна, как представилась врач, села напротив Лиды и стала заполнять карту, задавая всевозможные вопросы.

– Скажите, а долго может продлиться лечение? – спросила Лида, когда анкетирование закончилось.

– Вы куда-то торопитесь?

– У моего дедушки инсульт, он в неврологическом отделении. Его должны выписать в понедельник, и ему нужен уход.

– Вы хотите сохранить беременность?

– Да.

– Тогда вы должны пробыть здесь столько, сколько потребуется. Уход сейчас нужен вам.

– Может, можно лечиться амбулаторно?

– Стрельникова, я могу вас выписать хоть сейчас. Но вы сейчас отвечаете не только за себя, и если у вас есть хоть капля здравого смысла,

вы ляжете и будете лежать до победного. Это понятно?

– Да.

– Исключить стресс, физические нагрузки, половую активность. Если вы не возьмете себя в руки, все препараты пойдут коту под хвост.

Лида мысленно отчитала себя за слабость. После спортивного прошлого она всегда считала, что беременность и роды дадутся ей легко.

Около полудня ей позвонил Андрей и сказал, что они с Андерсом ее ждут. Лида накинула стариковский байковый халат, который ей выдала санитарка, и вышла в коридор. Для посетителей там стояли кресла и скамьи.

Андерс осунулся, вид у него был довольно помятый. Он неловко шагнул к Лиде и прижал ее к себе, что-то пробормотав на шведском.

– Как ты? – спросил он уже по-английски. – Как ребенок?

– Я не знаю, мне больше не делали УЗИ. Но мне лучше, крови больше нет, живот не болит. Мне придется здесь остаться, и я не знаю, как долго. Но вряд ли получится провести время вместе.

– Делай то, что говорят доктора. У тебя хороший специалист?

– Откуда я знаю, – Лида пожала плечами. – Они все одинаковые. Извини, мне надо поговорить с кузеном.

Она подошла к Андрею, который все это время тактично стоял в стороне.

– Привет. Спасибо за вещи, – она взяла у него пакет. – И за Андерса. Как бабушка?

– Мама сейчас пошла к нему. Бабушка опять сникла, у нее было давление с утра, мы решили оставить ее дома. Ты извини, мне пришлось сказать про тебя. Ну, про беременность. Больше нечем было объяснить твое отсутствие.

– Да ладно, что уж теперь. И как они отреагировали?

– Матери, конечно, любопытно. Но они все понимают и переживают за тебя. Ругались, что ты сразу все не рассказала.

– Такими вещами не хвастаются, – улыбнулась Лида.

– Да перестань! Все свои. Слушай, я пойду к дяде Шуре. Твой друг говорит, что запомнил дорогу.

– Конечно.

Лида сообщила Норбергу, что ее брат уходит, но Андерс попросил Андрея задержаться и отозвал в сторону. Они отошли на пост, и Андерс о чем-то заговорил с медсестрой через Андрея. Лида со стороны наблюдала за реакцией молоденькой девушки. Стоило бы привыкнуть, что Андерс вызывает у слабого пола повышенный интерес и потребность заигрывать. Это выводило Лиду из себя. Она начинала понимать, почему мужчина

должен быть лишь немногим красивее обезьяны. К счастью, Андерс был взвинчен и на флирт не реагировал. Через несколько минут они подошли к Лиде вместе с медсестрой.

– Вас переводят в платную палату, – сообщила девушка Лиде. – Я перенесу ваши вещи. После посещения подойдите на пост, я вас отведу.

– Это лишнее, – сказала Лида, когда медсестра и Андрей ушли.

– Давай сядем, – Андерс отвел ее к двум креслам у окна. – Я хочу, чтобы ты отдыхала. А теперь расскажи мне, что говорит доктор.

– Тебе это не понравится.

– Почему?

– Потому что доктор говорит, – Лида понизила голос, – никакого секса.

– Лидия! Ты еще можешь шутить?

Она грустно улыбнулась.

– Прости, Андерс. Это не шутка.

– Слушай, ты, конечно, бесподобна в этом халате. Или что это вообще такое. Но я постараюсь себя сдерживать. Лидия, я беспокоюсь за тебя. Скажи, что я могу сделать.

– Тут ничего нельзя сделать, – она вздохнула и ссутулилась. – Я просто не готова потерять дедушку. Я не знаю...

Андерс взял ее за руку.

– Ты только не волнуйся. Твой дед не хотел бы навредить ребенку. Может, все еще наладится.

Но ничего не наладилось. Вечером позвонил Андрей и сказал, что Александр Борисович впал в кому. Поговорить с тетей Олей ей не удалось: из-за новых слез Лиде вкололи какое-то успокоительное. А утром в палату пришла медсестра и сообщила, что ночью дедушки не стало.

Лида отреагировала странно спокойно. Она не стала рыдать, все будто высохло у нее изнутри. Она позвонила Андрею, сказала, где лежит карточка с «гробовыми».

– Он все равно их для этого копил, – сказала она, когда Андрей предложил помочь с деньгами.

Потом стали звонить из ритуальных контор. Удивительное качество оперативно отслеживать клиентов... Первый раз Лида услышала до тошноты слащавый женский голос и отказалась. Вторая девушка звучала спокойно и адекватно, поэтому Лида согласилась на их помощь и попросила рассчитать примерную смету. Потом она собралась с силами и позвонила тете Оле. Та звучала тихо и отдаленно.

– Все к этому шло, – вздохнула она. – Теперь уже ничего не поделаешь... Ты только держись!

– Как тетя Нина?

– Плачет с самого утра. Нам сказали ночью, но по твоему телефону ответила медсестра. Видимо, заходила к тебе. А маме мы сказали только недавно.

– Я оплачу все ритуальные услуги, кафе для поминок... Они обещали все организовать. Я не знаю, сколько меня здесь продержат, но хочу отпроситься хотя бы на похороны.

– Не вздумай. Тебе сейчас нельзя нервничать, а похороны – это тяжело даже для здорового человека.

– Но он же мой дед... Ближе него у меня никого не было!

– Ты была у него, когда он был жив. А сейчас прежде всего ребенок. Лида, дядя Шура бы и сам тебя не пустил.

– Я не знаю... Я посоветуюсь с врачом.

Врач была категорична.

– Все равно тебя через три дня никто не выпишет. Кроме тебя о твоём ребенке некому позаботиться. Расставь приоритеты.

Потом ее забрали на УЗИ и подтвердили, что ребенок жив, хотя плацента прикреплена низко, а тонус сохраняется, поэтому физическая активность и стресс исключены.

По возвращении в палату ее уже дожидался Андерс.

– Как ты?

– Плохо.

– Что-то с ребенком?

– Нет. Мой дедушка, он...

У нее перехватило дыхание, и Андерс понял, что она хотела сказать.

– Мне так жаль! – он обнял ее, прижал к себе, и она расплакалась, уткнувшись ему в плечо.

Они зашли в палату, и Андерс был с ней, пока не стемнело.

Глава 16

В день похорон было ясно и тепло. Лида стояла у окна коридора, откуда было видно, как к больничному моргу прибывают люди на прощание.

Андрей на несколько дней отпросился с работы, и с тетей Олей они занимались организацией похорон. Большую часть хлопот взяла на себя фирма, но дел и без того было навалом. Андрей обзвонил всех из дедовой записной книжки, и собралось много народу из ЦСКА. Спортивная газета даже напечатала некролог. Лида заказала поминки на тридцать человек в кафе неподалеку.

Все эти дни Андерс был рядом. Сидел молча, пока она отвечала на звонки, раздавала указания и принимала соболезнования. Следил, чтобы она не забывала поесть. И теперь он просто стоял сзади, положив руки ей на плечи.

Когда катафалк и ритуальный автобус выехали с территории больницы, Лида и Андерс вернулись в палату.

– Мне надо с тобой поговорить, – сказал он.

Лида устало опустилась на кровать и посмотрела на него.

– Я улетаю в Лос-Анджелес послезавтра. И я хочу, чтобы ты приехала ко мне.

– Зачем? И потом, у меня нет визы, меня даже еще не выписали.

– Ты спокойно выйдешь из больницы, оформишь все документы, а я вышлю приглашение и билеты. Я разговаривал с юристом, он найдет в Москве фирму, которая поможет все устроить. Послушай, так будет лучше. Ты работаешь через Интернет. Дома одной после всего этого... Это слишком тяжело. Тебе надо сменить обстановку, поживешь у меня, пока не оправившись, а там будет видно. Захочешь – вернешься, захочешь – я помогу тебе устроиться в Америке. И я бы смог чаще видеться с ребенком. И заодно оформи шведскую визу.

– Я не знаю. Все так неожиданно, я не могу принять решение прямо сейчас.

– Конечно. Подумай. У меня съемки, я мало бываю дома, так что мы не будем друг другу мешать. Но ты хотя бы не будешь совсем одна. Найдем хорошего врача, который будет тебя наблюдать до родов. Одни плюсы.

– Спасибо, Андерс. Но я сейчас плохо соображаю. Дай мне время.

До его отъезда они больше не возвращались к этой теме. Он улетел

рано утром, а днем врач выписала Лиду домой. Перед уходом Лида на всякий случай уточнила, можно ли ей летать на самолете, и получила положительный ответ.

Из больницы ее встречала тетя Оля. Андрей к тому моменту был вынужден вернуться в Питер на работу.

Она все представляла себе: каково будет вернуться в квартиру? Сможет ли она находиться там без деда? После больничного освещения дома было темно и тесно. Большое зеркало в прихожей было завешено простыней. Пахло тушеными овощами.

– Иди мой руки, мама готовит ужин.

Лида послушно пошла по коридору, словно впервые видя свою квартиру. Она заглянула в комнату деда: тетя Оля убралась там в ее отсутствие. На столе стояла фотография с черной лентой в углу. Лида прикрыла дверь и пошла на кухню.

– Что ты теперь собираешься делать? – спросила тетя Нина, когда они все сели за стол.

Она похудела и постарела за эти дни, но больше не плакала.

– Я не знаю, – Лида с аппетитом положила в рот домашнюю еду. Тошнота почти прекратилась, и она смогла снова спокойно есть.

– Мы хотим уехать в воскресенье, – сказала тетя Оля. – Ты справишься сама?

– Конечно, не волнуйтесь.

– Надо заниматься оформлением наследства и прочих бумаг. Придется побегать.

– Наверное, в понедельник этим и займусь.

– Точно? Может, отложить, пока ты не придешь в норму?

– Я в порядке. Мне... Мне предложили поехать в Штаты.

– По работе?

– Нет. Это отец ребенка, он оттуда, – это был первый раз, когда она заговорила с родственниками о ребенке.

– Американец?

– Швед.

– Тот, про которого Андрей рассказывал? Вроде известный актер.

– Да, – Лиде было неловко от этого разговора. Она чувствовала себя гулящей девкой, которая, едва потеряв близкого человека, рассуждает о мужиках. – Это долгая история. В общем, он предложил мне помочь устроиться в Лос-Анджелесе, и я не знаю, стоит ли.

– Он зовет тебя замуж? – спросила тетя Нина, но тетя Оля тут же пресекла мать выразительным взглядом.

– Об этом речи нет. У нас нет отношений. Просто... Не знаю. Просто он предлагает помочь там с жильем, найти хорошего врача. И ребенок будет рядом с отцом. Но я не знаю, это слишком серьезный шаг.

– А что тебя держит? – тетя Нина пожала плечами. – Шура всегда говорил, что здесь ловить нечего.

– Мам, это все-таки дом. Не знаю, я бы не смогла жить в другой стране, – сказала тетя Оля.

– Татьяна переехала – и довольна. Другой уровень жизни, другие возможности.

– Ну какие возможности? У нее там муж и дети, вот и все. У иностранцев другой менталитет, с ними сложно. Тем более если он – знаменитость. Фотографы, газеты, скандалы... А женщины? Бесконечные женщины! Жить и растить ребенка во всем этом?

– По-твоему, лучше быть матерью-одиночкой в России?

– А что такого? Можно разменять квартиру, в одной жить, другую сдавать. Это постоянный доход. Потом, Лида работает дома. И ребенок вырастет в своей стране.

– Глупости, – тетя Нина говорила вещи, которые Лида совершенно не ожидала услышать от человека советской закалки. – Можно сдать эту квартиру и жить за границей. Так будут и деньги, и возможность вернуться. Зато ребенок сможет получить хорошее образование, работу... Совсем другая жизнь! Его отец может помогать, может не помогать, как хочет. Но если он готов дать Лиде толчок, возможность вырваться и устроиться там, то и за это ему спасибо.

– Не знаю, как-то это все слишком меркантильно, – ответила тетя Оля. – А ты что думаешь, Лидок?

– Я не знаю. Просто здесь... мне тяжело. Может, и правда стоит сменить обстановку. Тетя Нина права, я же могу вернуться, когда захочу.

– А с отцом ребенка у вас точно ничего не выйдет? Андрюша сказал, он за тебя волновался.

– Он хороший человек, но мы слишком разные. Я не думаю, что у нас что-то получится. Он очень помог мне за эти дни, был рядом, и я даже начала к этому привыкать. Но он из другого мира. Я не смогу соответствовать всем этим кинодивам, которые его окружают. Жить в страхе и ревности... Это не для меня. Поэтому я и сомневаюсь, стоит ли переезжать. Знаете, все время придется пожинать плоды своей глупости.

– Не вини себя, – тетя Оля похлопала Лиду по плечу. – В жизни всякое бывает. Из всего можно извлечь урок.

– Ну да, ну да, – вздохнула Лида.

– Знаешь, у меня в институте была подружка, – тетя Нина задумчиво мяла в руках корку черного хлеба. – Она любила повторять: «Сомневаешься – не делай, сделал – не жалеяй». Мне в свое время помогло.

Лида обдумывала эти слова, лежа в кровати перед сном. Квартира стала чужой и недружелюбной, и Лиде хотелось вскочить и убежать на улицу прямо посреди ночи. Не хватало привычного шарканья в коридоре, приглушенных голосов из дедова приемника. Ей хотелось прижаться щекой к шершавой ладони, рассказать о переживаниях, посмотреть, как он пьет свой чай с лимоном из граненого стакана...

В воскресенье Лида отвезла родственниц на вокзал. Она сердечно поблагодарила их за помощь и поддержку, и все прослезилась. А в понедельник Лида написала Андерсу, что согласна на переезд.

Она рьяно взялась за оформление документов. Не столько потому, что хотела улететь поскорее, сколько потому, что боялась остаться наедине со своими мыслями. Вечерами Лида собирала вещи в коробки. Часть она собиралась отправить морем в Штаты, часть – вывезти на дачу. Поразмыслив, она решила сдать квартиру, чтобы иметь какие-то личные деньги.

Норберг звонил ей раз в несколько дней. Сама она старалась не искать с ним связи, чтобы не выглядеть надоедливой. Она не знала, что творится у него внутри, и боялась разрушить их хрупкую дружбу.

Лето выдалось сухим и жарким. Лида распахнула все окна в квартире и включила вентилятор, но липкие струйки пота все равно противно сползали между лопаток, пока она укладывала коробки с вещами. Вечер приносил долгожданную прохладу, и Лида садилась со стаканом прохладного сока на подоконник, глядя, как зажигаются окна.

– Мне пришли результаты анализов, – сообщил ей Андерс в один из таких вечеров.

– Хорошо, – ответила Лида.

– И ты даже не спросишь, что там?

– Я и так знаю.

– Я стану отцом!

– Мои поздравления.

– И даже не скажешь, что ты была права?

– Нет. Но я рада, что теперь все ясно.

– Я пересматривал ту запись... С ребенком. Это удивительно.

– Все вдруг стало иначе, правда?

– Да. Я как будто что-то хочу тебе сказать, но никак не подберу слова.

Но когда ты прилетишь, я свожу тебя в самый лучший ресторан, даю слово.

- Ты еще не передумал поселить меня в своем доме?
- Почему ты спрашиваешь?
- Не знаю. Все это как-то странно. Мы с тобой едва знакомы.
- Я знаю достаточно. Но если ты против, я могу найти тебе квартиру.
- Я совсем запуталась.
- Давай ты приедешь и мы вместе разберемся.

Спустя две недели Лида собралась с силами и поехала на кладбище. На их семейном участке цвел барвинок. Его посадила еще ее бабушка: они вместе приезжали ухаживать за могилой родителей. Лида села на маленькую скамеечку, прополосала сорняки, посадила саженец белой плетистой розы. Такая росла на даче, и Лида подумала, что дедушке бы понравилось. Пригладила холмик, словно поправляя одеяло, и мысленно попрощалась. Она отдала последние из «гробовых» денег за новую гравировку на семейной гранитной плите.

В середине июля она закончила оформлять бумаги, связанные со смертью деда и наследством, и получила визы. Дважды приходили смотреть квартиру. Андерс при каждом звонке спрашивал, долго ли еще она будет собираться. Лида подсознательно оттягивала момент переезда, прыжок в новую жизнь ее страшил.

Она записалась в женскую консультацию, сдала анализы, на сей раз пройдя все дебри бесплатной медицины. Последнее УЗИ показало, что плацента поднялась, и угроза выкидыша миновала. Узнав об этом, Норберг выслал ей электронный авиабилет в первый класс на 31 июля.

- Этого времени тебе точно хватит, – сказал он. – Или я прилечу сам.

И поскольку одна семья согласилась снять квартиру с августа, Лида решила лететь.

Глава 17

После московской жары Лида почти не почувствовала разницу в климате. Лос-Анджелес дыхнул на нее горячим воздухом, едва она вышла из аэропорта. После долгой очереди на паспортном контроле Лида мечтала поскорее оказаться в кровати. Первый класс был, бесспорно, комфортным, но спина ныла и требовала горизонтали.

Лида ожидала, что ее встретит сам Андерс, потому что накануне отлета он написал: «Жду встречи», – но в аэропорту его не было. Телефон Лида без местной симки включить не могла, и когда она уже смирилась с мыслью, что придется ехать на такси, она наткнулась взглядом на человека с табличкой «Lidiya Strelnikov».

– Это я! – обрадованно провозгласила она, волоча за собой чемодан на колесиках.

– Вы к мистеру Норбергу? – уточнил мужчина.

– Да.

– Меня зовут Эйдан. Я помогу, – он взял у нее багаж.

– Я думала, что Ан... мистер Норберг встретит меня сам, – сказала Лида, плюхнувшись на заднее сиденье тонированного автомобиля.

– Известные люди стараются лишний раз сюда не приезжать, здесь всегда дежурит кто-то из папарацци.

Лида вспомнила многочисленные снимки звезд, сделанные в аэропорту Лос-Анджелеса, и была вынуждена согласиться. Хотя Андерс мог бы предупредить ее.

Они ехали около полутора часов. К счастью, был уже вечер, и им удалось избежать пробок. После пропускного пункта Лида поняла, что они попали на какую-то элитную территорию. Эйдан провез ее вдоль высокого забора и затормозил около современной одноэтажной виллы с плоской крышей. Из-за огромных окон она походила на стеклянный куб.

Лида вышла и огляделась. Садовые фонари освещали деревья и цветущие кусты. После перелета, аэропорта и трассы было оглушающе тихо. Прогретый воздух пах иначе, чем дома. Возможно, растениями. Местность была холмистая, и к дому, стоящему на пригорке, вели ступени. Здание утопало в зелени.

Свет горел. Эйдан поднес чемодан к двери и позвонил. Лида поправила волосы, ожидая увидеть Андерса, но открыла полная невысокая женщина в переднике.

– Вы Лидия? Проходите, добро пожаловать, – сказала она с акцентом. – Меня зовут Глория.

– Очень приятно.

Лида прошла в гостиную. Во всем был виден скандинавский вкус Андерса: стеклянные стены, деревянный пол и простая лаконичная мебель. Ничего лишнего. Все было в одном: и гостиная, и кухня, и столовая. Длинный обеденный стол с авангардными красными стульями, на котором стояла черная миска с фруктами. И какая-то абстрактная картина.

Вспомнив про водителя, Лида полезла в сумку за кошельком, но Эйдан сказал, что ему уже заплатили, и ушел.

– Мистер Норберг попросил дождаться вас, – сказала Глория. – Он на съемках и вернется только утром. Вы же понимаете, про вампиров снимают ночью.

Лида улыбнулась. У Глории была очень живая и заразительная мимика.

– Пойдемте, я вас провожу, – Глория подхватила чемодан и покатила за собой, не переставая болтать. – Я помогаю мистеру Норбергу по хозяйству. Убираюсь два раза в неделю, иногда готовлю. Вот, здесь ваша спальня.

В просторной светлой комнате стояла большая кровать с кучей подушек всех оттенков синего. Массивное деревянное изголовье, туалетный столик в форме буквы «П», зеркало. На окнах во всю стену висели жалюзи.

– Вот шкаф, – Глория указала на скрытые в углу дверцы, – а там – ванная.

Ванная была отделена от спальни раздвижными дверями из матового стекла. Стекло, дерево и металл были, видимо, любимыми материалами архитектора. Все было таким сияющим и чистым, что казалось новым. Либо этой ванной не пользовались, либо Глория была мастером своего дела.

Все поверхности отражали свет. Чаша ванны утопала в мраморном основании. Еще там стояли душевая кабина, раковина и туалет. Примерно такого размера были комнаты в московской квартире Лиды.

– Вы можете располагаться, а я разогрею ужин. Я редко готовлю для мистера Норберга, но он попросил сделать для вас исключение и обязательно проследить, чтобы вы поели.

– Спасибо, Глория. Это очень мило с вашей стороны.

– Вам нужно достаточно питаться в вашем... положении, – Глория указала взглядом на живот Лиды.

Он и правда стал округляться в последние недели, но Лиде казалось,

что свободная блузка хорошо его скрывает.

– У меня трое детей, – доверительно сообщила Глория и подмигнула. – Я такие вещи определяю с первого взгляда.

Лида не могла не улыбнуться в ответ.

– Вы очень проницательны.

Довольная собой, Глория удалилась на кухню, пока Лида наскоро приняла душ и переоделась в легкий сарафан. Расчесав влажные волосы, Лида отправилась в гостиную.

Глория подала на стол свежие лепешки, острое мясное жаркое с овощами и свежий салат.

– Очень вкусно, – сказала Лида, смакуя соус. – Восхитительно.

Только сев за стол она осознала, насколько голодна. Глория кивнула.

– Вы не хотите тоже поесть? Там хватит на вторую порцию? – Лида посмотрела в сторону плиты.

– Я приготовила много, привыкла кормить большую семью, – Глория вытерла руки и сняла передник. – Но уже поздно, и мне пора возвращаться. Я прихожу по вторникам и пятницам, поэтому мы скоро увидимся.

– Я была рада с вами познакомиться. Боже, Глория, как же это вкусно!

– Если захотите, в следующий раз я дам вам рецепт. Он у нас семейный. Мистер Норберг тоже любит это блюдо.

– Буду ждать. Хотя сомневаюсь, что у меня получится так же хорошо.

– Ничего сложного, – Глория махнула рукой, но выглядела польщенной. – В холодильнике есть замороженный йогурт и чизкейк, соки и вино. Здесь кофеварка, чайник, в этом шкафу посуда, а здесь – сухие завтраки.

– Спасибо.

– И мистер Норберг оставил для вас записку, – Глория извлекла из ящика стола бумажку.

Лида пробежалась по ней глазами. Почерк у Андерса был довольно корявый. Он написал код от сигнализации и пароль от вай-фай, просил выйти в Интернет и связаться с ним.

Когда Глория ушла, Лида отрезала себе кусочек свежего шоколадного чизкейка, вымыла посуду и прошла по дому. Она не удержалась от искушения и заглянула в спальню Андерса. Она была немного больше ее собственной, но обстановка была почти такой же. Разве что кровать была покрыта черным атласным покрывалом. Лида прижала к себе одну из подушек, надеясь тайком уловить частичку его запаха, но белье пахло только кондиционером. Наверное, Глория только перестелила постель. В ванной стояло роскошное джакузи. Лида решила, что если когда-нибудь

будет богатой, то обязательно заведет себе такое.

Рядом со спальней была дверь в кабинет. Вдоль стен стояли шкафы для книг, которые наполовину пустовали. Видимо, Андерс еще не успел обзавестись библиотекой из-за вечных разъездов. Он сам рассказывал, что в последние годы бывал в Лос-Анджелесе только месяцы, когда шли съемки сериала. А в свободное время мотался то домой, в Стокгольм, то в Нью-Йорк или туда, где шла работа над очередным фильмом. Он и дом-то купил всего пару лет назад, а до этого, по его собственным словам, скитался, как цыган.

Лида аккуратно прикрыла за собой дверь, чувствуя себя женой Синеи Бороды. Она выключила в гостиной свет, полюбовавшись через стеклянные стены ночным небом и новыми созвездиями, и вернулась к себе в спальню. По местному времени уже перевалило за полночь, но она все же достала телефон и написала Андерсу, что у нее все хорошо и она ложится спать. Минут десять она ждала ответа, но Норберг молчал, и Лида погрузилась в сон.

Когда она проснулась, было уже светло. Лида приоткрыла жалюзи и поняла, почему архитектор сделал стены из стекла. Все кругом утопало в буйной зелени. Кроны деревьев разных форм и оттенков были похожи на экзотический лес. Вдали в голубоватой дымке виднелись вершины гор.

Лида сладко потянулась, приняла душ и накинула сарафан. Гостиная была залита светом и открывала вид, от которого захватывало дух. Лида находилась в состоянии эйфории. Ей ужасно хотелось поделиться с кем-нибудь новыми впечатлениями. Она заглянула в холодильник и достала пару фруктов и кусочек чизкейка. Впервые за долгое время утро принесло ей радость.

Потом Лида заметила на диване джинсовую куртку и поняла, что Андерс дома. На цыпочках Лида подошла к дверям в его комнату и заглянула. Он спал на животе, как тогда, в гостинице. Волосы были зачесаны назад, как у сериального героя, и Лида поняла, что Андерс даже не успел принять душ после съемок. Одежда небрежно висела на стуле.

Лида не могла себе отказать в удовольствии поглядеть на спящего Андерса. Грозный вампир с экрана теперь по-мальчишески сопел и обнимал подушку. Одеяло сползло, и Лида залюбовалась широкой мускулистой спиной. Подушечки пальцев зудели от желания снова ощутить прикосновение к горячей загорелой коже. Но воспоминания ударили ее словно электрошоком. Все, к чему привела ее физическая слабость в прошлый раз, нахлынуло разом, и Лида невольно отшатнулась. Теперь желание к Андерсу ассоциировалось у нее с тяжелыми последствиями,

одиноким и болью потери. Как грех, за который она понесла наказание.

Лида прикрыла дверь и вернулась в гостиную. Андерс мог проспять целый день, и она была предоставлена самой себе. Раздвижные двери вели из гостиной на открытую террасу, Лида взяла компьютер и села поработать на открытом воздухе. В последний месяц она бралась только за статьи для строительной фирмы, чтобы не потерять постоянный заработок, но теперь, когда с документами и переездом было покончено, Лида решила набрать побольше левых заказов. На солнце было лениво, а подушки в плетеных креслах уютно обнимали поясницу, но Лида написала-таки три небольших текста. Потом поболтала по скайпу с Андреем – после смерти деда они периодически выходили на связь.

Андерс спал. Лида послонялась по дому, поела тушеного мяса и фруктов, развесила вещи в шкаф. Небо стало розоветь, и Лида снова устроилась на террасе с кружкой горячего травяного чая, укутавшись в толстовку. Пышные деревья и цветущие кустарники наполняли вечерний воздух пряными ароматами. Москва осталась где-то далеко-далеко, в другой жизни, и Лиде представлялось, что она попала в необыкновенную тропическую страну.

– Привет! Я хотел встать раньше, но забыл поставить будильник, – в дверях появился Андерс. Он выглядел заспанным, хотя явно принял душ. Вода капала с мокрых волос на футболку.

– Привет, – Лида улыбнулась.

Он нагнулся и привычно поцеловал ее в щеку. От него пахло зубной пастой и шампунем.

– Тебе нравится здесь? – Андерс присел в соседнее кресло.

– Да, очень красиво.

– Меня подкупили стеклянные стены. И этот вид.

– Такое чувство, что я где-то в джунглях.

– На самом деле здесь много вилл, но они так расположены, что хозяева почти не видят друг друга.

– Ты, наверное, голодный! Глория оставила такого вкусного мяса! Хочешь, я разогрею?

– Мне скоро уходить, я просто выпью кофе.

– Опять? – расстроилась Лида.

– Ты хотела провести время вместе? – рот Андерса растянулся в самодовольной улыбке.

– Ничего подобного. Просто я даже не могу отсюда выйти: у меня нет ключей, карты, и охране на въезде, наверное, нужен пропуск.

– Прости, я совсем забыл. Я завтра все тебе объясню. Я попрошу

приехать моего адвоката, он отвезет тебя оформить пропуск и страховку. У тебя есть международные водительские права?

– Да, я много путешествовала по работе.

– Тогда мой адвокат поможет тебе взять машину напрокат. Отсюда пешком почти никуда не добраться.

– Хорошо. Я хочу посмотреть город. Первый раз в Америке, а я сижу взаперти.

– Слушай, я бы с удовольствием показал тебе свои любимые места. Но съемки еще две недели.

– Без проблем, – Лида встала, чтобы зайти внутрь.

– Лидия... – Андерс тоже поднялся и подошел к ней вплотную. – Я так давно тебя не видел!

Он обнял ее, но тут же отстранился.

– Твой живот... Он уже?..

– Да, немного вырос. Глория сразу заметила.

– Можно я?..

– Конечно.

Лида подняла толстовку, и Андерс положил руку на ее небольшой округлый животик. Через тонкую ткань сарафана Лида чувствовала тепло его ладони.

– А он уже шевелится?

– Еще рано. В Интернете написано, что в первую беременность женщина чувствует шевеления только в двадцать недель.

– А у тебя сколько?

– Семнадцать.

– Уже скоро, – Андерс завороченно смотрел на свою руку и нежно гладил живот Лиды.

Ей было мало этого прикосновения, хотелось прижаться к нему всем телом, но она просто стояла в каком-то оцепенении. Андерс убрал руку и вздохнул.

– Посидишь со мной, пока я поем? – спросил он.

Лида кивнула.

– Там на журнальном столике есть несколько меню. Я обычно заказываю еду на дом. Я уже не успею, но ты закажи себе что-нибудь на свой вкус. Холодильник почти пустой.

– Хорошо.

– Тебе сварить кофе?

– Я стараюсь его не пить, это вредно беременным. Я нашла у тебя чайные пакетики, если ты не против.

– Бери все, что захочешь. В той комнате есть телевизор и диски с фильмами. И книги.

– Спасибо, я найду, чем себя развлечь. У меня есть с собой работа.

Андерс удивленно поднял брови.

– Я пишу статьи, я же тебе говорила.

– Понятно. Да, тебе же нужен телефон... Я попрошу юриста завтра привезти тебе новую сим-карту. Его зовут Дональд Экерз. Не забудь выйти в скайп, я тебе напишу, во сколько он завтра придет.

– А разве ты утром не вернешься?

– Вернусь, но я еще не знаю, когда. Может, я буду слишком поздно. Или рано. В общем, пока ты будешь спать. Не обращай внимания. Так что завтра у тебя насыщенный день.

Лида скрыла разочарование от мысли, что почти не побудет с Андерсом, и широко улыбнулась.

– Спасибо тебе за хлопоты!

– Никаких проблем, – Андерс сверкнул идеальными зубами.

Он наспех выпил кофе с сэндвичем, облачился в джинсы, мятую футболку и кепку и исчез за дверью, снова оставив Лиду в досадном одиночестве.

Глава 18

Мистер Экерз был невысоким брюнетом лет за сорок. За время поездки по разным присутственным местам Лида убедилась, что жители Лос-Анджелеса поголовно стремились к идеальной внешности. Мистер Экерз исключением не был: его зубы можно было фотографировать для рекламы дантиста, а под дорогим костюмом угадывалась подтянутая фигура. Конечно, элитная одежда была привычна Лиде по работе в «Богеме», но американцы отличались еще и журнальной улыбкой.

То ли благодаря присутствию адвоката, то ли из-за системы в целом, но все документы Лида получала на руки очень быстро. Окошек, номерков, клерков и посетителей было море, и поначалу ей казалось, что в этих приемных пройдет весь день, но адвокат со знанием дела лавировал по коридорам до победного конца. Лиде было с чем сравнивать: последний месяц она потратила на оформление наследства и виз в России.

На обратном пути Дональд Экерз завез ее в прокат автомобилей, и она выбрала надежный темно-синий седан среднего класса. Несколько дней назад ей перевели задаток за квартиру, и она вполне могла позволить себе прокат, но Экерз был непреклонен: мистер Норберг велел оплатить машину. В любой другой день Лида обязательно стала бы препираться из чувства собственного достоинства, но она еще немного злилась на Андерса за то, что он где-то мотался и избегал ее, поэтому позволила Экерзу внести деньги.

Поначалу Лиде было непривычно сидеть за рулем нового авто, тем более на незнакомых трассах. Но Экерз понимал ситуацию и ехал впереди нее на небольшой скорости, поэтому Лида быстро освоилась.

По сравнению с европейскими городами Лос-Анджелес был массивен. Совершенно другие масштабы: просторные полосы дорог, большие расстояния между домами и широкий обзор. Конечно, в Европе Лида посещала в основном исторические места, мощеные улочки, где старые дома уютно лепились друг другу. Лос-Анджелес был лишен этого шарма, хотя имел собственное обаяние, сложенное из ухоженных новых зданий, блеска витрин и теплого южного духа.

Дом Норберга располагался в престижном районе Лос-Фелис, и по дороге к нему был указатель на Гриффит-Парк. После того, как Экерз проводил Лиду до виллы и уехал, она установила в телефоне карту Лос-Анджелеса, прочитала про обсерваторию Гриффит и отправилась на

прогулку.

Парк был огромен. Лида не спеша слонялась по ухоженным дорожкам и даже встретила на одной из них известную актрису с собачкой. Потом перекусила и пошла к обсерватории, которая своим величием и сферическими крышами походила на восточный сказочный дворец. Оттуда открывался захватывающий вид, на фоне которого активно фотографировались туристы. Когда Лида, наполненная новыми впечатлениями, вышла из обсерватории, только светлая полоска у горизонта напоминала о прошедшем дне. Город мерцал тысячами огней.

Лида почувствовала, что проголодалась, и по пути заехала в мексиканскую закусочную. При походах в магазин Лида всегда руководствовалась правилом сытого желудка: с пустым она накупала кучу лишнего. Так случилось и теперь. Из-за сочетания пряных ароматов и новых названий Лида заказала чересчур много. В итоге она лишь смогла попробовать каждого блюда понемногу, и все они оставили у нее во рту дразнящий жар.

Насытившись, Лида вернулась в автомобиль, но обнаружила, что телефон с картой сел. Она попыталась доехать по памяти, но пару раз свернула не туда и оказалась в незнакомом районе. Какое-то время она кружила по городу, пока не сообразила найти сначала Гриффит-Парк, а уже оттуда было рукой подать до Лос-Фелис.

Когда она зашла в дом, почти наступила полночь. Свет не горел. Либо Андерс так и не приходил, либо уже снова исчез на съемках. Лида ополоснулась и забралась в свою просторную уютную постель, которая так нежно обволакивала кожу своими прохладными сатиновыми объятиями.

Разбудили ее яркий свет и голос Андерса.

– Лидия! Господи!.. – дальше следовали какие-то шведские ругательства.

Андерс стоял у стены-окна и открывал жалюзи.

– Твою мать, Норберг, отвали, – по-русски сказала Лида и уткнулась лицом в подушку.

– Что? – переспросил Андерс.

– Дай поспать, говорю, – она перешла на английский.

– Где ты вчера была? И прикройся ради всего святого, я не могу с тобой разговаривать, когда ты в таком виде!

– Что? – в свою очередь переспросила Лида.

А потом вспомнила, что вчера после душа легла спать голой. Ночью было жарко, и одеяло служило ей скорее для обнимания, чем для укрывания. От этой мысли Лида проснулась окончательно и тут же

натянула одеяло до подбородка.

– Извини, я не думала, что ты придешь сюда...

Андерс какое-то время смотрел на нее остекленевшим взглядом, потом несколько раз моргнул и продолжил.

– Где... – он прочистил горло, – где ты была вчера весь день?

– Ты же сам попросил мистера Экерза...

– После вашей встречи! Я звонил тебе весь вечер и даже ночью, звонил домой, и Дональд сказал, что довез тебя...

– Телефон... – протянула Лида и поморщилась. – У меня вчера разрядился телефон. Кажется, я забыла включить его в сеть, когда вернулась.

– И где...

– В Гриффит-Парке. Я была в парке и в обсерватории, потом ужинала. Я гу-ля-ла. И почему ты спрашиваешь? – Лида перешла в наступление. – Ты сам ушел и не сказал, когда вернешься. И это ты говорил, что не сможешь показать мне город.

– Просто ты беременная, и ты впервые в Лос-Анджелесе...

– Ты волновался... – довольно констатировала Лида.

– Но ты же беременна!

– Ты волновался, – почти пропела она и потянулась. – И ты не можешь со мной говорить, когда я в таком виде...

– Перестань.

Лида засмеялась и накрылась одеялом с головой.

– Глупая женщина.

Она выглянула и показала ему язык.

– Считаю до трех и вылезаяю.

– Не будь ты беременна, я бы тебе показал!

– Один... – Лида высунула ногу и помахала ей в воздухе.

– Кого ты хочешь напугать? Ты забыла, где я снимаюсь?

– Два... – вторая нога взмыла вверх.

Андерс закатил глаза и вышел, захлопнув за собой дверь.

– Слабак! – дразнящее крикнула она вслед. – И – три!

Она расхохоталась, потому что в гостиной что-то гроыхнуло.

Было всего семь утра, но спать больше не хотелось. Лида залезла в душ, напевая под нос что-то легкомысленное, накинула сарафан и босиком вышла в гостиную. Андерс сидел за барной стойкой и с аппетитом поглощал бургер.

– Будешь? – с набитым ртом спросил он. – Я взял два.

Лида уселась напротив и тоже взяла бургер. Он был пышный и

сочный, в Москве она таких не пробовала.

– Все никак не пойму, куда у тебя девается весь фастфуд. Вампир должен быть худым и устрашающим.

– Между прочим, я вчера два часа потел в спортзале, – Андерс поиграл бицепсом.

– О, ты прекрасен! А у меня виден каждый гамбургер, – Лида откинулась, демонстрируя круглый живот.

Андерс засмеялся.

Лида заметила у него на шее переход от светлой кожи к загару.

– Ты даже грим не смыл?

– И все из-за тебя! Торопился домой.

– Да, прости. Надо будет включить телефон.

Столько раз Лида видела на экране этого сексуального вампира, столько беспокойных снов ей принес этот образ, что теперь было чертовски странно видеть, как он сидит напротив и задумчиво пережевывает завтрак. Лида не стала озвучивать эту мысль, чтобы не выглядеть одной из множества чокнутых фанаток.

– Сегодня меня опять подкараулили около съемочной площадки, – сообщил Андерс. – Есть группа фанатов. Они узнали, где мы снимаемся, и часто ждут нас там. Не знаю, зачем им столько автографов и фотографий. На продажу, что ли.

– Откажи им.

– Это невежливо, – он пожал плечами. – Люди ждали, а мне не сложно. И я не хочу зазнаваться и строить из себя звезду. Хотя все это очень раздражает.

– Наверное, это девочки-подростки? Обычно они идут на безумства ради кумиров.

– Нет. Сериал ведь только для взрослых. В основном, конечно, приходят молодые девушки. Они верещат и шепчут неприличные вещи.

Лида почувствовала прилив раздражения.

– Ты удивишься, но среди них есть одна женщина далеко за тридцать. Классическая домохозяйка.

– Она тоже шепчет неприличные вещи?

– Нет. Но прижимается ко мне, когда мы фотографируемся.

– Господи, какой ужас! Теперь я не понимаю, зачем тебе...

– Лидия, это ведь мелочи. И то, что незнакомые люди просят меня их укусить, и эти пошлости, и тонны писем, которые получают мои агенты... Это небольшая цена за интересную работу.

– А папарацци?

– И это тоже, – Андерс вздохнул. – В конце концов, я всегда могу вернуться в Стокгольм и побыть в тишине.

– Я бывала на звездных мероприятиях на прошлой работе. Но это такая фальшь, такое самомнение и тщеславие... Знаешь, до встречи с тобой я думала, что знаменитости и папарацци достойны друг друга. Они образуют симбиоз, как большие рыбы и моллюски, которые живут у них во рту.

– Лидия, я же ем!

– Какой ты впечатлительный! – она откусила большой кусок.

– То есть ты невысокого мнения об актерах?

– Не знаю. Скорее, я невысокого мнения о тех, кто высокого мнения о себе.

– По-твоему, все должны быть закомплексованными?

– Не перевирай мои слова. Это две крайности. Я знаю, что люди много работают, чтобы подняться на вершину. Плюс талант, обаяние, внешность. Но это не дает им права считать себя лучше других.

– Разве я такой?

– Нет. Не знаю. Просто во всей этой истории с фанатами, автографами и журналистами есть какая-то... снисходительность.

– Вот как? И что я должен делать? Не выходить на публику? Всем отказывать? Отрастить пивной живот, чтобы моя физическая форма не оскорбляла чужих чувств?

– Но ведь ты демонстрируешь голый зад миллионам, и не говори, что тебе это не нравится!

– Ты видишь в моих работах только голый зад?

– Почему, есть еще и скульптурный торс! И нечего после этого жаловаться на фанаток!

– Я снялся в десятках фильмах. И в некоторых играл совершенно не сексуальных персонажей. Это было глубокое, серьезное кино. Работа для души. Но меня взяли в интересный, неформатный сериал по кассовому каналу с огромной зрительской аудиторией. И хорошими, заметь, гонорарами. Такой шанс выпадает один на миллион. И мне надо было отказаться только из-за голого зада? Да мне вообще плевать, есть там обнаженные сцены или нет!

– Чего ты кричишь?!

– Потому что ты ставишь меня в один ряд с тупоголовыми нарциссами!

– Я не считаю тебя нарциссом! Я сказала, что такие бывают. Какая разница, что я думаю?

– Я не хочу, чтобы ты внушала моему сыну, что я самовлюбленный придурок!

Андерс резко встал и размашистыми шагами подошел к дивану.

– А я не хочу, чтобы моего сына окружали папарацци и озабоченные фанатки его отца! Чтобы он считал, что это нормально, когда вокруг трутся сотни незнакомых женщин!

– Может, стоило подумать об этом, когда ты сама терлась об меня?!

– Пошел ты к черту, Норберг! – Лида встала и направилась в свою комнату. – И чтобы ты знал: не прошло и минуты, чтобы я не жалела о той ночи!

Она с силой захлопнула дверь и услышала, как в ответ хлопнула дверь Андерса.

Ее колотило от гнева. А ведь Виталик предупреждал, – хотя она прекрасно понимала сама, – что Андерс из другого мира. Он публичный человек, а это диагноз. Публичные люди должны возложить на жертвенный алтарь семью, личную жизнь, близких людей. А она не собиралась становиться жертвой. И тем более жертвовать ребенком.

Лида металась по комнате, пытаясь избавиться от яростной дымки в голове. Но замкнутое пространство выводило ее из себя еще больше. Она не помнила, когда так бесилась в последний раз. Лида привыкла считать себя флегматиком.

Бег. Кроссы в спортшколе всегда как следует прочищали мозги. После пары километров слышишь только ритмичный шорох подошв и собственное дыхание. Минута-другая на переодевание, и Лида вырुливалась из гаража в направлении Гриффит-Парка.

Вернуться в Россию?.. Глупо. Остаться? Нужно жилье. Две спальни. Хотя бы одну поначалу. У Андерса она не возьмет ни копейки. Хочет быть папой – пусть оплатит частную школу или колледж. И машину, надо вернуть машину. Не прямо сейчас, пока не возьмет другую... Жилье. Московская квартира дает почти полторы тысячи долларов в месяц. Сколько стоит здесь – неизвестно, но не обязательно ведь Лос-Анджелес. Это дорогой город. Есть и уютные северные штаты. Подальше от папарацци. И от него. Миннесота, кажется. Надо посмотреть, сегодня же. Потом удаленная работа. Если поднапрячься – тысячи полторы. Ну, семьсот-восемьсот точно. Жить можно. А после родов можно поискать работу здесь.

Дыхание стало сбиваться, и Лида остановилась. Раньше она бы пробежала больше. Она отдышалась и медленно побрела назад. Икры с непривычки гудели. Собственная слабость вызвала у нее смесь досады и

презрения к себе. Она вытерла пот со лба и ломанулась вперед, изо всех сил отталкиваясь ногами от земли.

– Лидия! ЛИДИЯ!!!

Она узнала голос Андерса, но не обернулась. От обиды жгло глаза.

– Стой! – он поравнялся с ней, ухватил за локоть и заставил остановиться.

– Отпусти, мне больно!

– Прости.

Она стояла и тяжело дышала.

– Я весь парк обегал, пока тебя нашел.

– Откуда... Откуда ты знал, что я здесь?

– Твоя машина припаркована у входа. Ты в своем уме? Ты хочешь потерять ребенка?

– Небольшая пробежка.

– Ты носилась, как чокнутая! Я еле тебя догнал! Слушай, извини, что кричал на тебя.

– Мне плевать.

– Это моя больная тема. Я тоже ненавижу зазнаек и не хочу, чтобы меня считали таким. Чтобы ты считала меня таким.

– А я и не считаю.

Он подвел ее к скамейке.

– Я знаю. Ты правда жалеешь, о том, что переспала со мной?

– Да. Но не потому, что ты думаешь, – поспешила добавить она, увидев, как он изменился в лице. – Я люблю этого ребенка, но из-за своего безрассудства я потеряла деда.

– Что? Почему?

– Не совсем из-за этого... Но если бы я не забеременела, он бы не переживал. И меня бы не уволили. А теперь на мне клеймо девицы, которая раздвигает ноги перед знаменитостями ради алиментов.

– Но это же не так!

– А кто в это поверит? Меня всегда будут считать хищной стервой.

– Я же дал интервью, что мы встречались. Ты – журналистка и ни в каких других скандалах не замешана. И какая разница, что говорят и пишут другие?

– Андерс, это такая грязь! Я до сих пор не могу прийти в себя. Наверное, мне стоило принять предложение бывшего.

– Он сделал тебе предложение?

– Да. Хотя знал, что это не его ребенок. Он был готов дать мне семью и спокойную жизнь. Но я отказалась.

– Почему?

– Потому что я решила, что никогда не буду с человеком, которого не люблю.

Андерс молча разглядывал асфальт.

– Мы слишком разные, Андерс. Жить у тебя было глупой затеей. Между нами ничего нет, а ребенок... Ребенку будет лучше, если мы сможем сохранить хотя бы дружеские отношения. А тебе будет лучше встречаться с актрисой, которая привыкла к вспышкам и сплетням.

– Лидия, все люди разные. Давай не будем торопиться. Может, что-то получится. Я хочу видеть, как растет мой сын. Останься на месяц, потом мне, возможно, надо будет ехать в Нью-Йорк, и тогда мы все обдумаем. Глупо принимать решение через два дня из-за дурацкой ссоры.

Она пожала плечами.

– Мы ничего не теряем, – сказал он. – Скоро закончатся съемки, и мы займемся нашими проблемами.

– Хорошо.

– Поехали домой. Мне осталось спать всего два часа. А тебе срочно нужен душ.

– О, да ты джентльмен, – фыркнула Лида.

– Иди, иди, – он легонько шлепнул ее по заду. – На сегодня достаточно ссор.

Глава 19

Через пару дней Андерс появился дома весь в крови. Она запеклась на волосах, лице и шее, но футболка была абсолютно чистой. И Лида с облегчением поняла, что это грим. Она как раз завтракала, но теперь кусок тоста намертво застрял у нее в горле, и аппетит пропал начисто. Андерс заметил ее состояние и развел руками.

– На съемочной площадке какие-то неполадки с бойлером. Я решил не ждать и помыться дома.

– Снимали страшную сцену?

– Как обычно. Мне пришлось вырвать сердце одному бедолаге. Тебе повезло, что я успел вымыть руки, чтобы не испачкать машину.

Он принял душ и снова предстал перед Лидой загорелым и свежим. Достал себе из холодильника продукты и начал сооружать сэндвич. Она смотрела, как с его влажных волос по шее стекают капли, как играют под одеждой мускулы, как длинные крепкие пальцы рвут листья салата... Прерывисто вздохнула и отвернулась. Беременные гормоны ее доконали.

– Почему ты вздыхаешь? – удивился Андерс. – Что-то не так?

– Я... Я просто подумала... Знаешь, ваши съемки... Я ведь ни разу не видела, как снимают кино.

– А тебе это интересно?

– Шутишь?! Я помню, как-то в Москве видела, как улицу перегородили для какого-то фильма. Кругом фургоны, прожекторы, провода... О, как же мне хотелось попасть туда и посмотреть! А здесь, в Лос-Анджелесе, в настоящих съемочных павильонах... Вампиры, «Мертвая кровь»... Да это же просто мечта!

– Правда? А почему ты раньше не сказала?

– Не хотела выглядеть глупо. А потом я думала, вам нельзя приводить посторонних. И если честно... Я не хотела, чтобы ты решил, что я одна из фанаток.

– А ты моя фанатка? – он довольно заулыбался.

– Вот! Именно поэтому!

Андерс рассмеялся.

– Если хочешь, я возьму тебя с собой сегодня вечером. Но предупреждаю: это будет долго и нудно. Мы поедем на моей машине, поэтому тебе придется дожидаться, пока я не освобожусь.

– Правда? Андерс, я попаду на съемки?! О Боже! – она подскочила к

нему и крепко обняла. – Я буду вести себя очень тихо! Если хочешь, можешь меня там забыть. Я уже не хочу уходить оттуда.

Он похлопал ее по спине и отстранил от себя.

– Лидия, пожалуйста. Я не хочу снова замерзнуть под холодным душем.

Она подняла голову и встретилась с ним взглядом. Он вдруг стал очень серьезным.

– Ладно, не буду тебя смущать. Пойду поработаю.

– Хорошая идея. Будь готова к восьми.

Она кивнула и пошла за ноутбуком. Она не знала, что радует ее сильнее: предстоящие съемки «Мертвой крови» или то, что Андерс так реагирует на нее. Вечером, без четверти восемь, облачившись в черные джинсы и просторную рубашку, чтобы скрыть живот, она нетерпеливо ждала его в гостиной.

Увидев ее, Андерс улыбнулся и закатил глаза. Лида понимала, что похожа на собачонку, которую целый день не выводили на улицу, но ничего не могла с собой поделать. Поэтому просто молча последовала за ним в гараж и поскорее уселась на пассажирское сиденье.

Ей вдруг пришло в голову, что она впервые села в его серебристый Porsche. Будучи истинным шведом, Андерс проявлял завидное равнодушие к материальному миру. Он спокойно относился к одежде, дорогим часам, окружающей обстановке. Даже, пожалуй, презирал излишнюю вычурность и роскошь. Но машина была его слабым местом.

Лида слышала, что мужчины часто относятся к своим автомобилям с особым трепетом. И не понимала, почему. Да, у нее тоже была машина. Обычная рабочая лошадка. Иногда она ругалась с ней, когда та ворчала или барахлила. Но никакого восторга. Обоих все устраивало, и Лида не жаждала пересест в мощного многолошадного монстра. Андерс же свой табун под капотом нежно любил. Во-первых, в гараже у него был целый стеллаж со всякими автомобильными притирками. Не у каждой женщины есть столько средств для ухода за собой. Во-вторых, Porsche всегда выглядел идеально. словно только-только из салона. Лида садилась за руль не каждый день, но ее прокатная машина уже изрядно запылилась. Как Норберг умудрялся сохранять свою машину в таком девственном виде, если он постоянно на ней разъезжал, оставалось для Лиды загадкой.

И теперь она заметила, как он мимолетным движением погладил руль, прежде чем включить зажигание. Потом раздалось низкое урчание мотора, и он удовлетворенно откинулся на мягкое кожаное сиденье. Мужчина и его Porsche. Лида поняла, что никогда не сможет встать между ними. Для

Норберга это был не вопрос щегольства, это была какая-то глубокая внутренняя потребность, мечта родом из детства. Союз, гармония. Симбиоз.

– Андерс, пожалуйста, пообещай, что не будешь сильно гонять, – сказала Лида, увидев цифры на спидометре.

– Волнуешься за меня? – он улыбнулся и гордо взглянул на приборную панель. – Она чувствует скорость. И у нее потрясающая система безопасности. Я как-то тестировал ее на горной дороге...

И еще около получаса Лида слушала оду серебрястому зверю.

На территории студии восторг накрыл ее жаркой волной. В ней трепетала каждая клеточка, как у ребенка, который впервые попал в огромный магазин игрушек. Впервые Лида позволила себе такой выброс положительных эмоций. Она оглядывала огромные темные ангары, настоящие складные черные стульчики с именами и тонны аппаратуры. И декорации. Те самые, что она видела в сериале. На фоне которых когда-то возник тысячелетний вампир в исполнении Андерса Норберга. Наверное, для него их первая встреча произошла на кинопремьере, но для нее, Лиды, это было той ночью в ее комнате, когда она смотрела на ноутбуке завораживающие, откровенные кадры.

– А где Билл Уинтерс? И главная героиня? Ее же играет Эмма Торнвуд?

– Они сегодня снимаются в другом павильоне, – раздраженно ответил Андерс. – Не можешь забыть старину Билла?

– Норберг, это было просто интервью.

– Извини. Просто он постоянно меня подкалывает из-за тебя.

– Ты поэтому меня взял в тот день, когда он работает не с тобой?

– Лидия, перестань искать подтекст. Мне пора на грим. Ты пойдешь?

– Да, конечно.

Она проследовала за ним. Он представил ее своей гримерше, Бетти, полной невысокой женщине за сорок. Лида ощутила внутри некоторое облегчение: она боялась, что на студии с ним работают сплошь красотки.

Андерс уселся в кресло перед зеркалом, и Бетти приступила к работе. Глядя на вампира на экране, Лида думала, что там и гримировать-то нечего. Запудрил лицо, и готово. Но Бетти возилась уже минут двадцать, и было совершенно не похоже, что она заканчивает. Андерс по-дружески болтал с ней, интересуясь успехами двух ее сыновей. Лида узнала больше, чем хотела, о том, как Майкл выбирает колледж, а Рон отбил от рук, и директор школы грозит на неделю отстранить его от занятий.

– А кто же будет гримировать других актеров? – спросила Лида, когда

поток историй Бетти иссяк.

– О, не волнуйтесь, у нас только в этом павильоне пять гримеров, – Бетти колдовала над его шеей.

В открытую дверь постучали, и в проеме возник худощавый парень с беспроводной гарнитурой на ухе.

– Андерс, Бетти, сегодня начинаем со сцены в подвале.

– Окей!

И парень исчез. А Норберг тут же стянул футболку.

– Да, тут работы часа на два, – протянула Бетти.

– А что такое? – Лида удивленно переводила взгляд с одного на другого.

– Там постельная сцена, – сказал Андерс. – Я не хотел, чтобы ты это видела, но я ничего не решаю.

– Ты же сказал, что Эмма Торнвуд сегодня работает в другом павильоне?

Бетти фыркнула.

– Мой герой не отличается верностью, – улыбнулся Андерс. – Там будет другая девушка.

– А что, сцена сильно откровенная? – спросила Лида, стараясь не показывать своего волнения.

– Ага. Обнаженка, – беззаботно отозвался Норберг.

– И теперь тебя надо загримировать целиком?!

– А как ты думала? Ну, кроме задницы, она у меня и так достаточно бледная для вампира.

Бетти снова засмеялась. Конечно, это ведь ей предстояло сантиметр за сантиметром покрывать гримом тело Андерса Норберга. Лида почувствовала, как у нее стремительно портится настроение.

– Слушай, а можно я пока осмотрю площадку?

– Что, боишься? – игриво спросил Андерс, расстегивая ремень. – Иди, только повесь на шею карточку посетителя, чтобы тебя не остановили. И не выходи из павильона, не хочешь потом искать тебя по всей студии. Темно все-таки.

– Мне нечего бояться, мистер Норберг. После того интервью мне совершенно нечего бояться, – Лида вышла, закрыв за собой эту треклятую дверь.

На съемочной площадке заканчивали с декорациями подвала. Лида уже видела это место в сериале. Здесь герой Норберга обычно держал пленных и проводил пытки в одиночку или со своей кровожадной помощницей. Теперь не было ни крови, ни страшных орудий, зато

посередине стояла огромная кровать с резными спинками. И к ней были прикованы железные цепи с кандалами. Это обещала быть не просто откровенная сцена. Лида не считала себя ханжой и до этого смотрела «Мертвую кровь» с удовольствием. Но теперь, вынашивая его ребенка, ее коробила мысль о том, что он здесь и сейчас, живой, не экранный, будет вытворять.

К счастью, ассистенты выкатили длинные столики с закусками. И надо признать, кормили этих голливудских развратников по-королевски! Лида внимательно изучила ассортимент и пришла к выводу, что с этим вполне можно было бы открыть целое кафе. Она не была уверена, что имеет право брать еду киношников, но кто посмеет отказать беременной женщине? И она взяла огромный пончик в шоколадной глазури. Пусть Андерс завидует: ведь с его гримом пачкаться нельзя.

Поедая лакомство Лида продолжила свое путешествие по павильону. Оказалось, что там несколько помещений: и вампирский бар, и несколько жилых комнат разных героев. В фильме они казались большими, но здесь терялись в масштабах гигантского павильона. Лида как будто попала в кукольный домик, который она в детстве делала из коробки. Все стены были маленькими и фальшивыми, безо всякого потолка, а над ними зияла черная пустота. Даже фрукты, цветы и выпечка в чьей-то сценической кухне были фальшивыми.

С одной из площадок расходились люди, видимо, только закончились съемки. К делу приступала бригада уборщиц. По сюжету кого-то выкинули через окно: оно было разбито, а на полу валялись осколки. Каково же было удивление Лиды, когда женщина в униформе стала собирать их голыми руками! Более того, осколки были мягкими. Она осторожно подошла и взяла с пола один. Он был сделан из какой-то штуки вроде геля или силикона.

– Вы тут первый раз? – окликнула ее женщина.

– Да, – улыбнулась Лида. – Это так заметно?

– Конечно. Вы никогда не видели фальшивого стекла?

– Нет. Оно так звонко бьется в кино, я не думала, что оно мягкое.

– Неужели вы думаете, они бы стали класть актера в битое стекло?

Кстати, я Линда.

– А я Лидия.

– У нас похожие имена.

– Это точно.

– А вы тут с кем? Вы же не из студии?

– Нет. Я с Норбергом.

Линда поменялась в лице.

– Вау! С самим Андерсом Норбергом?

– Ну да. Он мой друг.

– Слушайте, как же вам повезло! Он однажды помог мне собрать рассыпанный реквизит и пожал руку... Ничего прекраснее со мной не случилось.

Лида поборола приступ раздражения. Пора бы ей привыкнуть к поклонницам Андерса. Что поделать, если он такой красавчик, да еще и готов поболтать с каждым членом съемочной группы?

– А вы уже знакомы с дублером мистера Норберга?

– Нет. А у него есть дублер? – оживилась Лида. – А зачем он тогда раздевается для постельной сцены?

– Сегодня будет постельная сцена с Андерсом Норбергом? О, я приду! Такие вещи он всегда играет лично. Вы слышали, что он не носит специальный носок? – хихикнула Линда.

– А зачем дублер? И какой носок? – Лида уже пожалела о своей болтливости.

– Дублер будет подменять его в драке. Я его уже видела сегодня, он где-то в павильоне. А носок... Вы и этого не знаете? Когда актеры снимаются голышом, многие предпочитают прикрывать интимные места. Это такой телесного вида пластырь для женщин, мы называем его «лоскуток», и специальная штука для мужчин. «Носок».

– И Андерс его не носит?! – Лида отказывалась верить своим ушам.

– Не-а. Говорит, ему это только мешает. Шутит про то, что он швед. Ему даже все равно, сколько при этом народу на площадке. Вот мисс Торнвуд всегда просит убрать посторонних, там только режиссер и операторы.

Лиду как пыльным мешком по голове стукнуло. Чертовы шведы! Воображение услужливо подкинуло ей живые картинки, как Андерс прижимает к себе другую женщину. Без всяких барьеров. Обнаженную. На глазах у полного павильона людей. На глазах у нее, Лиды. И этот человек будет воспитывать ее сына?! Виталик был прав: между ними пропасть. Могла бы сразу выйти замуж за какого-нибудь стриптизера. Хотя бы меньше поклонниц.

– Так где, вы говорили, его дублер? – нарочито бодро спросила Лида у своей новой знакомой.

– Пойдемте, я покажу.

Они прошли по бесконечному лабиринту поддельных стен до огромной общей гримерки. Вдоль стены стояла дюжина трюмо с

подсвеченными зеркалами, народ сновал туда-сюда, лавируя между креслами, столиками на колесах и здоровыми ящиками. И Лида поняла, что Андерсу здорово повезло, что его причинные места будут доводить до вампирского совершенства в отдельном помещении.

На одном из классических киношных стульчиков сидел высокий длинноногий блондин с зачесанными назад волосами.

– Эрик, привет!

– Хей, Линда!

– Познакомься, это Лидия, подруга мистера Норберга. А это Эрик, каскадер и дублер вашего друга.

Парень пожал ей руку. Он был явно моложе Андерса, и лицо его было совсем другим. Не было той остроты в чертах, не было лучистых глаз. Но телосложение действительно было один в один. Тот же рост, те же широкие плечи и бугристые бицепсы. Та же черная кожаная куртка. Со спины она бы могла их перепутать.

– Удивительно! И как им удается для каждого найти двойника?

– Нас миллионы, – улыбнулся Эрик. – Ладно, тысячи. Ну, сотни точно. Менеджеру по кастингу достаточно вбить в поиск по базе данные – и все. Поджигать, убивать и сажать на лошадь будут нас, а не Андерса Норберга.

– И вам нравится эта работа? И я ведь еще жаловалась, что тяжело целый день сидеть в офисе!

– Как она может не нравиться? В офисе сидеть – адская скука. А кино – это наркотик. Тот, кто попробовал, не сможет бросить, – Эрик сверкнул зубами.

Да, Голливуд – настоящее золотое дно для дантистов, если даже дублер, которого снимают издалека и со спины, своей улыбкой может заменить небольшой фонарик.

Тем временем привезли здоровую бутылку с густой искусственной кровью и какие-то розовые муляжи человеческих органов.

– И этим меня пачкают каждый день, – вздохнул Эрик. – Теперь надо дожидаться, пока кровью обольют Андерса, а потом рисунок будут воспроизводить на мне. Я видел сценарий, бойня будет в подвале.

– А разве там не постельную сцену сегодня снимают? – поинтересовалась Линда.

– Вам только этого и надо, – Эрик неодобрительно цокнул. – Ты видела хоть одну серию «Мертвой крови»? Разве у них одно другому мешает?

Их разговор прервало объявление по громкой связи.

– Внимание! Сцена триста шестнадцать на второй площадке! Сцена триста шестнадцать! Подвал! Начало через десять минут!

– Мне пора, – Лида развернулась и собралась было идти на съемку, но столкнулась с Андерсом.

– Вот ты где, – он потуже затянул пояс длинного халата. – Я тебя везде ищу. Эрик, Линда, привет!

– Привет, Андерс, – Линда блаженно заулыбалась.

Норберг взял Лиду за руку и повел на съемку.

– Ты уже познакомилась с моим двойником?

– Да. Он хорош. Жалко, не подменяет тебя в постельных сценах.

– Думаешь, он бы справился так же, как я? – Андерс понизил голос до интимного полусшепота.

– Не знаю. Но мне, возможно, стоит попробовать. Не можешь же ты один разрываться между мной и разными актрисами.

– Ревнуешь. Снова, – его голос звучал довольно.

– И даже не станешь пытаться меня переубедить?

– А зачем? Ты сама все увидишь через пару минут.

Он усадил Лиду на одно из кресел неподалеку от режиссера. Операторы налаживали аппаратуру, куча людей возились со светом и микрофонами на длинных палках. Несколько камер ездили по специальным рельсам, а изображения выводились на небольшие мониторы, в окружении которых и сидел режиссер со своими помощниками.

Совершенно обнаженную партнершу Андерса пристегнули к кровати, и сам он скинул халат. Вокруг него шнырял парень с отражателями и какими-то штуками, чтобы оператор мог настроить освещение. От стыда Лиде смертельно захотелось закрыть лицо руками, но она терпела. К тому же она, похоже, была единственной, кого бы хоть как-то смущало происходящее. Все были заняты делом, никто не шутил, не хихикал, к Андерсу относились как к части декораций. Его уложили на героиню, а потом режиссер долго ходил вокруг, чтобы выбрать правильный разворот спины. Тот терпеливо слушался. То ему говорили приподнять руку, то требовали немного согнуть левую ногу и разогнуть правую, опустить голову. Лида даже сидеть устала, пока они вертели отцом его будущего ребенка, что уж было говорить о самом Норберге.

Наконец, режиссер остался доволен, но тут пошли дубли. То актриса чихнула, то Андерс недостаточно правдоподобно дал ей пощечину. На четырнадцатый раз все вышло как надо, и тут Лида выяснила, что постельная сцена – вообще не главное в этом эпизоде. Оказалось, что героя Андерса просто пытались застать врасплох вражеские вампиры. Через несколько секунд после начала сцены на площадку врывалось несколько мужчин в черном, и начиналась драка. По сюжету Норберг успевал

натянуть штаны, потому что вампиры могут двигаться молниеносно, и даже воткнуть в кого-то из противников осиновый кол. Дальше Андерс был свободен, а Эрика начинали покрывать брызгами искусственной крови.

– Ну как, все еще ревнуешь? – спросил Андерс, когда режиссер отпустил его с площадки.

– Нет, конечно.

– Не хочешь познакомиться с моей партнершей, Кори?

– Не думаю, что она сейчас захочет с кем-то говорить.

– Да брось. Кори, подойди на минутку!

– Андерс? Я умираю от усталости, – актриса, закутанная в махровый халат, сжимала в руках стаканчик с горячим кофе. – Я так замерзла, ты бы знал! Ты хоть мог шевелиться.

– Познакомься, это Лидия, моя подруга.

– Привет, Лидия.

– Кори, вы были великолепны. Я не представляю, как вы все это выдерживаете!

– Такая работа, – она пожала плечами и поморщилась. – Черт, кажется, я потянула плечо...

Лида сочувственно посмотрела на нее. Во всей этой сцене не было ни намека на сексуальность.

– Ну что, поехали домой? – спросил Андерс, когда Кори ушла в свою гримерку.

– А разве уже все?

– Шесть часов утра.

– Как? Вы снимали эту сцену восемь часов?

– Обычный рабочий день, верно?

– Ты же, наверное, дико устал!

– Есть немного.

– Я не думала, что актерам так трудно!

– А ведь все говорят, это легкая профессия. Я рад, что ты теперь так не думаешь.

– Конечно, – она ободряюще потерла его плечо. – А теперь скорее домой, тебе надо выспаться.

Глава 20

Потом была неделя нейтралитета. Они пересекались только утром и вечером, были предельно вежливы и старались не усложнять ситуацию. Лиде стало легче справляться со страхами: увидев съемочный процесс своими глазами, она смогла удалить хотя бы актрис из категории потенциальных опасностей. Правда, больше она уже на площадку не просилась, твердо пообещав себе, что если и пойдет когда-нибудь снова посмотреть на Андерса в деле, то точно не в кровавой и грязной драме про вампиров.

Зато она потихоньку осваивалась в городе и набрала неплохой рабочий темп. У нее даже появились небольшие накопления на карте, что давало уверенность в себе. По крайней мере, она могла себе позволить самостоятельно снять жилье, если бы с Андерсом не сложилось. Лида не тешила себя иллюзиями: он был ее идеалом. Но рассчитывать на него боялась, поэтому старалась обеспечить себе какой-никакой тыл.

Все шло довольно неплохо, пока однажды, когда она блаженно потягивала банановый коктейль в одном из уличных кафе, ей не попала на глаза газета. На ней она узнала Андерса и себя.

Она долго боролась со здравым смыслом. Правильнее было забыть об этой ерунде и не придавать значения бульварным сплетникам. Но женское любопытство взяло верх. Лида побежала в ближайший продуктовый магазинчик: в них обычно были стойки с прессой. Найти нужное издание не составило труда. Они с Норбергом попали на первую полосу. Поспешно расплатившись, Лида вернулась в машину и стала читать.

Сложный выбор Андерса Норберга:

Беременная русская журналистка или роскошная фанатка?

На днях Андерс Норберг был замечен в Лос-Анджелесе в обществе своей русской подружки. Они ожидают появления совместного ребенка, хотя о статусе пары пока ничего не известно. Однако сексуальный швед, похоже, не собирается остепениться в ближайшее время! Его снимки с фанатами часто появляются в Сети, но настолько откровенные – впервые! Сможет ли устоять Андерс Норберг, если его будут все время атаковать подобные красотки? Тот факт, что неизвестная девушка попадает в объектив уже второй раз, наводит на определенные мысли. Андерс неоднократно хвастался шведским отсутствием комплексов. Вероятно, его свободные нравы распространяются и на личную жизнь. И

нашим читателям только и остается ждать новостей о новых девушках знаменитого телевампира.

Под статьей висели фотографии: они около съемочной площадки выходят из машины, а потом два снимка, видимо, сделанных на телефон, где на Андерсе висела незнакомая девица, надув губки и выставив вперед декольте.

Лида и раньше видела, как липнут к нему фанатки. И знала, как прохладно относится к этому сам Андерс. Да и на газетных фото он всего лишь привычным жестом обнимал поклонницу, как делал это сотни раз. Нет, взбесили Лиду не кадры, а то, что было написано в газете.

Она достала телефон, чтобы найти сайт газеты и попытаться написать им гневное письмо. Но в Интернете Лида разглядела в углу фотографии полупрозрачную надпись «VasMar». Она знала этот псевдоним. Вася Марков. Из «Богемы». Но что ему надо было здесь, в Лос-Анджелесе? Он и так поступил нечестно, ведь если верить Кате Родионовой, именно он слил информацию про нее и Андерса. Тогда зачем пытался сделать ей гадость теперь?

Лида вернулась домой, чтобы поговорить с Норбергом, но его почему-то не было, хотя обычно днем он отсыпался после съемок. Тогда Лида попыталась найти новые контакты Маркова: московский номер не отвечал. Спросить у кого-то тоже не было возможности из-за разницы во времени, ведь в Москве была еще ночь. Тогда Лида узнала адрес редакции и решила лично ехать в издание.

«Звездный репортер» занимал целый этаж в модном офисном здании. В Голливуде за сплетни неплохо платили.

Видимо, местный шеф-редактор был духовно близок с Казаковой: они бы явно оценили московскую дислокацию «Богемы» в Сити. На другом полушарии Лида снова попала в мир бизнес-снобизма. Деловой стиль одежды, дорогие костюмы, равнодушные лица. И здесь, словно в зазеркалье ее старой работы, на ресепшн сидела девушка с высокой прической.

– Добрый день. Мне необходимо поговорить с главным редактором.

– Вам назначено?

– Нет. Это срочно. Вы напечатали мою фотографию.

– Простите, я вас не узнаю. О вас была статья?

– Не обо мне. Андерс Норберг, первая полоса, русская журналистка.

Последние слова вызвали на лице секретарши едва мелькнувшее выражение брезгливости.

– И чем я могу помочь?

– Я должна знать, кто фотограф. Кто предоставил вам мой снимок.
– Мы не вправе разглашать эту информацию.
– Окей. Я в курсе, чья это работа. Василий Марков, верно? Я прошу, дайте мне его контакты. Что угодно. Адрес, телефон...

– Извините, я не могу.

– А кто может?

– Это закрытая информация.

Лида вздохнула. Она знала этих секретарских церберов, пробиться при всей их миловидности было невозможно. Не бежать же ей было, в самом деле, с животом наперевес мимо всех в кабинет главреда?

Она отступила на время и спустилась вниз, в кафе. Там она не спеша изучила сайт газеты, нашла фотографии корреспондентов и редакторов – всех, кого только смогла. Потом принялась выискивать среди посетителей имеющих отношение к газете. Буквально через столик от нее сидела одна из молоденьких сотрудниц.

– Простите, здесь свободно? – Лида решила импровизировать.

– Да, конечно.

– Вы ведь работаете в «Звездном репортере»?

– Откуда вы знаете?

– Я пытаюсь устроиться на работу, хочу понравиться главному редактору.

– Мистеру Карлайлу? Это сложно, – кажется, девушка ее не узнала.

– Знаю. Поэтому пытаюсь познакомиться хотя бы с кем-то из газеты и узнать, как мне лучше вести себя на собеседовании.

– А разве сейчас идет набор сотрудников? – девушка заметно занервничала, видимо, не числилась среди лучших и переживала за свое место.

– Нет. Но мой друг сказал, что мне стоит попытаться. Он здесь фотограф. Василий Марков, знаете его?

– Видела пару раз. Но он ошибается. К тому же он не в штате, просто продает снимки. Свободный папарацци.

– Вот черт! Наверное, наврал. А я уже два месяца сижу без постоянной работы. Только небольшие заработки в Интернете.

– Не, переживайте, – девушка сочувственно посмотрела на округлый живот Лиды. – Может, вас и возьмут в штат. Поговорите с вашим другом, он наверняка не только в нашу газету продает снимки.

– Уже неделю не могу с ним связаться. Представляете, я разбила телефон, пришлось новый купить, но все контакты потеряны. А я помню только про «Звездный репортер». Может, все-таки поговорить с главным

редактором? – Лида поняла, что девушка боится потерять работу, и снова нажала на ее больное место.

– Не стоит. Не думаю, что это хорошая идея. А номер вашего друга узнать совсем нетрудно. Подождите минутку.

Она торопливо набрала своего коллегу и попросила скинуть контакты Маркова. Буквально через минуту они были у Лиды в телефоне.

Довольная своей находчивостью, она набрала Васю.

– Привет, Марков. Это Лида Стрельникова. Помнишь такую?

– Откуда у тебя мой номер?

– Ну вот. А поздороваться?

– Зачем ты мне звонишь?

– Что ты нервничаешь? Или совесть замучила?

– Я ничего такого не сделал. Если ты про последний выпуск «Звездного репортера», то я просто передал снимки, текст придумывали они сами. Ничего личного.

– Нам надо встретиться.

– Зачем мне это?

– Скажем так, мне есть что тебе предложить.

– Через полчаса на углу бульвара Уилшир и Огден-драйв.

– Жди.

Она сверилась с картой и уже через двадцать минут была на месте. Сначала она боялась, что Марков не придет, но он все же явился, хоть и с опозданием. Как всегда. Внешне он сильно изменился: осунулся и был сильно небритым, то ли в погоне за модой, то ли просто махнул на себя рукой. При нем был привычный кофр с камерой.

– Здорово, Стрельникова.

– Привет, Вася.

Он заказал большой стакан кофе с пончиком и плюхнулся напротив.

– Ну, что за дело ты мне хотела предложить? Надеюсь, какой-нибудь эксклюзив.

– Не торопись. Расскажи, какими судьбами ты в Штатах?

– Ну, мой приятель давно сюда перебрался. На вольных хлебах здесь неплохо можно заработать. Он мне помог с грин-картой. Уволился из «Богемы», перебрался буквально месяц назад. Вот, обживаюсь.

– Где ты живешь?

– Зачем тебе? – спросил Марков. – Так, друг снимает квартиру с парой чуваков, пока кантуюсь с ними. А что?

– Просто интересно.

– Ну, не каждая может вот так запросто поселиться в Лос-Фелис.

– Ты что, следил за мной?

– Пф, много чести. Там много селебритис обитает, наши часто дежурят у окрестных баров и кафешек. Рыбное место. А потом, на каждом углу можно купить карту домов знаменитостей. Правда, на закрытые территории никто не пустит, зато рядом их можно запросто словить. И за каждый такой снимок готовы платить. Кто-то вышел без макияжа, кто-то тайком от жены встречается с девочками... На нас и живет пресса.

Лида с трудом пыталась перебороть отвращение.

– Тебе не надоело вращаться в этой мерзости? Ты же неплохой фотограф, Марков! Открой свое ателье, что ли. Свадьбы снимай. Да в той же «Богеме» было лучше, чем выполаскивать чужое грязное белье.

– Тебе легко говорить, – Вася смерил ее презрительным взглядом. – Не жизнь, а сказка. Раз – и поручили интервью! А там уж дело нехитрое, правда? Залетела, и до старости никаких проблем с деньгами. И можно другим раздавать советы по этике. Вот же здорово!

– Козел ты, вот и все. Врезать бы тебе, чтоб мозги на место встали. Знаешь, мне тебя даже жалко. Я всегда думала: что надо с человеком сделать, чтобы он стал вот такой мразью? До сих пор не понимаю. Я же в курсе, кто пустил в Сеть мою историю с Норбергом.

– И что?

– Меня из-за тебя уволили! И мой дед... Как ты мог так поступить? Я ничего тебе плохого не сделала!

– Подумаешь, написали про тебя. Да некоторые удавятся, только бы засветиться в прессе. Ну, вышибла тебя Казакова. Что с того? Как будто ты сейчас сильно нуждаешься в деньгах. А вот мне из-за тебя досталось.

– Правда? И как же?

– Родионова стукнула Казаковой, что это я вскрыл твою почту. Она даже проверять не стала. Сразу пинок под зад. А у меня нет богатого папочки.

– Ты же сказал, что сам ушел!

– Мало ли, что я сказал. За квартиру нечем было платить, не в Челябинск же ехать к родителям!

– Допустим. Но зачем ты опять решил меня вымазать в грязи?

– Ты про последнюю фотку? Говорю же, я просто снял вас вместе. Думал, они напечатают что-нибудь опять про то, что Норберг станет отцом. Или что вы поженитесь. Откуда я знал, что они полезут в блог этой сумасшедшей курицы, которая воображает всякую ересь? Ну, извини, ясно? Я смотрю, у вас все на мази с ним, решил, что от одной картинки с вас не убудет. И, между прочим, какое-то время я даже пытался накопать что-то

новое на Норберга. Ездил за ним. И ничего, ясно? Чист, как младенец. Так что, считай, тебе же услугу оказал.

– Вот уж обойдусь как-нибудь без твоих услуг!..

– Я так понимаю, ты меня вызвала без всякого дела? Просто выяснить отношения?

– Я хочу тебя попросить, Вась. По-человечески. Просто оставь меня в покое. Не щелкай затвором, если увидишь меня или Андерса снова. Я очень тебя прошу. Если ты не можешь не лезть в чужую жизнь, то хотя бы нас больше не трогай.

– Или что?

– Я не собираюсь тебе угрожать. Могла бы, но не стану. Я просто прошу. Пожалуйста, дай мне родить спокойно. Если я сама захочу сняться для прессы, у меня есть твой телефон. Но не вот так, исподтишка.

– Ты же понимаешь, что тебе это ничего не даст? Здесь папарацци кишмя кишат, кто-нибудь да поймает тебя в объектив.

– Я просто буду знать, что это не ты.

– Тебе что, легче от этого?

– Да.

Он смотрел на нее долгим взглядом, размышляя или пытаясь что-то прочитать в ее лице. Но она молча и без всякого выражения ждала его ответа.

– Хорошо, – произнес он, вздохнув.

– Вот и ладненько. Будь здоров, Марков.

Она аккуратно вылезла из-за стола, стараясь не удариться животом. Скамьи стояли слишком тесно.

– Лида? – окликнул он ее, когда она уже перекинула через плечо сумочку и собралась уходить. – Ты ведь не держишь на меня зла?

– Не-а, – она невесело улыбнулась и вышла из кофейни.

Дома ее уже поджидал Андерс. Правда, Вася основательно подпортил ей настроение, да и вся эта мерзкая ситуация с газетой выбила ее из колеи. Поэтому она просто коротко поздоровалась и пошла в свою комнату.

– Что случилось? – Андерс вошел к ней, когда она устало опустилась на кровать. – Ты в порядке?

– Да, все нормально. Можно я немного отдохну?

– Это из-за газеты?

– Что?

– Я приехал и увидел на столе чертову статью. Ты же не веришь в этот бред? Я знать не знаю, кто эта женщина. Даже лицо с трудом узнаю. Кажется, она из тех, кто обычно дежурит перед студией...

– Все нормально, Андерс, правда.

– Тогда почему ты такая расстроенная?

– Сначала я действительно разозлилась из-за статьи. Но не на тебя, – тут же добавила она, видя, что Андерс снова собирается оправдываться. – Это чистой воды выдумки. Просто я узнала фотографа.

– Какого?

– На снимке в Сети есть его подпись. Это Марков. Помнишь, он снимал тебя тогда, в Москве?

– А что он здесь делает?

– Именно это я и пыталась выяснить.

– Одна?

– Да. В Москву звонить было слишком поздно, поэтому я просто поехала в редакцию.

– В «Звездный репортер»?! Лидия, зачем?

– Мне надо было найти его, понимаешь?

– Да что в нем такого особенного? Он фотограф, многие из них идут в папарацци. Грязно, но прибыльно.

– Мы работали вместе. И потом, мне написала одна бывшая коллега... Это он рассказал про мою беременность. Помнишь тот скандал в прессе, из-за которого меня уволили? Его работа.

– Я его убью. Серьезно. И после этого он еще решил запустить новую сплетню?

– Ничего он не запускал. Так он говорит, по крайней мере. Все это неважно, Андерс. Просто меня тошнит от таких людей. Я не знаю, как ты с этим живешь.

– С чем?

– С этой проклятой публичностью. Каждый может написать про тебя, сплетничать, говорить гадости, и ты ничего не можешь сделать.

– Я просто не обращаю на это внимания. В мире много плохого, с чем ты ничего не можешь сделать. Ты не можешь накормить всех голодных детей, вылечить рак или СПИД, спасти всех вымирающих животных. И насытить всех папарацци ты тоже не можешь. Это их хлеб. Смирись и живи своей жизнью. Я пытаюсь.

– И тебя не бесят эти статьи?

– Если бы не ты, я бы не переживал. Но я не хотел, чтобы ты расстраивалась из-за меня. Поэтому сегодня, как только увидел, что тебя нет, а на столе эта газета, я поехал к своему адвокату. Он попробует подать на них иск. Не факт, что что-то получится, но пусть хотя бы попытается, – он погладил ее по руке. – Даже если не получится, в следующий раз они

будут осторожнее.

В этот момент ей сильно захотелось сказать ему о своей любви, но вместо этого она произнесла:

– А Глория не оставила немного тушеного мяса?

– Другой разговор, – Андерс улыбнулся и поцеловал ее в лоб. – Мяса нет, но она приготовила отличное чили.

Глава 21

На следующей неделе Андерс опять пропадал на съемках и в спортзале, пока Лида исследовала город. В тихие утренние часы она работала над заказами, а вечерами записывала новые впечатления.

Глория рассказала, где крупный торговый центр, и Лида подкупила беременных вещей. Нигде в Лос-Анджелесе она не чувствовала себя настолько дома, как в «Икее». Узнаваемые яркие интерьеры, те же блюда, а главное – море русской публики.

Первым, что она услышала в святилище шведского дизайна, было:

– Коля! Тащи сюда эту штуку, сколько можно ждать!

Впрочем, соплеменников Лида распознавала безошибочно и без звуков родной речи. Никакая другая нация не отличалась такой любовью к лейблам. Плюс русская женщина не выходила на люди без двух вещей: макияжа и каблуков. Пока американки «позорились» в джинсах и кедах, наши красавицы блистали во всем великолепии своей женственности. Переплюнуть их могли разве что латиноамериканские дамы с перламутровыми ногтями и обилием золотых украшений. Прелестницы из разных точек земного шара вели здесь, в Лос-Анджелесе, столице американского гламура, негласную войну.

Конечно, центр Москвы был не меньше напичкан бутиками. Но посетителями они не пестрели, сохраняя гордый и надменный дух элитарности. В Городе ангелов улица брендовых магазинов гудела, как пчелиный рой. Туристы разных стран рвались сюда за роскошью. По утрам выстраивались очереди к распродажам, по вечерам – к именитым ночным клубам. Пока над длинными пальмами-одиночками темнело, тысячи стекались к центру увеселяться.

Город был крепок и молод, как широкоплечий красавчик с рекламного плаката, поигрывающий лоснящимися бронзой буграми. Лиде нравились и его огни, и особняки, и закат над далекими горными грядками, и красивые лица тоже нравились. Но не было в этом месте теплоты и глубины, какую порождает история. Старые города Европы или московские улочки походили на живых людей, которых хотелось слушать и узнавать, чьи истории бередили воображение. И даже неухоженные дома с отколотой штукатуркой под каким-то углом вдруг преображались, как старики, вспоминая о молодости.

Лос-Анджелес был стерильно красив. В нем подкупала лишь природа.

Хотя Лида не могла не признать другой ступени комфорта, на которую она попала. И еще ей отчего-то нравились указатели: высокие, с сотней узких табличек, глядящих в разные стороны, словно синие дикобразы.

В один из вечеров, когда Лида сидела с компьютером на террасе и поглощала вишневые пирожки Глории, к ней подошел Андерс.

– Вот и все, – сказал он и уселся в соседнее кресло.

– Ты о чем?

– Съёмки закончились. Сегодня у нас прощальная вечеринка.

– Здорово.

– Ты не думала, что мы будем делать дальше?

– Я не знаю. У тебя есть идеи?

– Для начала я хочу тебя кое-куда пригласить.

– Ты все-таки вспомнил, что должен мне ужин?

– Черт, Лидия! Я опять забыл. Ужин, конечно, будет. Но я хочу тебя пригласить на премьерный показ сериала. Это официальное мероприятие с прессой, фотографами и банкетом.

– Ты хочешь показать меня публике, я правильно понимаю?

– Да. Ты не против? Я же сообщал, что мы с тобой встречаемся, теперь хочу подтвердить это открыто.

– Получается, мы будем парой... – Лида задумалась. – Но ведь мы еще ничего не решили.

– Это для прессы. Ты появишься как моя девушка, это уберет все поводы для сплетен. Я думаю, для ребенка будет лучше знать, что его родители любили друг друга.

– Хорошо. У тебя есть мысли, где взять подходящее платье для беременных? Живот не такой большой, но я сомневаюсь, что на меня налезет мой вечерний наряд.

– Поищи в центре. И возьми, наконец, кредитку, которую я сделал для тебя. Запишись в салон красоты, на такие мероприятия нужен специальный макияж и прическа. Сегодня я спрошу у кого-нибудь из коллег, куда лучше пойти. Премьера 26 августа.

– В твой день рождения?

– А откуда ты... Ну да. А ведь даже не знаю, когда у тебя день рождения.

– Восьмого июня.

– Уже был? И ты ничего не сказала?

– Тогда мы еще не сделали тест. А потом, я не устраиваю из этого большой праздник.

– Я тоже. Слушай, мне пора собираться. Я бы пригласил тебя и

сегодня, но это ночная вечеринка, будет шумно, много алкоголя, я подумал, что в твоём положении не стоит...

– Все в порядке. Я не люблю ночные клубы.

– Не хочешь завтра вместе поужинать?

– С удовольствием.

– Тогда до завтра, – он коснулся губами ее щеки и вернулся в дом.

Завтра началось часов в шесть утра, когда облака стали только-только подкрашиваться оранжевым. Лиду разбудили грохот в гостиной и громогласное шведское пение. Наверное, такими воинственными воплями созывали в поход древних викингов.

Лида накинула халат и босиком кинулась на звуки. Андерс стоял на кухне в окружении кастрюль и выгружал на стол содержимое холодильника. Он был катастрофически пьян.

Его аккуратно уложенные накануне волосы торчали, черная рубашка была местами посыпана чем-то белым. К счастью, рядом стоял разодранный пакет муки, и Лида облегченно выдохнула, что это не следы наркотических забав. Зато алкоголя Андерсу явно хватило за глаза. Он горланил душераздирающие песни и пытался подтанцовывать, периодически натываясь на мебель.

– Как ты добрался до дома в таком состоянии?

– О, вот и моя милая девочка! – Андерс увидел Лиду и приветственно раскинул руки. – Я готовлю тебе завтрак.

– Ты ведь не сядил за руль? Где машина? – настойчиво переспросила Лида.

– Попробуй угадать! – пропел Норберг с чудовищным шведским акцентом. – Моя машина в гараже... И как я добрался до дома?

– Андерс! Я серьезно!

– Ты скучная, – он махнул рукой, от чего кастрюля с лязганьем полетела на пол. – Меня отвез Эйдан.

– Слава Богу!

– А почему ты не спишь? Я же еще не успел сделать завтрак.

Лида поджала губы, чтобы не расхохотаться. Андерса стоило показать всем, кто считал русских пьющими.

– Но раз ты все равно не спишь, иди ко мне, – нетвердой походкой он шагнул к Лиде и сгреб ее в охапку. – Ты такая сладкая, – ее окатило облаком перегара.

– Ну-ну, – она похлопала его по спине. – Пойдем, положим тебя в кровать, тебе надо поспать.

– Только вместе с тобой, – он смачно ухватил ее за зад.

– Руки!

Андерс поднял руки вверх и попятился в сторону своей комнаты, игриво подмигивая.

По пути он споткнулся о диван и рухнул на пол. Это, впрочем, бравого шведа нисколько не обескуражило. Вместо этого Андерс гомерически захохотал.

– Иди ко мне, моя красотка, я тебе кое-что покажу.

– Вставай, викинг, я провожу тебя в спальню.

– Другой разговор!

Совместными усилиями они вернули Андерса в вертикальное положение, хотя он постоянно отвлекался и пытался приставать.

Лида довела его до спальни и велела забраться в кровать. Андерс и тут не растерялся. Жестом опытного стриптизера он разодрал на груди рубашку, так что пуговицы застучали по деревянному полу, и принял зазывную, как ему казалось, позу.

– Прыгай сверху, детка, я доставлю тебя в рай.

Лида не выдержала и расхохоталась.

– Давай хотя бы снимем ботинки.

Он послушно протянул ей ногу, как ребенок, которого мама собирает в садик.

Лида стащила с него обувь и носки, хотя он хихикал и утверждал, что ему щекотно. Зато когда дело дошло до брюк, он перевернулся на живот и заявил, что штаны не снимет ни за что, потому что в Америке это неприлично.

– Это мое конти... консу... конституи... тистуционное право! – выкрикнул он и уткнулся лицом в подушку.

Через мгновение до Лиды донесся храп. Она перевернула Андерса обратно на спину, стащила брюки и укрыла одеялом. Лауреат нескольких кинофестивалей и грозный тысячелетний вампир мирно пускал слюни на наволочку.

Лида пошла на кухню устранять последствия разгрома. У Глории был выходной, а Андерс умудрился знатно уделать кухню. Закончив с уборкой, Лида приняла ванну, перекусила и отправилась на излюбленную террасу с работой.

Однако от статей ее отвлекли сообщения из скайпа. Писала Аня Исаева.

– Ты в порядке? Твой телефон не отвечает несколько дней. Напиши, как сможешь! Волнуюсь

– Да, все хорошо.

– Мы не разговаривали после того, как ты мне сообщила о смерти Александра Борисовича. Я беспокоилась.

– Я забыла тебе рассказать. Я в Лос-Анджелесе. У меня сейчас другой номер.

– Чего?! Быстро давай телефон! Сейчас ты мне все выложишь!

Лида отправила подруге комбинацию цифр, которую все никак не могла запомнить, и вскоре раздался звонок.

– Когда? Когда ты приехала? И надолго? Ты прилетела в Америку и даже не позвонила? Стрельникова, колись! – возбужденно затараторила Аня.

– Уймись, Исаева! – с улыбкой ответила Лида и выложила всю историю своего переезда.

– А между вами что-то есть?

– Скорее нет, чем да. Этаким светский нейтралитет.

– И он к тебе не приставал?!

– Нет. Ну, если не считать сегодняшнего дня, но он был пьян в хлам.

– Все равно... Неужели он тебе разонравился?

– Ты что! Он прекрасен. Просто ничего бы не вышло. А так он – мой идеал. За исключением звездности.

– А что не так со звездностью?

– Ань, я собственница. Я не хочу делить его с роскошными актрисами и юными фанатками.

– Многие знаменитости – верные мужья.

– Не знаю... Страшно, Ань.

– Глупости! Стрельникова, ты никогда не была трусихой.

– Понимаешь, я не хочу потерять последний шанс на то, чтобы видеться с ним.

– Ты ждешь его ребенка, какой последний шанс?

– Если мы расстанемся, то он и общаться со мной не захочет. Это слишком.

– А если нет?

– Я – не его поля ягода. Он знаменитый, богатый, яркий. Он привык к публичности. Я помню всю эту атмосферу по работе в «Богеме»... Ужасно. Пафосно, лживо и отвратительно. Я не хочу снова в это окунуться.

– Ты преувеличиваешь. Наша команда тоже иногда бывает на официальных мероприятиях и вечеринках. Во-первых, не так плохо, во-вторых, это очень маленькая плата за то, что ты любишь. Ты его любишь?

– Не знаю. Но я ту ночь до сих пор вспоминаю. Аж мурашки по коже.

И вообще он добрый и забавный.

– Слушай, Стрельникова, ты обнаглела. У нее мужик... Всем мужикам мужик! И ребенок будет. А она кочевряжится. Видите ли, фанатки у него. Ты такой ерундой занимаешься! Если бы у меня такой парень был, уж я бы с него не слезла!

Лида рассмеялась.

– Ты всегда была боевой, Ань.

– Не понимаю, что и тебе мешает.

– Я подумаю. В любом случае, мне никто ничего не предлагал.

– А по-твоему, он должен просить тебя о каждом шаге?

– Нет. Зато мы через неделю идем на красную дорожку. Хочет показать меня публике.

– Да ладно! Настоящая красная дорожка? С ума сойти! Ты уже платье купила?

– Нет, он только вчера сказал.

– Так, я сейчас в Вегасе. Послезавтра у меня игра, а потом я сразу к тебе вырвусь на пару дней. Вместе купим!

– Отличная мысль.

– Все, жди звонка. И без меня никуда не ходи!

– Да, капитан.

Лида выключила телефон и улыбнулась. Аня Исаева с детства была громкой, яркой и напористой, поэтому возглавляла их юношескую баскетбольную команду. В американской капитаном ее еще не сделали, но Лида была уверена, что это всего лишь вопрос времени.

Вопрос с покупкой платья отпал, и Лида занялась поисками врача. Среди акушеров ближайшей клиники, которую покрывала новая страховка, Лида увидела одну русскую фамилию. Логичнее было бы положиться на западного специалиста, но Лида увидела в этом некоторый знак. Она позвонила и записалась на следующий день, а потом вернулась к работе.

Глава 22

Андерс встал только вечером. Растрепанный, с опухшим лицом и красными глазами, вышел он из спальни. Днем Лида успела съездить в магазин за продуктами и теперь запекала в духовке форель с овощами. На барной стойке красовалась миска со спелыми багрово-желтыми манго. В последнее время Лида их поглощала с завидной регулярностью.

– Уже поздно? – хрипло спросил Андерс, потирая пальцами виски.

– Я подумала, что ты вряд ли пойдешь сегодня в ресторан, – Лида помешивала соус для рыбы.

– Ужин... Я ведь позвал тебя на ужин, – Андерс плюхнулся на диван.

Лида сдержала ехидный комментарий.

– Слушай, я вообще не помню, как вчера добрался. Странно, потому что я ведь как-то сам разделся и лег в постель.

– Ничего странного, – Лида протянула ему бутылку пива из холодильника.

– Ты святая женщина, – он с облегчением присосался к запотевшему горлышку. – А почему ничего странного?

– Потому что ты разделся не сам.

С торжествующей улыбкой Лида наблюдала, как на лице Андерса появляется понимание.

– Это была ты?! – шепотом спросил он.

– Ага.

– О Боже, – он застонал и провел ладонью по лицу.

– Ага.

– И что было?

Он выглядел таким виноватым, что Лида не удержалась от смеха.

– Ничего особенного, – она похлопала Андерса по плечу. – Есть будешь?

Она накрыла ужин на журнальном столике и села в кресло напротив Андерса.

– Меня ведь вчера не рвало? – спросил он.

– Во-первых, и тебе приятного аппетита, – Лида расстелила на коленях салфетку. – А во-вторых, это было сегодня. И нет, тебя не рвало. Вообще, ты был довольно мил.

– Правда?

Она кивнула.

– Сначала ты пытался приготовить мне завтрак. Кстати, в рядах твоей посуды произошли некоторые потери. Я решила, что будет лучше оставить в целости хотя бы пару тарелок, поэтому отвела тебя спать. Ты, конечно, сделал мне неприличное предложение, но уснул быстрее, чем успел его воплотить.

– А где битая посуда? Разве сегодня была Глория?

– Нет. У меня тоже есть руки.

– Лидия, мне так стыдно! Ты должна знать, что я очень редко напиваюсь. Извини.

– Ерунда. Тем более ты так давно ко мне не приставал, что я соскучилась.

Лида произнесла это в шутку, но Андерс так посмотрел на нее, привычно изогнув одну бровь, что девушке стало не по себе.

– Ты думала об этом?

– Андерс, если ты сейчас же не попробуешь мою еду, то это последний раз, когда я что-то тебе приготовила!

Он послушно отломил кусочек.

– Мне нравится. И соус нежный... Вкусно. Когда-нибудь я сделаю тебе лосося на гриле а-ля Андерс Норберг. А теперь скажи: ты правда скучала?

Лида откинулась на спинку кресла и скрестила руки на груди.

– Иногда. Тот раз был... Я не знаю, как ты, но я раньше такого не испытывала. И естественно, что я об этом вспоминала.

– Ты думаешь, я полетел бы в Москву к девушке, с которой все было, как обычно?

– Не знаю. Спонтанные широкие жесты вполне в духе кинозвезды.

– Даже не начинай! Я не хочу опять ссориться. Не смей все портить этими глупостями.

Она пожала плечами.

– Все сложно, – сказала она.

– Давай разберемся. Чего ты хочешь от жизни?

– Не знаю. Хочу семью, детей. Не хочу быть одна. Но и не хочу быть с кем-то, чтобы не быть одна. Глупо звучит.

– А как ты представляешь себе семью?

– Воскресным утром просыпаюсь рядом с любимым человеком, – Лида откинула голову назад и прикрыла глаза. – А потом к нам в постель прибегают дети. Один, два... Хотя бы один. Сонный, теплый малыш. И собака, и кошка. Потом мы вместе завтракаем, идем гулять. Играем в мяч. А вечером – семейный ужин, ты рассказываешь, как у тебя дела, а я – как у меня. Мы читаем вечернюю сказку, укладываем детей, а потом сидим на

диване вместе, смотрим новый фильм. Или читаем. Или просто сидим рядом. А потом идем в спальню.

– Ты сказала «ты». Значит, ты пыталась представить нашу семью? Нашу с тобой?

Лида открыла глаза и наткнулась на пристальный взгляд Андерса.

– Просто ты сидишь рядом.

– Лидия!

– Я не знаю, Андерс! Это само получилось. Какая разница, это фантазия.

– Почему? Мне это важно.

– Знаешь, как бы это было на самом деле? Я бы укладывала ребенка одна и ждала, пока ты придешь с очередной премьеры. Ночью, утром... Придешь ли вообще. А потом читала бы в новостных лентах, как ты развлекался с другими женщинами.

– Почему ты так решила?

– Потому что ты – это ты. Известный, умный, красивый и дико сексуальный. И прекрати улыбаться! Мне одного вечера хватило, чтобы переспать с тобой.

– А если бы я был не актером, а просто незнакомцем? Ты бы занялась со мной сексом в первый вечер?

– Нет.

– И ты еще осуждаешь фанаток!

– Дело не в этом. Я читала твои интервью, смотрела фильмы. Я уже многое про тебя знала.

– Если ты готова была переспать со знаменитостью, то откуда мне знать, что ты не сделаешь то же самое с любым другим известным актером? Здесь их много.

– Это бред!

– Тогда почему ты думаешь, что я буду спать с фанатками и журналистками? Я хотел не просто секса, а секса с тобой. И до сих пор хочу. А ты выдумываешь какие-то барьеры. Может, нам стоит попробовать?

– Ради ребенка?

– Ради нас. Давай забудем эти ярлыки. Я не считаю тебя охотницей за алиментами, а ты не думай, что я ловелас. Я ведь доверяю тебе. Почему ты не можешь доверять мне? Иди сюда, – он похлопал по дивану.

Лида пересела и дала ему себя обнять. Соблазн был слишком велик.

– Я не знаю. Если все разрушится, будет очень тяжело, – ноздри затрепетали от знакомого запаха теплой кожи, и Лида прерывисто

вздохнула.

Ей до чертиков не хотелось отпускать Андерса от себя, не хотелось его ни с кем делить. Но отказаться от него вовсе, оберегая себя от ревности, она не могла.

– Расскажи мне о себе, Андерс.

– Что ты хочешь услышать?

– Что-нибудь. Хочу понять тебя, узнать. Расскажи о своем детстве, о семье. Что ты больше всего любишь вспоминать?

– Хорошо. У меня была бабушка, ее звали Кайса. Мама моей мамы. На все лето меня отправляли к ней. У нее небольшой деревянный дом и огород. Тогда мне было лет шесть, наверное. Кристер и Олли были еще маленькими, с ними сидела мама. А Петер и Элин еще даже не родились. И вот у бабушки был только я. Не пойми неправильно, я люблю братьев, но было так здорово ненадолго почувствовать себя единственным. Мы копались в земле, я помогал. Сейчас понимаю, что больше мешался, но бабушка меня хвалила, и я был ужасно горд. Я собирал малину, а она взбивала сливки, и ничего вкуснее я в жизни не ел. А вечером мы сидели в гостиной и читали. Сначала я должен был почитать немного сам, а потом книгу брала бабушка Кайса, и у нее получалось так интересно, что я мог слушать часами. Я очень любил про Эмиля из Леннеберги. Даже пытался вырезать деревянных старичков. Бабушка хранила их в шкафу за стеклом. А чердак... Как я любил бабушкин чердак! Там куча сокровищ. Старые фотографии, кинокамера с круглыми кассетами, одежда, значки, монетки, китайские фарфоровые фигурки. Олли их потом разбил. А еще у бабушки были керосиновые лампы, она их зажигала для меня. Я помню, как они пахнут.

– У моей бабушки тоже была такая, – Лида положила голову Андерсу на плечо и слушала его рассказ, представляя себе маленького белокурого мальчика. – Мы ее на улице зажигали.

– Мне кажется, что меня бабушка любила больше всех. Я был послушным. И с младшими сидел. Вот Кристер – он был бандитом. Лез во все драки, плевался. Постоянно стоял в углу. Правда, он и там продолжал: рисовал на стене. Когда вырос, он стал слушать рэп. Ужас! Эти дикие звуки из его комнаты...

– А ты что слушал?

– Рок. У меня была черная кожаная куртка, а в комнате висели плакаты Aerosmith, Guns'n'Roses, Scorpions. Я чувствовал себя очень крутым.

– Тебе нравилось расти в большой семье?

– Знаешь, это не всегда праздник, как на рождественской фотографии.

Иногда было трудно. Все орут, дома бардак, младшие что-то делят между собой. И родители из поколения хиппи. У нас дома постоянно были какие-то вечеринки, люди пили, курили, танцевали. Шумно, но весело. В такие дни никто не следил, во сколько мы с Кристером ложились спать. Укладывали только маленьких. А мы могли сидеть допоздна и слушать взрослые разговоры. Но друзей я домой стеснялся приводить.

– Почему?

– Я же говорю – родители-хиппи. Папа мог ходить по дому в одних трусах. Приходишь домой с друзьями, а он стоит на кухне полуголый с сигаретой в зубах и готовит ужин. У нас же гости! Но его это не смущало.

Лида рассмеялась.

– Звучит дико, но это было не так плохо, как кажется. Сейчас я скучаю по детству и семье, стараюсь часто ездить домой. Родители развелись, у папы новая жена и маленький сын. Но с мамой они все равно дружат.

– Ты переживал из-за развода?

– Немного. Но они взрослые люди, им так лучше.

– Я не имею ничего против разводов, но мне бы не хотелось самой через это пройти.

– Мне тоже.

Над ними повисло молчание.

– Но я не хочу лишать себя семьи только из-за страха, – снова проговорил Андерс.

– Ты в любом случае долго один не останешься, – сердито ответила Лида.

– Если ты собираешься опять использовать рот для ссоры, давай я лучше тебя поцелую, – он взял ее за подбородок и развернул к себе лицом.

– Между прочим, тебе не удастся каждый раз...

Но Лида так и не договорила, потому что Андерс, пробормотав что-то по-шведски, поцеловал ее. В первые секунды она подумала, что ей стоит выучить его язык, потому что он явно сказал какую-то гадость, но вскоре мысли покинули ее: он принялся нежно покусывать ее нижнюю губу. Она оказалась во власти сладкого, почти болезненного томления и в очередной раз поняла, что никогда не сможет отказаться от его близости.

Они целовались, казалось, вечность, не спеша и играя друг с другом. Она чувствовала реакцию Андерса, и тот факт, что самого настоящего секс-символа будоражат именно ее поцелуи, доставлял Лиде еще большее удовлетворение.

Андерс гладил ее горячими ладонями, и ее нутро плавилось от переизбытка чувственности. Лида целовала его, втягивала ноздрями

мужской запах, впивалась пальцами в его тело. Он опустил бретельки ее сарафана и обнажил грудь. Лида стеснялась голубоватых вен, проступивших от беременности, но Андерса эти дорожки на молочной коже привели в исступление. Он целовал и гладил ее, бормоча что-то на шведском.

– Говори... по-английски, – попросила Лида, переводя дыхание. – И пойдём в спальню.

Андерс прижался лбом к ее груди и обессиленно опустил руки.

– Что случилось? – спросила Лида.

В ответ раздалось что-то нечленораздельное.

– Что?!

– Я говорю: так нельзя! – Андерс устало откинулся на подушки.

– Почему? – Лида накрыла ладонью натянутую ткань его шортов.

Он вздрогнул и застонал.

– Пожалуйста, не надо... Ребенок... Ты же лежала в больнице, – Андерс убрал ее руку и взъерошил себе волосы.

– Но ведь все прошло.

– Сначала ты должна сходить к врачу и узнать, можно ли тебе заниматься сексом. Я не хочу навредить ребенку.

– Ты прав, Андерс. Мне лучше пойти к себе.

– Да. Лидия?

– Что? – она обернулась.

– Пообещай, что ты сразу сообщишь мне, когда врач разрешит...

– Хорошо. Но ты разжег пламя, и кто знает, вдруг я по дороге встречу пожарных.

Андерс закатил глаза, и она вновь услышала какую-то шведскую ругань. И вновь пообещала себе вплотную заняться языком.

Глава 23

Врач оказалась приятной русской дамой, эмигрировавшей еще в девяностые. Медицинские услуги были в Штатах невероятно дорогими, и Лида мысленно поблагодарила Андерса за расширенную страховку. Она не хотела сваливать на него расходы на одежду, что периодически становилось предметом препирательств, но в вопросах здоровья он бескомпромиссно взял на себя все траты.

Ольга Анатольевна, она же миссис Баринов, изучила московские анализы и выписки Лиды, сделала УЗИ и провела осмотр. Она осталась всем довольна и дала разрешение на половую жизнь.

– Сейчас я могу сказать, что угрозы нет. Но вам все равно стоит избегать стрессов и больших физических нагрузок. Хотя в разумных пределах активность не повредит. Я бы рекомендовала плавание и прогулки. И вам пора подбирать клинику для родов.

Вдохновленная хорошими новостями, Лида поехала на встречу с подругой. С момента последнего ужина Андерс постоянно где-то пропадал, и Лида была рада развеяться.

Встреча с Аней прошла бурно, Исаева источала энергию и любопытство. Девушки не могли наговориться, а совместный поход по магазинам стал самым веселым событием за все пребывание Лиды в Америке. Они выбрали эксклюзивное вечернее платье, красивые туфли и белье. Еще в «Богеме» Лида поняла необходимость статусных вещей. Она догадывалась, что одежда с брендовой этикеткой ничем не превосходит некоторые творения молодых и неизвестных дизайнеров, но положение обязывало. Ее облик на премьерном показе должен был соответствовать Андерсу Норбергу. Лиде требовалась элегантная, утонченная вещь, которая с достоинством преподнесла бы ее голливудским акулам пера и сплетникам. Она не хотела выглядеть русской проституткой, дешевкой, охотницей. Андерс был талантлив и образован, и она мечтала выглядеть достойной этого человека. И вместе с тем публично заявить свои права на него. Дымчатое, цвета стали платье было перехвачено под грудью тонким ремешком и струилось до самых пят. Оно не предназначалось для беременных, но легкая наборенная ткань оставляла место для растущего плода. Лида осталась довольна собой и знала, что понравится Андерсу.

– Ты совсем не загорела, – внимательно оглядела подругу Аня. – Хотя в Лос-Анджелесе уже три недели! Ты ни разу не была на пляже?

– Не приходилось, – Лида пожала плечами.

– Я знаю, что мы будем делать. И никаких отговорок! Нашей команде сняли дом в районе Малибу. Ты должна поехать со мной. Давай, заскочим за купальником и сразу ко мне. С ночевкой! Накупаемся, постучишь мячом, у нас своя площадка. Небось, сто лет не попадала в корзину? Позагораем, фруктов поедим, раз уж тебе выпить нельзя.

Лида сомневалась, но ей страшно хотелось поплавать и хоть ненадолго уйти от напряжения и недосказанности.

– А это удобно? Дом же для членов команды.

– Брось, почти каждая кого-то приведет, кто-то даже парня. А у нас с соседкой есть пустая кровать. Помнишь, мы раньше на сборах и по шесть человек в комнате жили?

– Было дело. Ладно, поедем. Я на своей машине следом за тобой.

Лида погрузила покупки в багажник и замешкалась на пару мгновений, чтобы кинуть Андерсу сообщение о том, что вернется только завтра. Не дожидаясь ответа, она пристегнулась, завела машину и помахала Ане из окна.

Когда на указателях появилось первое упоминание Малибу, на телефоне под музыку высветилось лицо Андерса. Лида сняла трубку и включила громкую связь.

– Да, милый, – певуче ответила она.

– Что это значит?

– Что именно?

– Куда ты поехала? Ты же собиралась только встретиться с подругой.

– Андерс, я не спрашиваю, куда ты ходишь каждый день, если у тебя закончились съемки.

– Я бы ответил, если бы тебе было интересно. Лидия, я задал вопрос!

– В Малибу.

– Что?! Зачем?

– Я встретила с подругой, она сейчас живет там, позвала меня к себе поплавать, расслабиться. Завтра вечером я вернусь.

– Дай адрес.

– Андерс, хватит. Я не знаю адреса. И я за рулем, мне надо следить за дорогой. Завтра увидимся.

Лида сбросила звонок вовремя, потому что чуть не пропустила поворот, за которым скрылась Аня.

Это был двухэтажный белый особнячок с широкой открытой террасой. Дом кипел жизнью, отовсюду слышался женский смех, играла музыка.

– Народ, это Лидия! Она играла в моей команде в России! Лидия, это

девочки! Лиз, Джоанна, Ронда и Пэм. Остальные, видимо, на пляже.

– Привет, Лидия! – крикнули девушки, и Лида поздоровалась в ответ.

Командный дух баскетбола вызвал в ее груди ностальгический трепет. Среди американских баскетболисток Лида была, пожалуй, самой низкой. Пальцы зудели от желания ощутить упругую кожу мяча.

– А где ты играешь сейчас? – любопытствовала темнокожая девушка, которая лежала на шезлонге ближе всего к Лиде.

– Я ушла из спорта.

– Жаль. Я бы не смогла, – девушка сочувственно поджала губы.

– Ронда, я сто раз говорила тебе, что в России женский баскетбол никому не нужен, – вмешалась Аня.

– Понимаю. Даже в Америке мы находимся в тени мужского спорта.

– Ничего, нам и здесь неплохо платят, – шепнула Аня Лиде по-русски. – Хоть и не видать славы Майкла Джордана.

Потом Аня потянула свою гостью на пляж, и они пару часов балдели, качаясь на волнах. Когда зашло солнце, они вернулись в дом и ели со всеми пиццу, пока на широкой плазме шла запись последней игры. Девочки постоянно включали паузу, обсуждали спорные моменты и подкалывали друг друга. Лида наслаждалась вечером.

– Я знаю, чего ты сейчас хочешь, – игриво шепнула ей на ухо Аня.

Лида вопросительно подняла брови.

– Постучать. Я тебя знаю. Пойдем, там сейчас никого.

Исаева и правда знала Лиду, как самое себя. Несмотря на всю усталость и размякшие от купания мышцы, Лида влезла в кроссовки и вышла на свежий воздух. Высокие звезды Малибу висели на черном небосклоне, за горизонтом поднималось оранжевое зарево городских огней. Слышалась музыка. Вечер был теплым и безветренным, за деревьями шуршал океан.

Лида проследовала за подругой на огороженную баскетбольную площадку с мощным освещением. В углу лежало несколько мячей. Лида выбрала один, покрутила в руках. Хорошая кожа, пропитая. Все как надо. Упругий и тяжелый. Лида с наслаждением постучала им о землю, провела, то пригибаясь к земле, то выпрямляясь, словно уворачиваясь от невидимых соперников, и закинула в корзину. И не было в тот момент для нее слаще звуков, чем звонкие удары мяча.

– Господи, как хорошо, – Лида глубоко вдохнула.

– А руки помнят, да?

Аня подошла и взяла упавший мяч.

– Как будто никогда не отпускала.

– Давай трехочковый.

– Рискну, но вряд ли после стольких лет... – Лида отошла на нужное расстояние, приготовилась...

– Красotka! – воскликнула Аня. – Чисто прошел, даже щита не коснулся. Ну, ты даешь!

Они некоторое время кидали мяч, и Лида даже жалела, что не может отбросить осторожность и всласть побороться с Аней. Беременность вынуждала вместо живого баскетбола играть в «тридцать три».

– Помнишь, как мой дед кидал из-за спины? – спросила Лида.

– Мне ли не помнить... Как я завидовала, что у тебя такой классный дед! Мои родители до сих пор не знают, с какой стороны подойти к мячу. Они повесили кольцо у нас дома в Нью-Джерси на заднем дворе. Но мне и поиграть не с кем.

– У тебя команда целая...

– Скучаешь по деду? – Аня поймала отскочивший от щита мяч.

– Очень. Я чувствую себя черепахой без панциря. Не могу заставить себя принять какое-то решение, не хочу даже думать о будущем. И меня не покидает чувство, что я предала его, променяла на сладкую жизнь. Возможно, из-за этого я до сих пор не в своей тарелке дома у Андерса. Все кажется таким неправильным!

– Разве он тебе не нравится?

– Нравится очень сильно! Но я не владею собой рядом с ним, и это пугает.

– Так и должно быть. Стрельникова, поздно делать большие глаза и разводить сентенции. Он хороший мужик, я погуглила. Никаких пошлых скандалов, драк или толпы любовниц. Только тот факт, что он без зазрения совести демонстрирует свое тело всему миру. Но давай признаемся: ему есть что показать. Кроме того, он не отказался от тебя, а хочет наладить отношения. У вас все шансы.

– Слишком много ценителей найдется на его тело!

– Это ни о чем не говорит. Вот тебе пример: Анджелина Джоли и Брэд Питт. От каждого из них сходят с ума миллионы. Но они любят друг друга и воспитывают кучу детей. Не каждый красивый мужчина – кобель.

– Ты права. Андерс кажется очень щепетильным и порядочным.

– Вот и не морочь голову. Ни ему, ни себе, ни мне.

– Исаева, ты же знаешь, как я ненавижу принимать решения!

– Считай, я решила за тебя. Пойдем, тебя надо уложить, пока ты окончательно не снесла мне крышу.

– Эй! – Лида пихнула подругу локтем. – Это было грубо!

- Иди-иди, радуйся, что я не стану драться с беременной женщиной.
- Хорошо, только возьму телефон, кажется, я забыла его в машине.

Лида хотела написать Андерсу, что у нее все в порядке, и рассказать о визите к врачу, но семь пропущенных вызовов от него испортили ей все настроение. Она перезвонила, понимая, что получит по шапке.

- Лидия! Ты в порядке? – услышала она взволнованный голос.
- Да, я просто оставила телефон в машине.
- Я не знал, что думать! Ты пропала, ничего толком не объяснила, с тобой могло случиться что угодно!
- Извини, мне надо было раньше позвонить. Но я же предупредила, что буду в Малибу и завтра вернусь!
- Мне следует тебе подарить шнурок для телефона! Чтобы ты всегда носила его на шее.

- Но ведь ты сам постоянно пропадаешь где-то...
- Я встречаюсь с агентом, просматриваю сценарии и хожу в спортзал, потому что мне надо, черт возьми, на что-то отвлечься.

- Почему?
- Потому что я не могу находиться рядом с тобой и не прикасаться к тебе! Еще пара дней холодного душа, и у меня будет воспаление легких.

– Нет, – Лида не могла сдержать торжествующую улыбку. – Я приеду завтра вечером, и мы поговорим.

- О чем?
- Прояви немного терпения.
- Боюсь, ты извела все мои запасы.
- Я буду хорошей девочкой.
- Тогда увидимся завтра. Я надеюсь, там нет пожарных?
- Нет, только баскетболисты. Сохраняй спокойствие.
- А ты не забывай про телефон.

Лидия улыбнулась. Он переживал за нее! И хотел ее. Будь он плейбоем, давно бы утешился на стороне. И Лида твердо вознамерилась наградить его за терпение.

Однако вечером следующего дня, когда она зашла с пакетами обновок в дом Андерса, исполненная игривыми помыслами, то наткнулась на незнакомого мужчину. Смуглый, с черной бородой и горбинкой на носу, он был бы похож на жителя Саудовской Аравии, если бы не льняные брюки и футболка Hard Rock Cafe.

- Привет, – невозмутимо поздоровался он на английском.
- Привет, – протянула она.
- Вам помочь?

- Простите?
- Ваши сумки, – где-то в недрах бороды мелькнули белые зубы.
- О, нет, спасибо, – Лида лихорадочно пыталась сообразить, как повести себя деликатно, но остаться при этом в безопасности.
- Я – Фарух, – представился незнакомец.
- Рада познакомиться! Я – Лидия. А где Андерс?
- Он вышел позвонить. Вы – та русская журналистка? – он выразительно окинул взглядом ее живот.
- Да. А вы?..
- Фарух говорил с акцентом, но не арабским, и Лида пыталась хоть как-то угадать его происхождение.
- Я старый друг Андерса. Мы дружим уже много лет. Если честно, я удивился, когда узнал, что он станет отцом. Согласитесь, эта история выглядит подозрительно.
- Не думаю, что собираюсь обсуждать это с вами, – Лида опустилась на диван и положила ногу на ногу.
- Я не обвиняю вас, – Фарух сел напротив. – В жизни случается много необычного. Я доверяю Андерсу. В конце концов, он не всех женщин тащит в постель, значит, он что-то в вас увидел.
- Я все же считаю, что это должно остаться между мной и Андерсом.
- Как хотите. Но Андерс – мой друг, и мне не хотелось бы, чтобы он в этой ситуации пострадал. Он слишком серьезно относится к своим обязанностям перед вами. Случись такое со мной, я бы ограничился алиментами.
- Будь спокоен и плати налоги?
- Что-то в этом роде. Его родные обеспокоены данными обстоятельствами. Будьте уверены, он никогда бы не оставил своего ребенка без средств к существованию. Может, не стоит пытаться еще и влюбить Андерса в себя? Это жестоко.
- Вдох и выдох. Лида сцепила пальцы, сдерживая приступ гнева.
- Я не знаю, почему продолжаю этот разговор, мистер... Фарух. Вам не приходило в голову, что эта ситуация осложнила жизнь прежде всего мне? Мне очень жаль, что родственники Андерса обеспокоены. Но не им пришлось лишиться карьеры и единственного близкого человека. И не их, и не Андерса будет поливать грязью пресса. Я слишком дорого заплатила за знакомство с ним. Уверяю вас, я в состоянии вырастить своего ребенка сама. Но если Андерс хочет быть рядом, когда родится его сын, то никто не вправе ему это запретить.
- Да вы боевая! Теперь я вижу, почему вы ему понравились. Но

подумайте над моими словами. Андерс относится к браку и детям очень серьезно. Мне бы не хотелось снова собирать его по кускам. А вот и он!

– Лидия! Ты уже познакомилась с Фарухом? Я не предупредил тебя, но я и сам узнал, что он в Лос-Анджелесе, только сегодня. Мы собирались перекусить, ты с нами?

– Нет, извини, я лучше пойду к себе.

– Ты в порядке?

– Конечно.

– Ты о чем-то хотела поговорить?

– Нет-нет, в другой раз. Ничего важного.

И Андерс с Фарухом ушли, а Лида осталась в оглушающей тишине, пытаясь осмыслить слова *«снова собрать его по кускам»*.

Глава 24

Она проснулась в несветлую рань совсем разбитая. Всю ночь она вертелась и не могла уснуть. Отповедь Фаруха не давала ей покоя. Сначала Лида прокручивала в голове разные способы поставить его на место, потом жалела себя, ведь родственники Андерса наверняка возненавидят ее. И, наконец, гадала, кто же мог разбить его сердце в прошлом. Он не упоминал о несчастной любви ни в одном интервью, а дешевые сайты и блоги о знаменитостях молчали. Вероятно, эта история произошла еще до Голливуда.

Лида вышла на кухню, чтобы заесть невеселые мысли чем-то сладким, и очень удивилась, когда увидела Фаруха спящим на диване. Идея отомстить или хотя бы как следует врезать обидчику промелькнула в сознании Лиды. Рука Фаруха свободно свешивалась, и Лиде на мгновение страшно захотелось достать миску с теплой водой. Но диван было жалко. И любопытство взяло верх.

Лида решила во что бы то ни стало задобрить Фаруха, чтобы выяснить, что за скелет выглянул из шкафа Андерса. Она включила кофеварку и взялась за омлет по рецепту Глории. Колумбийка готовила убийственно вкусно, поэтому Лида всегда старалась взять у нее несколько кулинарных уроков.

Она приготовила тосты, выложила на блюдо порцию омлета с сыром, шампиньонами, помидорами и базиликом, украсила свежей зеленью и перчиком чили. Поставила на стол горячий кофе с корицей и мускатным орехом и уселась на барный стул чистить себе манго. Ей не пришлось долго ждать: запахи заставили Фаруха завозиться и открыть глаза. Было похоже, что он пытается вспомнить, где находится и что происходит.

– Доброе утро, – произнесла Лида.

– Доброе... утро, – последовал хриплый ответ.

– Вы, наверное, голодны?

– Вы предлагаете мне завтрак? – он сел и опустил ноги на пол. – После того, что я вам сказал? Хотите меня отравить?

– Вы всегда ждете от людей худшего, Фарух? Друг Андерса – мой друг. Попробуйте, я хорошо готовлю.

Фарух смотрел на нее со смесью удивления и подозрительности. Лида пожалала плечами и отправила в рот кусочек сочного фрукта. Фарух сдался.

– Подождите, я сейчас.

Он вернулся спустя минуту, приведя себя в порядок, сел напротив Лидии и придвинул тарелку с омлетом. Лида ждала.

– Это нечестная игра, – сказал он, уничтожив половину порции. – Признавайтесь, чего вы от меня хотите.

– Ничего, кроме правды. Я хочу знать, почему Вам пришлось «собирать Андерса по кускам».

– Так я и знал. Женское любопытство!

– Это не любопытство!.. Не знаю. Может быть. Отчасти... Фарух, вы наговорили мне много неприятных вещей вчера. Я не спала ночью. Вы как минимум должны мне объяснения!

– Хорошо, – Фарух вздохнул. – Простите, я был резок. Я не собирался нападать на вас, но когда вы явились вчера из Малибу с брендовыми пакетами... Вы были похожи на обычную содержанку.

– Я никогда не брала у Андерса денег на одежду! До этого случая, потому что он сам пригласил меня...

– Я знаю, теперь знаю. Вчера он весь вечер рассказывал о вас.

– Вы сочтете меня слабым человеком, но мне важно мнение других людей. И если с мнением журналистов и фанатов, которые поливают меня грязью в Интернете, я готова смириться, то мне необходимо заслужить уважение родных и друзей Андерса. Поэтому я могу показать вам свой гардероб. Там нет ни меха, ни бриллиантов.

– Лидия, успокойтесь. Я не считаю, что женщина должна ходить в одних джинсах. Расскажите мне немного о себе, а в ответ я раскрою некоторые тайны Андерса, – он накрыл ее ладонь своей, но Лида тут же убрала руку.

– Спрашивайте.

Она рассказала ему о своей последней работе, о семье и баскетбольном прошлом. К этому времени Фарух расправился с завтраком, и они переместились на свежий воздух.

– Ему тогда было двадцать с небольшим, – начал Фарух свою ответную историю. – Он вернулся с флота, некоторое время жил дома и встретил девушку. Она училась на дизайнера, подрабатывала официанткой. Ее звали Катя. Они встречались несколько месяцев, он влюбился в нее, как мальчик. Познакомил с семьей. У него были большие планы. Потом он поступил в английскую школу искусств. И домой стал приезжать редко. Я учился вместе с ним, мы жили в одном общежитии. Я был единственным его соотечественником, и мы подружились.

Лида удивленно посмотрела на Фаруха.

– Вы... швед?

– Да, я тоже шведский актер, – он засмеялся. – Мои родители эмигрировали еще до моего рождения.

– Так вот откуда этот знакомый акцент! Он шведский!

– Правильно. Но мы говорили об Андерсе. Он целыми днями рассказывал о своей девушке. Отсылал ей открытки, небольшие подарки. Мечтал пригласить ее в Лондон и сделать предложение. Но однажды, когда он вернулся домой на каникулы, ему сказали, что Кати уехала в Германию с родителями. Она даже его не предупредила! Через знакомых он нашел ее контакты, позвонил, и она сказала, что все кончено. Она даже удивилась, что он, будущий актер, всерьез воспринимал их отношения. Такие красавчики созданы для развлечений... По-моему, она сказала ему что-то в этом духе.

Лидия удивленно молчала.

– Похоже, он принял ее слова за инструкцию, – продолжил Фарух. – В любом случае, у него не было серьезных отношений с тех пор. Он стал скрытным и больше мне ничего не рассказывал о своих женщинах. До вчерашнего дня. И тот факт, что его восторженная болтовня относилась к случайной беременной русской девушке, меня сильно напугал. Вы же понимаете, что женщины из России – это... особая категория.

– Проститутки? Вы это хотели сказать?

– Не совсем. Охотницы за гражданством. В Швеции это распространенная проблема. Русские девушки стремятся очаровать, выйти замуж, а после получения гражданства исчезают. Теперь по закону русские жены получают гражданство только через два года после свадьбы.

– Понимаю. А вы знаете, что в России ходят легенды о скупых шведских мужьях?

– Женщинам, которые в браке с иностранцем рассчитывают только на шубы и драгоценности, щедрым покажется только арабский шейх.

– Вы правы. Так или иначе, браки между представителями разных культур редко заканчиваются хорошо. Я разделяю ваши опасения и стараюсь не планировать совместную жизнь с Андерсом.

– Нет? Но почему?! Он ведь уже...

– Что?

– Ничего. Но ответьте на мой вопрос!

– Вы переживаете, что я не подхожу Андерсу. И вы, возможно, правы. Но я не уверена, что он подходит мне.

Фарух смотрел на нее, как будто увидел единорога.

– Я хочу семью, Фарух. Детей, дом, настоящую большую семью, которой у меня никогда не было. И я хочу мужа, который любил бы только

меня. Андерсу ничего не стоит стянуть штаны на экране, и я не знаю, сколько раз он делал это за кадром. Он – самый сексуальный мужчина, которого я когда-либо видела, он лишает меня воли. Сейчас я рядом с ним, и я счастлива. Но я не хочу каждый день с ужасом ждать момента, когда ему станет со мной скучно.

– Вы совершенно не знаете Андерса! И относитесь к нему так же, как Кати!

– Неправда! Я бы ни за что так с ним не поступила!

– Но вы говорите, как будто он временное развлечение для вас!

– Я пытаюсь не допустить, чтобы все стало слишком серьезным!

– Вам не приходило в голову, что уже поздно?! – рявкнул Фарух. – Послушайте, я думал, что Андерс попал в лапы хищницы, а теперь вижу, что вы – идиотка!

– Как вы смеете?

– Вы вешаете на человека ярлыки только из-за того, что видите на экране! Андерс разделяет работу и жизнь. Для фильма он готов накачаться, похудеть, побриться наголо и да, снять штаны. Если он взялся за сценарий, он сделает все, что нужно. Но к его личной жизни это отношения не имеет! Андерс всегда хотел семью. И вы его не лишите этого только из-за своих предрассудков! Даже не думайте однажды сбежать с ребенком!

Фарух пугал ее. Он мог сколько угодно считать себя шведом, но сейчас Лида не удивилась бы, достань он из кармана изогнутый клинок.

– Извините, – пробормотал Фарух. – Я не собирался на вас кричать.

– Все в порядке. Можно у вас кое-что спросить?

– Нет, я никогда не бил женщин.

– Я не об этом, хотя спасибо, вы меня успокоили. Я знаю, что Андерс – футбольный фанат. Он обожает какой-то шведский клуб, но я не смогла запомнить название. Я хотела сделать ему сюрприз ко дню рождения и подарить что-то особенное, что он смог бы оценить.

– Неплохая задумка. Вы меня впечатлили. У вас под рукой телефон? Я отправлю вам адрес сайта.

Разговор об увлечениях Андерса заставил арабского шведа оттаять. И к моменту, когда сам Андерс появился на балконе, Лида и Фарух общались вполне непринужденно. Однако от приглашения провести вместе день она снова отказалась под предлогом срочных статей.

Оставшись наедине с собой, Лида принялась изучать любимую команду Андерса. И чем дальше, тем отчетливее проступал в ее сознании план. Несколько дней Лида намеренно избегала Андерса, ссылаясь на подготовку к премьере. Она в мелочах продумала свой сюрприз и с

трепетом ожидала дня икс.

26 августа она завела будильник на шесть утра, чтобы спокойно завершить все приготовления. Надула гелием из одноразового баллончика белые и зеленые шарики (цвета его любимой команды), развесила в гостиной поздравительный плакат, который рисовала два дня, вынула из холодильника коробку с тортом. Она испекла его накануне под руководством Глории и постаралась спрятать за пакетами с соком и пивом. Они несколько раз обмотали коробку скотчем, надеясь, что Андерс не станет туда заглядывать. Скотч был в целости, и Лида аккуратно распаковала свое творение. Это был шоколадный бисквит со свежей малиной и кремом из рикотты.

С тортом в руках и в футболке с логотипом шведского клуба на голое тело Лида прокралась в спальню Андерса. Она была донельзя довольна собой. Встав по стойке смирно, Лида начала на шведском распевать гимн команды. Ей стоило нечеловеческих усилий не расхохотаться и допеть до конца, глядя, как Андерс ошалело сидит в постели.

– С днем рождения, Андерс! – заявила она, вытянув последний куплет. – Надеюсь, я ничего не перепутала, шведский – ужасно сложный язык.

– Спасибо, но... откуда ты знаешь эту песню?

– Секрет. Можно мне угостить тебя сладким? Я сама испекла. Видишь, малина с кремом, как ты любишь.

– Лидия, мне еще никто не устраивал такого праздника! Фантастика! Спасибо, я даже не ожидал! Я очень хочу попробовать торт, подожди, дай мне две минуты на душ.

Андерс выскочил из кровати и исчез в ванной. Лида даже не успела снять футболку и сообщить о другом приятном подарке. Она поставила торт на ночной столик и на цыпочках проследовала за Андерсом, чтобы исправить упущение.

– Я надеюсь, у тебя не слишком горячая вода? – поинтересовалась она, открывая дверцу душевой кабины.

– Что ты делаешь?!

– Видишь ли, когда я ходила к врачу узнать, можно ли мне заниматься сексом, – Лида шагнула к нему и позволила футболке намокнуть, чтобы продемонстрировать отсутствие белья, – он крайне не рекомендовал горячие ванны.

– Что... – Андерс замороженно смотрел, как мокрая ткань липнет к ее груди. – Что он сказал по поводу секса?

– Дай подумать, – Лида изобразила размышления. – Кажется, он

сказал, что это просто необходимо для моего здоровья. Регулярный, жаркий, дикий...

Договорить ей помешал язык Андерса.

Чуть позже они лежали на кровати, сплетясь в клубок, и Лида чувствовала, как подрагивает его тело после пережитой страсти. Словно отдаленные раскаты грома после грозы.

– Знаешь, с нашей первой встречи я не переставал об этом думать. Со временем я пытался убедить себя, что преувеличиваю и это просто не могло быть настолько хорошо.

– А сейчас?

– Сейчас мне кажется, что лучше со мной ничего за всю жизнь не случилось. Это было настолько мощно и прекрасно... Я понимаю, почему не выдержал тот презерватив, – Андерс перевел дыхание. – А ты?

– Что?

– Ты это чувствуешь?

– Я возбуждаюсь от одного твоего голоса. Я знала, что это будет невероятно, но представить себе не могла, что настолько.

– Лидия... – он нежно потерся губами о ее шею.

– Подожди! Ты должен попробовать свой торт.

– Прямо сейчас?

– Да.

– Хорошо, но пообещай мне, что с этого дня ты будешь спать здесь.

– Ты этого хочешь?

Андерс выразительно показал глазами на утвердительный ответ.

– Ладно. Но сегодня мне придется тебя оставить, чтобы подготовиться к премьере. Салон красоты, парикмахер...

– Черт, она же сегодня! Когда ты зашла сюда, у меня все вылетело из головы. Дай мне полчаса, женщина, и я смогу мыслить здраво.

– Но не больше, – Лидия откинулась на подушки и лениво потянулась.

– Если хочешь попасть на премьеру, больше так не делай...

И он снова накрыл ее своим телом. Время пошло.

Глава 25

Лида не раз появлялась на светских мероприятиях в Москве по долгу службы. Ей приходилось видеть и толпы фанатов за ограждениями, и красную ковровую дорожку отечественного разлива, и закрытые корпоративные мероприятия в элитных клубах. Форма без содержания, яркая упаковка без подарка. Огромные траты на несусветную глупость вроде ледяных скульптур, фейерверков, цветов и деталей интерьера. Все это заставляло ее презирать новоиспеченных звезд и нуворишей. Денежный эксгибиционизм и ничто другое. Русские всегда были склонны к показухе.

Премьерный закрытый показ новой серии «Мертвой крови» с последующим банкетом предназначался, несомненно, для сливок общества. Руководство канала праздновало выход заключительного сезона и одновременно завершение съемок. Это был финальный аккорд в семилетней истории сериала, покоровшего многомиллионную аудиторию.

Перед входом в один из лучших отелей Лос-Анджелеса был организован проход между толпами поклонников и папарацци, ведущий к площадке для фотосъемки. Фоном служили рекламные щиты с логотипами канала.

Лида и Андерс подъехали к началу дорожки на тонированном лимузине с водителем: это соответствовало статусу и позволяло Андерсу выпить на банкете. Он вылез первым, и Лида услышала бешеный рев толпы. Визги, выкрики его имени и имени его персонажа, – все сливалось в грохочущую звуковую волну. Андерс отступил и подал Лиде руку. Затолкав страхи поглубже, она со всей грацией, которая у нее была, подобрала подол и вышла из машины. Ее слепили вспышки, но она была готова. Надев лучшую свою улыбку и расправив плечи, она проследовала за Андерсом. Он останавливался, чтобы дать автограф, благосклонно слушал комплименты и поздравления с днем рождения, шутя ответил на пару вопросов. Лида же просто улыбалась камерам. Она знала, что выглядит хорошо: ей уложили волосы волнами, сделали безупречный макияж, и восторг Андерса прибавил ей уверенности.

В клочкотании толпы она различила несколько выкриков «Он не твой!», «Оставь его!», «Русская дрянь!», но осталась на удивление равнодушна. Истеричные вопли были настолько бессильными и ничтожными, что она вдруг ясно поняла, почему ей не стоит бояться армии его поклонниц. Они

источали яд в интернете, пускали пену изо рта, орал из-за ограждений, писали безумные письма, но в его жизни не значили ничего. Лида понимала, что Андерс слышал эти крики, но даже не подал виду.

Они прошли к рекламным щитам и остановились, чтобы позировать фотографам. Андерс по-хозяйски обнял ее за талию.

– Мистер Норберг, вас можно поздравить? – спросил кто-то из журналистов.

– Да, я скоро стану отцом, – Андерс обнажил зубы и гордо положил руку на Лидин живот.

– Значит ли это, что мы скоро услышим о вашей свадьбе?

– Мы с Лидией хотели бы пока сохранить дату нашей свадьбы в секрете, – и он прижался к ее губам.

Лида слышала, как щелкают вспышки, и понимала, что завтра эти снимки увидят свет. Вероятно, он просто пытался сохранить ее доброе имя, но Лида была рада публично заявить свои права на Андерса Норберга. Счастливыми глазами она перехватила его взгляд и прильнула к крепкому шведскому торсу.

Вопросы о браке посыпались как горошины, но Андерс предупредительно поднял руку.

– Без комментариев! – они вошли в отель.

Во время показа Андерс держал Лиду за руку, нежно поглаживая ладонь большим пальцем. Его герой на экране одним движением вырвал сердце какому-то бедолаге, и Лида удивилась таланту Андерса перевоплощаться. Как он смог найти внутри себя эту жестокость? Как ему удалось изобразить существо, прожившее более тысячи лет? Андерс Норберг дышал своей работой, и Лида гордилась им. Мало кто может найти свое призвание и следовать ему несмотря ни на что. Неужели она была бы рада браку с офисным клерком, изо дня в день тянущим свою серую лямку? Чего стоит надежность среднего класса, если ты не можешь увидеть мир? И пусть она не знала, как устроить собственную карьеру, созвучную его ритму передвижений, но разве присутствие в жизни цельного и счастливого человека не сделало бы счастливой ее саму? Разве жена декабриста – не призвание само по себе?

Лида взглянула на Андерса: в его глазах поблескивал свет экрана.

– Я так горжусь тобой, – шепнула она и почувствовала, как он благодарно сжал ее пальцы.

Потом Андерс познакомил ее с коллегами по цеху. Эти люди, чьи снимки пестрели в глянцевого изданиях всего мира, оказались на удивление легки в общении. Фотограф Вася Марков оказался прав: чем ниже статус

знаменитости, тем больше она о себе думает. Это касалось многих российских звезд, готовых заплатить за любое упоминание в прессе, но изображающих снисходительную усталость от мнимых толп фанатов и папарацци. Лиду поразила неформальная обстановка и дружелюбие главной актрисы сериала. Вопреки собственным ожиданиям, она не почувствовала ревности к женщине, которая снималась с Андерсом в откровенных сценах. Эмма Торнвуд была открытой и обаятельной, и они с партнером по фильму перешучивались без намека на сексуальный подтекст.

За семь лет люди стали Андерсу рабочей семьей. Он рвался в кино не ради славы, а ради удовольствия от творчества и новых людей. Наверное, каждый фильм давал ему что-то, и Лида была рада этому открытию.

Билл Уинтерс, у которого она не так давно брала интервью, узнал ее и подошел поздравить с ребенком. Он не проявил ни капли осуждения, даже сделал несколько комплиментов и шутливо посетовал, что не встретил ее первой.

– Если бы мне сказали, кто будет представлять российский журнал, я бы прилетел в Москву задолго до Норберга, – заявил он.

– Мне жаль вас разочаровывать, Билл, – улыбнулась Лида, – но я рожаяю не для каждого вампира.

– Она – моя, – голосом своего сериального персонажа вмешался Андерс, и они засмеялись.

Вся эта болезненная история вдруг показалась милой и забавной. Вполне себе романтичной и совершенно не стоящей мук совести. Андерс все время был рядом, всячески демонстрируя свою привязанность. И Лида смогла расслабиться.

На следующее утро она проснулась в его постели, довольная жизнью. Они не могли оторваться друг от друга. Лида старалась впитать в память каждое мгновение.

– Ты такая красивая, – шептал Андерс. – Вчера я умирал от гордости, что ты – моя женщина.

– Ты тоже ужасно хорош собой. Даже на большом экране у тебя нет ни единого недостатка.

– Теперь ты будешь видеть меня по утрам, Лидия. И поймешь, что я не идеален.

– Тише! – она прижала палец к его губам. – Не наговаривай на моего мужчину.

– Мне нравится, как это звучит, – довольно промычал он в ответ и забрался руками под ее одеяло.

– Андерс, подожди! Уже пару дней мне кажется, что я чувствую шевеления малыша. Они совсем легкие, как будто внутри меня лопаются пузырьки. Сейчас я снова это чувствую, может быть, и тебе удастся?

Андерс откинул одеяло и положил ладони на ее округлый живот.

– Вот здесь, – она немного сдвинула его руку.

Они замерли. Какое-то время ничего не происходило, и Лида решила, что ей показалось. Но вот снова кто-то будто тронул ее изнутри. Андерс посмотрел на нее и кивнул.

– Привет, малыш! Я – твой папа, – нежно обратился он к животу.

Ребенок в ответ снова пошевелился, и у Лиды защемило в носу. Андерс поцеловал ее бережно, и она расплакалась. Он гладил ее по голове и говорил что-то по-шведски. Его язык звучал размеренно, он успокаивал и ласкал. Недаром на шведском были написаны лучшие детские книги. Из Андерса выйдет хороший отец.

– Лидия, я должен тебе кое-что сказать, – он вновь перешел на английский. – Мне предложили съемки в Нью-Йорке. Я собираюсь согласиться. Это займет два-три месяца.

Лида вздохнула. Рано или поздно это должно было случиться.

– Понятно.

– Ты хочешь поехать со мной?

– Правда?

– Да. Я планирую снять квартиру на Манхэттене, ты сможешь посмотреть центр города. Мы могли бы ходить на выставки и концерты, я очень люблю Нью-Йорк. Осенью он особенно красив.

– У меня только один вопрос.

– Какой?

– Там будет большая кровать?

– Женщина, ты ненасытна!

– Это все гормоны.

– Ты просто не можешь передо мной устоять. Я сегодня же закажу нам билеты.

После завтрака Лида устроилась с ноутбуком на балконе: она уже несколько дней почти не притрагивалась к работе. Андерс обещал приготовить ужин и уехал за продуктами, а Лида успела написать пару статей для строительной компании Виталика. Ей не хотелось терять небольшой, но стабильный источник дохода.

Не удержавшись от искушения, Лида пролистала несколько новостных порталов вроде «Голливудского репортера». Заголовки «Андерс Норберг с невестой» или «Андерс Норберг собирается покончить с холостяцкой

жизнью» немало польстили ее самолюбию. На снимках она вышла очень недурно: ее красило и платье, и беременность. Она действительно выглядела невестой Андерса Норберга.

Ей захотелось порадовать его, стать ему еще ближе, и она зашла на сайт репетиторов, чтобы найти преподавателя шведского языка. Густаф, студент из Стокгольма, предлагал свои услуги по скайпу всего за двадцать пять долларов в час, и Лида написала ему. Воображение уже рисовало ей, как она поздравит Андерса с Рождеством на его родном языке, а он удивится и будет восхищен ею.

Вечером, после сочных фирменных стейков Андерса с овощами и домашней сальсой Глории, они смотрели «Дорогу» Феллини. Лида никогда прежде не видела этого фильма, и он тронул ее до глубины души. Андерс рассказывал ей о знаменитом режиссере, о его жизни и идеях: это была одна из любимейших картин Андерса.

Они сидели в полумраке и прислушивались к шевелениям малыша, глядя на звездное небо Лос-Анджелеса сквозь стеклянные стены.

– Доктор сказал, что мне надо решить, где я буду рожать. Что ты об этом думаешь?

– Я хотел предложить тебе Стокгольм. Там рожала жена моего брата, они знают хорошего врача. И клиника современная.

– А где ты будешь в это время? Я должна родить в начале января.

– В ноябре съемки в Нью-Йорке закончатся, и я возьму перерыв до весны. У меня есть квартира в Седермальме, недалеко от дома моей мамы. Там тихо, уютно, нет папарацци. Я хочу, чтобы мой сын был гражданином Швеции. Там моя семья. И мама сможет сразу познакомиться с внуком. Ты не против?

– Хорошо. Но что потом?

– Мы могли бы вернуться сюда. Я продолжу работу. Конечно, иногда мне придется уезжать, но если надо будет ехать надолго, я мог бы брать вас с собой.

Лида кивнула. Пожалуй, это было оптимальным решением.

– И я хотел бы присутствовать на родах, – продолжил Андерс.

– Я даже боялась тебе это предложить.

– Почему?

– Мне неловко от того, что ты можешь там увидеть. Хотя рядом с тобой мне было гораздо спокойнее. Тогда, в больнице.

– Я хочу видеть рождение сына. Думаю, это будет самое яркое событие в моей жизни. Может, нам стоит пойти на какие-нибудь специальные курсы?

– Я подыщу что-нибудь в Нью-Йорке. Я тоже думала об этом, ведь я понятия не имею, что делать с младенцами.

– Правда?! – Андерс выглядел удивленно. – Но в этом нет ничего сложного. Моя сестра родилась, когда мне было шестнадцать. Через два месяца мама вышла на работу. Конечно, у нас была няня, но я часто сидел с Элин. Ей нравилось слушать мою любимую музыку, наверное, поэтому она выросла такой взбалмошной. Мне повезло, что в ее подростковые годы я жил Америке.

– Ты преувеличиваешь.

– Нет, она сущее наказание.

Лиде было уютно с Андерсом. В нем было что-то родное, отчего одно его присутствие казалось защитой от внешнего мира.

– Андерс? – сказала она после длительного молчания.

– Да?

– А ты уже думал об имени? Для ребенка?

– Думал, но ничего пока в голову не пришло. Это должно быть что-то международное. Имя, которое используют и в Швеции, и в России, и в Америке.

– Марк? Виктор?

– Да. Но эти мне не нравятся.

– Давай выпишем все интернациональные имена и проголосуем?

– До родов еще столько времени... Лучше подождем его появления и что-то придумаем. Но в нашей семье у всех три имени. Я – Андерс Йоран Магнус. Мой средний брат – Кристер Оке Стефан, сестра – Элин Мона Бригит.

– Красиво. Пусть и у нашего ребенка будет три имени. А в России у него было второе имя по отцу – Андерсович. То есть сын Андерса.

– Как Андерсон?

– Да.

– Андерсо-витч?

– Да.

– Что-то сербское.

– Так во всех славянских языках.

– Значит, у него будет четыре имени? Богатый малыш.

– Ты хоть представляешь, что он с рождения будет знать три языка?

– Я уже им горжусь.

Андерс взял ее за руку, и Лиде подумалось, что они, возможно, и в старости будут сидеть вот так вместе и любоваться ночным небом. И словно разделяя ее радость, малыш легонько шевельнулся внутри.

Глава 26

Осень в Нью-Йорке всегда манила туристов. Центральный парк окрашивался цветами Ван Гога. Было приятно поваляться на газоне, греясь в последних теплых лучах. Лида привыкла брать с собой ноутбук с работой в парк, пока Андерс пропадал на съемках, а потом они вместе гуляли, ужинали и наслаждались друг другом. Это был растянутый вдвое медовый месяц.

Иногда Андерс водил ее на выставки или модные театральные постановки. Фотографы в Нью-Йорке, конечно, были, но без докучливого упорства голливудских папарацци. Время от времени в Сеть просачивались снимки, где Лида с Андерсом сидели в кафе или миловались в парке. Пару раз Андерс вытащил ее на официальные мероприятия, и чем дальше, тем спокойнее она там себя чувствовала. Он познакомил ее с друзьями: своей хипстерской внешностью и увлеченностью арт-хаусом они меньше всего походили на голливудскую элиту. Как Европа отличается от Америки, как отличаются Дживс и Вустер от Бивиса и Баттхеда, – так был непохож Нью-Йорк на Лос-Анджелес. И Андерсу в Большом Яблоке явно дышалось свободнее.

Иногда к компании присоединялся Фарух. Он заметно потеплел к Лиде, возможно, Андерс рассказал ему про свой день рождения.

Весь октябрь по выходным они ходили на курсы для молодых родителей. Раньше Лиде никогда не доводилось бывать на курсах для беременных. Поэтому сравнить было не с чем. И она не знала, везде ли подготовка к родам превращалась в возвышенно-восторженное безумие или только здесь, в Штатах.

Курсы вела какая-то дама неопределенного возраста. На Манхэттене ее почитали за гуру для родильниц. Возможно, со своим унылым российским прошлым Лида еще не успела пресытиться благами цивилизации, как эти несчастные капиталисты. Так или иначе, их повальной тяги к природе Лида не понимала.

Да, она не стала бы выбрасывать мусор в лесу. И не купила бы манто из шкурок маленьких зверьков. И конечно, она знала, что свежий салат лучше фастфуда. Но здесь, в сердцевине Большого Яблока, на курсах для молодых мам, забота об экологии была возведена в статус религии. Все фанатично обсуждали новые экомаркеты и соковые бары, новые травяные чаи и вегетарианские рецепты.

В первый раз, когда они пришли туда, Лида подозрительно спросила Андерса:

– Ты уверен, что нам сюда?

– Мои друзья сказали, что она – лучшая!

И Лида смирилась. Чего еще она могла ждать от друзей Андерса? От этих модников, тщательно имитирующих небрежность финских лесорубов? Здесь, в отличие от Лос-Анджелеса, в тренде были не звучные бренды с их роскошными платьями и идеально скроенными костюмами, а странные дизайнеры. Причем странность котировалась прямо пропорционально популярности. Фетровые шляпы, штаны на подтяжках, клетчатые рубашки, сумки из конопли и платья, к которым, казалось, только приблизишься, и сразу почувешь запах нафталина.

В каком-то таком длинном и цветастом платье принимала будущих мамочек и ведущая курсов. На шее рядами висели бусы, наверняка сделанные руками детей из стран третьего мира. Когда разговоры о единении с собой достигали апогея и Лиду начинало клонить в сон, она отвлекалась на эти бусы и старательно их пересчитывала.

На курсах рассказывали, как важно почувствовать энергию внутри себя, как надо погружаться в медитативное состояние и обмениваться потоками с партнером. Дама с бусами говорила, что, наладив глубинный контакт друг с другом, пары смогут благоприятно пережить процесс рождения ребенка, сосредоточившись не на боли и стрессе, а на своих эмоциональных связях.

Во время подобных пассажей Лида косилась на Андерса. Он невозмутимо слушал.

– Мне интересно, – спросила она однажды, когда они прогуливались по Центральному парку после очередного занятия. – Ты что, в это веришь?

– А что тебя удивляет? – он хитро прищурился.

– Ты же агностик. Я имею в виду, ты весь из себя скептик, ты не веришь в Бога, у тебя мама – врач, а сам ты служил на флоте. Я всегда считала тебя серьезным парнем.

– И?

– И ты веришь в эту невообразимую чушь про энергетические потоки? Серьезно?

Он выдержал многозначительную паузу и улыбнулся.

– Нет, конечно. Но иногда она говорит дельные вещи.

– Какие? Единственное, что я помню сейчас из этих курсов, – это сколько бусин у нее на шее.

– Шестьдесят восемь в нижнем ряду, сорок пять в среднем и двадцать

девять или тридцать в верхнем. Там сложно, волосы мешают.

– Ты тоже считал, – она засмеялась. – А я думала, тыловишь каждое слово.

– Я рад, что мы вместе проводим время. Это недалеко от нашей квартиры, она учит правильно дышать и купать младенца. Что еще тебе нужно от этих занятий?

– Не знаю. По-моему, в Интернете есть все, что нужно.

– Не будь занудой. К тому же в Интернете я уже все посмотрел.

И они продолжили посещать эти душеспасительные курсы.

Лида словно попала в стадо тюленей. Неуклюжие, со странной походкой вперевалку и круглыми тяжелыми животами, они садились на подушки на пол и учились пропевать схватки. Приятными оставались два момента: руки Андерса на ее пояснице и тот факт, что ему приходится слушать ее пение. Он тактично молчал, но она-то свой голос знала с детства, поэтому отлично представляла себе, как мучительно съезживаются его барабанные перепонки. Американские колыбельные ей в один прекрасный день надоели, поэтому она не упустила возможность на одном из занятий сольно исполнить гимн России и даже успела в полнейшей тишине закончить второй куплет, прежде чем дама с бусами деликатно попросила ее вернуться к общему репертуару. Но вечером, лежа в кровати, Лида еще долго хохотала, вспоминая, какое было у Андерса выражение лица, когда она вдруг принялась воспевать могучую державу.

Она пыталась найти себе на курсах хоть какую-то подругу по развлечениям, потому что никак не могла поверить, что взрослые люди вокруг нее воспринимают энергетические потоки всерьез. Ей казалось, что эти женщины настолько сильно тянутся к природе, что отвези их кто-нибудь рожать в лес, и не будет на свете никого счастливее.

Ирония заключалась в том, что эти любители живой природы обитали в одном из крупнейших мегаполисов мира.

Справедливости ради стоит сказать, что курсы давали Лиде и что-то полезное. Во всяком случае, ей удалось потренироваться на манекене младенца, научиться пеленанию, наматыванию слинга, в котором конечно же и собирались носить будущих детей эти экомамы, и некоторым другим родительским хитростям. Но Лида совершенно не собиралась целиком и полностью перенимать эту странную природную философию. Да, она планировала рожать без анестезии, но не из-за гармонии со вселенной, а из собственного спортивного азарта. Кто, как не она, некогда юношеский чемпион России по баскетболу, должна была родить четко, гладко, без боли и единого всхлипа. По крайней мере, так она себе это представляла.

Гораздо сильнее понравилась Лиде доктор Карпентер. Это была тоже высокая женщина, не жалующая косметику, с поставленным тренерским голосом. Она говорила четко и только по делу, но что-то в ней было такое настоящее, человеческое, что Лида готова была ловить каждое слово.

Она следила за питанием Лиды, за весом и анализами. В отличие от более либеральных коллег, она сразу объяснила свою политику: «Я делаю назначения, вы слушаетесь, иначе мы зря теряем время». И этот язык здравого смысла Лида ценила и понимала. Наверное, так общался с ней дед, а именно его ей сейчас не хватало.

Когда на прием вместе с ней явился Андерс, она даже бровью не повела. То ли она не знала о его звездном статусе, то ли просто не подавала вида. Она обращалась к нему мистер Норберг – и никак иначе.

Он мучил ее вопросами, и надо отдать ей должное: она отвечала очень терпеливо. Андерс искал в интернете информацию по каждому результату анализа, а потом снова переспрашивал у доктора Карпентер. И этот человек называл Лиду занудой?

По совету врача он убрал из дома все соленое, острое и копченое и постоянно подсовывал Лиде свежие фрукты и овощи.

– Я скоро стану кроликом, – жалобно говорила она, глядя, как он выкидывает остатки салями.

– Ты будешь самым прекрасным кроликом, Лидия, – ласково отвечал он и отправлял в мусорное ведро ее соленые огурчики.

Эта история совершенно покорила тетю Олю, когда они в очередной раз болтали с Лидой по скайпу. Андрею стоило титанических усилий научить мать и бабушку иметь дело с планшетом, но теперь они могли хоть как-то видеться.

– Когда я была беременна, – рассказывала тетя Оля, – мне страшно хотелось понюхать клеенку. Пришлось самой с огромным животом тащиться в переполненном автобусе в хозяйственный. Моему было совершенно наплевать, чего мне там надо. А твой смотри, как заботится.

– Он чудесный, – кивала Лида не без некоторой, правда, тоски по копченой колбаске.

Тетя Оля вздыхала от умиления и продолжала рассказывать о том, какую непутевую девушку встретил Андрей: ногти черные, штаны кожаные, ездит на мотоцикле. А бедра-то, бедра! Узкие, как у мальчишки! Ну где от такой внуков дожидаться?

Вечерами Андерс допоздна читал сценарий и учил текст. Он был дотошным трудягой: постоянно выискивал информацию и изучал что-то для своей роли. Под внешней легкостью актерской профессии залегали

пласты рутинной и кропотливой работы. Андерс оказался въедливым и самокритичным, и даже в те моменты, когда Лиде казалось, что лучше подать реплику просто невозможно, находил к чему придраться.

Отдельным испытанием стал совместный просмотр его фильмов. Андерс постоянно видел моменты, которые мог бы сделать иначе, и впадал в раздражительное самоуничижение.

Кто-то из знакомых посоветовал Андерсу хорошую клинику для Лиды. Он не пропускал ни одного визита к врачу. Временами, когда Лида заставляла Андерса с книгой о воспитании детей, ей казалось, что он не в пример серьезнее относится к рождению ребенка, чем она.

Шведский по скайпу давался Лиде с трудом, благо Густаф отличался терпением и высылал ей пособия для самостоятельных занятий. За два месяца она научилась рассказывать о себе и своих увлечениях, объясняться в магазине и в аэропорту. Носитель языка дал ей возможность отчасти понимать и любовное бормотание Андерса: в постели он часто переходил на родной язык. Не без удовольствия Лида различала в его шепоте слова «любимая», «хочу тебя», «красивая» и «малышка». Пытаясь воспроизвести непонятные слова и добиться перевода от Густафа, Лида только вгоняла своего наставника в краску.

Лида не показывала виду, что иногда понимает телефонные разговоры Андерса с родными. С одной стороны, ей не хотелось подслушивать, с другой – она мечтала сохранить секрет для праздничного сюрприза. Изучение шведского словно стало ее тайной суперсилой. Зато теперь знала, что Андерс нахваливал ее своей маме. Лишь в разговорах с сестрой Элин он постоянно срывался на ссоры: она явно отказывалась верить в бескорыстие русской журналистки.

В начале ноября в Нью-Йорк приехал папа Андерса Себастиан с молодой женой Аmandой и маленьким сыном Лукасом. Чтобы представить Лидию отцу, Андерс пригласил всех в ресторан.

Себастиан Норберг был среднего роста, а рядом с сыном его вполне можно было назвать невысоким. Скромное брюшко, редящие волосы и заурядные черты, поддавшиеся возрасту, сделали бы его некрасивым, не будь у него лучистых глаз. Тех самых, что так привлекали Лиду в Андерсе. От улыбки лицо Себастиана преобразалось, и он выглядел задорным мальчишкой. В такие мгновения Лида могла понять, что привлекло в шестидесятилетнем актере молодую красавицу Аманду. Лида старательно вытесняла из головы мысли о причинах мезальянса и запрещала себе осуждать будущего деда ее ребенка. Но все же ей было обидно за мать Андерса, отправленную в отставку после рождения четырех детей.

Чадолюбие было, очевидно, семейным качеством Норбергов. Андерс самозабвенно возился с двухлетним братом Лукасом, а Себастиан первый час мог говорить только о новых достижениях своего младшенького. Белокурый Лукас не мог не влюбиться в себя. Лида с трепетом изучала малыша, понимая, что примерно так будет выглядеть ее собственный сын.

Себастиан Норберг держался с ней дружелюбно и ровно. Никаких «добро пожаловать в семью» или «оставь в покое моего сына». Однако на улице перед рестораном Лида случайно услышала обрывок разговора Андерса с отцом. Если во время ужина из уважения к дамам они общались на английском, то теперь перешли на родной язык. Лида стояла чуть поодаль и старалась не показать, что пытается разобрать слова.

– Ты уверен? – спрашивал сына Себастиан.

– Да.

– А если бы не было ребенка?

– Она – мой человек. Я давно... – дальше Лида не смогла понять.

– Тебе хорошо с ней?

– Да.

Больше ей не надо было знать.

На следующий день Андерс встал рано, и Лида лежала в кровати и смотрела, как он одевается.

– Не спишь? – спросил он, поймав ее взгляд.

– Не сплю.

Андерс сел на краешек кровати и взял Лиду за руку.

– Съёмки заканчиваются через две недели. Поедем потом в Швецию?

– С удовольствием. Мне только надо взять медицинскую карту у доктора Карпентер и купить теплую одежду.

– Я думаю, нам стоит пожениться.

– Что?

– Ты выйдешь за меня?

– Очень романтично.

– Подожди минуту, – он приподнялся, чтобы залезть в карман штанов, и достал маленькую ювелирную коробочку. – Это тебе.

Лида посмотрела на аккуратное обручальное кольцо из белого золота. Ей хотелось услышать признание в любви, прыгать от радости и мечтать о прекрасном будущем. Но все вышло буднично и прагматично. Вот и он: брак по залету.

Андерс определенно был мужчиной ее мечты. Так хорошо ей не было ни с кем. Однако она никогда не смогла бы узнать, как сложились бы их отношения, не будь ребенка. Почувствовал бы он себя обязанным

жениться? Стал бы тратить на нее свое время?

– Лидия, скажи что-нибудь.

– Да, прости. Наверное, ты прав.

– Ты согласна?

– Да.

И все же ей подумалось, что честности и романтики в их отношениях раньше было намного больше. Над ними не висел призрак долга.

После ухода Андерса Лиду заняли мысли о свадьбе. Вопросов возникало все больше. Он не сказал о дате, о месте, о своих планах на церемонию. У Лиды не было ни малейшего желания устраивать фееричное торжество, чтобы выкинуть сотни тысяч ради одного дня. И она не сомневалась, что Андерс тоже не стал бы заниматься показухой.

Еще Лида не имела ни малейшего представления о юридической стороне вопроса. Она была гражданкой России, он – шведом, для заключения брака наверняка требовались специальные документы. И Андерс ничего не говорил о брачном контракте. Лида решила, что сама настоит на его составлении, чтобы развеять чьи бы то ни было сомнения в своих намерениях. В конце концов, обладая дачей и квартирой, она не была нищей невестой.

В интернете Лида присмотрела себе скромное свадебное платье до колен с отделкой из тонкого винтажного кружева. В нем было что-то трогательное и хрупкое. Выбор моделей для беременных оказался невелик, а покупать нечто пышное и сияющее Лида не собиралась. И все же она отложила покупку, намереваясь выяснить у Андерса: до родов он собирается сделать ее честной женщиной или после.

– Я не вижу энтузиазма и нетерпения, – сказал Андерс, когда за ужином они обсуждали предстоящую свадьбу.

– Ты думал, я буду визжать над свадебными журналами?

– Не знаю, обычно женщин больше радует перспектива выйти замуж.

– Не сомневаюсь, что вокруг тебя много таких женщин.

– Я разговаривал с юристом из Швеции, – Андерс проигнорировал ее выпад. – Тебе надо будет получить документы о том, что ты не состоишь в браке. Это можно сделать не только в России, но и в русском посольстве в Стокгольме. Потом нам выдадут разрешение на брак. В случае беременности это обычно делается быстро. А потом мы сможем пожениться в мэрии или в церкви.

– Разве ты религиозен?

– Нет. И я знаю, что ты придерживаешься своей веры. Но в Швеции это скорее традиция. В церкви всегда проходят торжественные свадьбы.

Что ты думаешь?

– Я не в том положении для большого праздника. Будет хорошо, если я не рожу на церемонии.

– Я бы хотел, чтобы пришли мои родные. Мы можем пригласить и твоих родственников.

– Они живут в Санкт-Петербурге, и я не думаю, что они решат поехать. Я бы пригласила свою подругу, с которой встречалась в Малибу, но у нее начнется сезон игр, вряд ли она сможет взять выходные. Поэтому лучше мэрия.

– Я возьму это на себя. В Седермальме есть небольшая церковь...

– Как хочешь. Зачем тогда ты спрашиваешь мое мнение?

– Лидия, ты в порядке?

– Да. Я хотела обсудить брачный контракт.

– Зачем?

– Чтобы ты и твоя семья были уверены во мне. Ты должен обезопасить себя.

– В Швеции неплохие законы на этот счет.

– Я забыла, что ты уже проконсультировался с юристом. И все же я хочу составить контракт. И оговорить, чтобы в случае развода ребенок остался со мной.

– Ты думаешь, я мог бы отобрать у тебя сына?

– Я знаю, как развод портит людей.

– Почему ты только и говоришь о разводе? Я не собираюсь жениться на пару лет.

– Разве ты не хотел обеспечить ребенку шведское гражданство?

– Если он родится в Швеции и я дам ему свое имя, он и без нашего с тобой брака получит все права. Я думал, что мы поженимся, потому что оба этого хотим, разве нет?

– Конечно.

– Лидия, что происходит у тебя в голове?

– Ничего, я просто немного устала. Надо записаться к доктору и получить одобрение на перелет.

– Хорошо, сейчас мы отложим разговор. Но я уверен, что тебя что-то беспокоит.

Андерс был прав. Ее не покидало неясное ощущение тревоги, но Лида не хотела выглядеть мнительной. Она заставила себя отвлечься и оставшиеся в Нью-Йорке дни посвятила покупкам.

Густаф сказал ей, что в Стокгольме редко бывают суровые зимы, но из-за близости моря дуют сильные ветра. Поэтому она купила теплых вещей, а

заодно выбрала небольшие рождественские подарки для семьи Андерса. До праздников было еще далеко, но Лида не знала, сколько времени займет бумажная волокита и какие сюрпризы ей подкинет беременность.

В одном из магазинов ей попались красивые мужские часы с изображением корабля. Ей вспомнилось, что Андерс служил на флоте и что познакомились они на премьере фильма «Морская атака». Она купила часы и заказала гравировку «Я помню», решив, что это станет хорошим подарком на Рождество для ее будущего мужа.

Почти перед отлетом Лидия наведальась в свадебный салон, чтобы забрать то кружевное платье. Оно делало ее прехорошенькой и юной, если не принимать во внимание внушительных размеров живот.

Утром 20 ноября их самолет приземлился в Стокгольме. Было промозгло и влажно, в воздухе висела колючая изморось. Андерс, привыкший путешествовать налегке, с ворчанием утрамбовывал чемоданы в машину брата Кристера. Семья делегировала его, чтобы доставить Андерса домой.

Лиду усадили на заднее сиденье, и она, прислонившись лбом к стеклу, изучала пробегающий пейзаж под размеренную шведскую болтовню. После долгого перелета у нее ныла поясница, а желудок терзали изжога и нервное предвкушение знакомства с родными Андерса.

Седермальм, остров рядом с центром Стокгольма, оказался тихим и довольно уютным, что особенно чувствовалось после Нью-Йорка с его трафиком и высотками. Холмы и узкие улочки несли в себе очарование старой Европы. Трех- и четырехэтажные дома теплых цветов тесно лепились друг к другу.

Норберги обитали в особнячке из красного кирпича со скудной растительностью у входа. Ноябрь мешал насладиться ландшафтным дизайном во всем великолепии, но Лида узнала кусты сирени и акации. Весной, вероятно, этот дом выглядел дружелюбнее.

Ингрид, мама Андерса, настояла, чтобы они первым делом приехали к ней, потому что в квартире давно не топили и не убирались. Терзаемые любопытством, к маме наведались и остальные члены семьи. Андерс предупредил Лиду, что Элин и Петер, самые младшие его сестра и брат, все еще живут с матерью, но к полной гостиной народу Лида была не готова.

Когда Лида появилась на пороге, разговоры стихли, и множество незнакомых глаз воззрилось на нее, тщательно изучая. Андерс представил ее своей маме Ингрид и, конечно, сестре Элин, братьям Петеру и Олли, жене Кристера Уне с дочками Бертой и Идой и старушке Агнес, сестре покойной бабушки Кайсы, той самой, что проводила с маленьким

Андерсом каждое лето.

Старушка Агнес и малышки Берта с Идой английским не владели, зато остальные члены семьи могли изъясняться вполне сносно, поэтому без усталости атаковали Лиду вопросами. Она отвечала, старалась быть внимательной и вежливой, но чувствовала постоянные взгляды на своем животе и изо всех сил боролась с желанием прикрыть его руками.

Вскоре Ингрид позвала всех к столу, и Лида была рада короткой передышке. Андерс сел рядом с ней, но был с головой погружен в общение с младшим братом Петером, высоким, худым и немного сутулым подростком с длинными волосами. Петер говорил быстро и явно пользовался каким-то сленгом, отчего Лида почти не понимала его речь.

Она по-прежнему не показывала, что немного знает шведский язык. Рано или поздно ей пришлось бы признаться, но не теперь. Языковой барьер служил ей подушкой безопасности, щитом, укрывавшим в новой обстановке.

За столом семья Норбергов общалась преимущественно на родном языке с редким вкраплением английского ради Лиды. Девушка получила возможность освоиться и внимательнее изучить будущих родственников.

Ингрид была невысокой и темноволосой, ничто в ней даже отдаленно не напоминало Андерса. Медицинская профессия дала ей какую-то внешнюю строгость, молодость в духе хиппи явно давно уже канула в небытие. Она говорила редко и мало, но чувствовалось, что именно она – стержень семьи. Ей Лида хотела понравиться больше всего, но выражение лица Ингрид было трудно расшифровать.

Кристер был всего на четыре года младше Андерса, но его шевелюра уже редела. Отцовские гены брали свое. Кристер, как и все молодые Норберги, был худощав, но отнюдь не так высок, как Андерс или Петер. Его черты лица напоминали Ингрид, но были более живыми и подвижными. Андерс рассказывал Лиде, что Кристер – тоже актер, но работает больше в театре, чем в кино.

Кристер женился несколько лет назад. Его жена Уна состояла из приятных округлостей. Ее нельзя было назвать толстой, но она была удивительно мягкой и притягательной, часто улыбалась и была пока единственной из Норбергов, чье расположение Лида успела завоевать.

Элин, сестра Андерса, напротив, проявляла враждебность. Кроме сдержанного приветствия она не сказала Лиде ни слова. Лишь иногда Лида ловила на себе ее презрительный, даже брезгливый взгляд. Что ж, наверное, она переживала за брата.

Олли учился в бизнес-школе, ему было всего двадцать, но он с

мечтательным видом рассказывал Андерсу о своей невесте. Открытый, романтичный юноша с глазами олененка.

Тетушка Агнес, сухонькая и сморщенная, была увлечена беседой с Бертой и Идой. Берте было, видимо, года четыре. Она вела себя очень солидно и все рассказывала что-то про свою подружку из детского сада, а трехлетняя Ида с забавными маленьким хвостиками пыталась перетянуть внимание на себя умильными стишками, содержание которых Лиде так и не удалось уяснить.

Это была семья. Большая, настоящая. Лиде было странно и непривычно вдруг оказаться в их доме, но она надеялась, что сможет со временем им понравиться. В конце концов, другой семьи у ее сына не будет.

После обеда Элин и Ингрид собрали со стола, а Андерс отвел Лиду на второй этаж. Это была его старая комната, которую он когда-то делил с Кристером. Мама ничего не меняла в ней: у стены громоздилась двухъярусная кровать, остались плакаты с Guns'n'Roses, Scorpions и какими-то рэперами. Висела огромная фотография любимой футбольной команды Андерса 1998 года с подписями игроков. На письменном столе стояли в рамочках грамоты и детские фотографии.

– Отдохни, прими душ. У тебя очень усталый вид, – сказал Андерс.

– Да, я плохо спала в самолете. И спина немного болит.

– Хочешь, я побуду с тобой?

– Нет, все в порядке. Они соскучились по тебе, – Лида присела на нижнюю кровать.

– Они тебе понравились? Ты была какая-то тихая.

– Они замечательные, Андерс. Тебе очень повезло. Я бы хотела тоже им понравиться.

– Все будет хорошо, – он коснулся губами ее лба. – Я пойду?

– Иди, иди, – Лида улыбнулась.

В этот момент Андерс был похож на мальчишку, которому не терпелось пойти играть с ребятами. Ей захотелось прижать его к себе и никогда не отпускать, но дверь захлопнулась, и Лида осталась одна.

Она уснула, так и не раздевшись: усталость взяла свое. Она собиралась только чуть-чуть полежать, чтобы унять боль в спине, но в тишине на мягком покрывале глаза закрылись сами собой.

Ее разбудили какие-то звуки. Проснувшись, Лида не сразу поняла, где находится. Комната погрузилась в сумерки. Андерс копался в чемодане, тщетно пытаясь не шуметь.

– Привет, – тихо сказала она.

- Привет. Извини, я не хотел тебя будить.
- Сколько времени?
- Пять часов. Слушай, мне позвонили друзья, мы собираемся пойти в бар. Хочешь со мной?
- Нет. Что мне делать в баре?
- Ты не против остаться одна? Мама накроет ужин в восемь. А завтра мы перевезем вещи в мою квартиру. И поедем в русское посольство в Стокгольм.
- Ты уже говорил своим, что мы поженимся?
- Я сказал маме по телефону. Так что все знают. Ладно, я пойду. Чувствуй себя как дома.
- Конечно.

Лидия собралась с силами, приняла душ и переоделась в удобные штаны для беременных и свободную хлопковую блузку. Подумав, что неплохо бы предложить свою помощь на кухне, она стала спускаться вниз, но ее остановили громкие голоса. На кухне кто-то спорил по-шведски.

- Он с ума сошел! – судя по всему, это была Элин.
- Это не твое дело, – спокойно ответила Ингрид.
- Скажи ему, мама! Он испортит себе жизнь!
- Ты знаешь, я никогда не... (Лида не поняла слово). Он взрослый человек.
- Я не приду на свадьбу. Слышишь? Не приду!
- Это неуважение к брату, Элин.
- А он нас уважает?! Как он мог привести ее в наш дом?
- Замолчи, Элин! Она станет частью нашей семьи. Андерс любит ее. Это его выбор.

Элин заговорила в ответ, но Лида не смогла разобрать слов. Вероятно, она выучила еще не все шведские ругательства.

От обиды у нее защипало в носу, и первым порывом было подняться за чемоданом, собрать вещи и уйти из этого дома. Но что она докажет своим поступком? Андерс был прав: за столом она сидела тихо и могла показаться замкнутой и нелюдимой. Она восприняла вопросы как атаку, а в ответ только закрылась и не показала ни малейшей заинтересованности этими людьми. С чего вдруг Элин должна относиться к ней хорошо?

Распрямив плечи, Лида вошла на кухню.

- Миссис Норберг, Элин. Извините, кажется, я заснула. Можно я помогу вам с ужином?
- Просто Ингрид, Лидия, я же просила. Ты хорошо себя чувствуешь?
- Да, спасибо. Перелет был тяжелый, поэтому из меня вышел плохой

собеседник за обедом. Но мне гораздо лучше, и я хочу вам чем-то помочь.

– Мы сами справимся, – ответила Элин.

– Перестань, – сказала Ингрид дочери. – Я собираюсь приготовить любимые тефтели Андерса. Я думаю, Лидии будет интересно научиться.

– Конечно! Он не раз рассказывал мне об этих тефтелях. Мы пробовали заказать в ресторане, и он сам дважды пытался их приготовить, но говорит, что вы делаете лучше.

– Потому что он никогда не спрашивал рецепт. Мужчины никогда не готовят по рецепту, только по вдохновению. А здесь важны все пропорции. Садись, Лидия, и почисть, пожалуйста, овощи.

Элин что-то буркнула по-шведски и вышла из кухни.

– Извините мою дочь. Она привыкла быть в центре внимания.

– Я понимаю. Андерс рассказывал, что у нее непростой характер.

– Непростой? Иногда мне очень хочется ее отшлепать. Итак, на десять человек нам понадобится около двух килограммов фарша. Я беру говядину...

Ингрид озарило вдохновение. Ей было явно приятно осознавать, что только она могла приготовить любимое блюдо сына. Ни в одном ресторане Нью-Йорка не смогли переплюнуть знаменитые тефтели фрау Ингрид Норберг. И тот факт, что Лидия это признала, польстил шведской хозяйке.

– Это рецепт моего отца, Филиппа Персона. Конечно, у моей мамы, Кайсы, был свой семейный рецепт, но папа немного изменил его, и теперь мы делаем тефтели только так. Андерс почти не застал деда, но всегда гордился им. Ведь мой отец был известным детским врачом.

Они разговаривали за готовкой, и в этом было что-то домашнее и родное. Ничто так не сближает женщин, как кухня. Поэтому когда пришла пора накрывать на стол и Уна, ненадолго оставив дочек с Элин, пришла к ним на помощь, вместо нейтралитета Лида уже чувствовала в Ингрид поддержку и расположение.

За столом не было Андерса и Кристера: оба сбежали на посиделки с друзьями. Зато Лида смогла поближе познакомиться с Уной, выудила у нее координаты акушерки и послушала истории о рождении девочек. К разговору присоединилась даже тетушка Агнес, правда, ей пришлось использовать Уну в качестве переводчика.

Потом Лида объявила, что ждет мальчика, и за столом состоялась веселая дискуссия об именах. Петер и Олли явно развлекались, предлагая какие-то немыслимые шведские имена, на что Лида пригрозила им назвать ребенка Васисуалием. Когда она сообщила, что Андерс собирается присутствовать на родах, юноши развеселились окончательно, рассказывая,

что он слабонервный, но тогда Уна встала на защиту Лидии, потому что Кристер видел рождение обеих девочек.

Еще Уна предложила отдать будущим родителям старую кровать Иды и автокресло, а еще теплый конверт из настоящей овчины. Лида с удовольствием согласилась, понимая, что Андерс не станет возражать. Ведь в Лос-Анджелесе им все равно придется все заново покупать.

Вечер прошел хорошо, если не считать того, что во время разговора о свадьбе Элин демонстративно покинула гостиную. И все же Лида была рада дать сыну такую семью. Лежа в кровати, она гладила малыша сквозь натянутую кожу живота, и вдруг ей пришло имя. Впервые она была твердо уверена: это оно. Шепотом она назвала его, словно пробуя на вкус, потом снова, уменьшительно. Ребенок зашевелился. Лида улыбнулась: это был их секрет. Она откроет его Андерсу, когда он возьмет новорожденного сына на руки. И если он после этого не скажет ей о своей любви, то не скажет уже никогда.

Глава 27

По мере приближения свадьбы настроение Лиды портилось вместе с самочувствием. Ноги отекали, двигаться стало тяжело, ночью приходилось бегать в туалет каждые полчаса. Она списывала уныние на гормоны и изо всех сил старалась бодриться в присутствии жениха, а присутствием ее Андерс явно не баловал. Он где-то пропадал целыми днями: то ссылаясь на друзей, то на футбольный матч, то на какую-то бюрократическую возню для свадьбы.

Церемонию назначили на 12 декабря: Андерса позабавила симметрия даты. Он настоял на церкви, хотя Лида говорила, что у нее едва ли хватит сил заниматься украшением и подбором блюд. Андерс сказал, что возьмет все на себя, но, видимо, спихнул большую часть хлопот на мать. Потому что Лида не слышала от него ни слова о ресторане или списке гостей.

Ее накрыла апатия, она понимала, что будет гостем на собственной свадьбе. Лучше было бы и вовсе перенести праздник на весну, когда она придет в себя после родов. Однако во время сбора документов Андерс так яро просил чиновников ускорить ход событий (а люди его узнавали и готовы были расстаться), что Лида и заикнуться не решилась о своих сомнениях. Ему было важно, чтобы сын родился в браке. Возможно, и сыну это было бы важно. В конце концов, если Ингрид вызвалась помочь, то почему бы и нет?

Гораздо больше расстраивало Лиду отношение к свадьбе Андерса. Если она не могла заниматься организацией, то Андерс, казалось, не хотел. Его вечно где-то носило. Единственным напоминанием о предстоящей свадьбе было кружевное платье в шкафу.

Квартира Андерса с белыми стенами и большими окнами, расположенная на втором этаже небольшого дома, почти не имела перегородок. Это была какая-то современная планировка без комнат, но с зонированием. Только спальня частично скрывалась от посторонних глаз книжными шкафами, а кухня, гостиная и столовая сливались в единое холодное пространство. Лида была безмерно благодарна архитектору за огороженный санузел: хоть в этой сфере жизни была допущена приватность.

Андерс явно покупал эту квартиру только для себя: она подходила как место уединения. К сожалению, уединению предавалась все больше Лида. Ее угнетали белый цвет, минимализм и даже электрический камин.

Гормоны и инстинкт гнездования требовали приятных теплых цветов, мягкого дивана и пледов.

В первых числах декабря, когда Андерс по обыкновению отсутствовал, Уна привезла кровать и некоторые вещи для новорожденного. Колыбель из темного дерева и яркое лоскутное одеяльце сделали помещение хоть немного теплее.

За чашкой чая Лида посетовала Уне на холодный и безликий интерьер, на что Уна ответила, что лучшие перестановки совершала во время беременности. Они захватили Петера, единственного члена семьи, который не нашел себе на субботу занятия поинтереснее, и отправились на машине в любимый магазин Уны.

Петер изнывал, грозился пожаловаться маме и старшим братьям, но спустя несколько часов его руками в холостяцкую берлогу Андерса были принесены: занавески, диванные подушки, два пледа, новое покрывало на кровать, постельное белье в красно-оранжевую полоску, сервиз веселой расцветки, ваза, пушистый ковер, новая люстра, маленькие электрические качели для ребенка, каруселька, новый детский матрас с красивыми простынками, пеленальный столик и ванночка, пеленки и комбинезончики, полотенце и электрические весы.

Изырая ругательства, некоторые из которых Лида уже научилась переводить, Петер вешал новые занавески под руководством двух беспощадных женщин. Уна вошла во вкус, ее цветовые пристрастия были близки Лиде. Гостиную оживили сочные синие и зеленые тона, кухню-столовую – зеленые и желтые, а спальня стала пристанищем красного и оранжевого. На пол перед кроватью лег мягкий ковер с длинным ворсом, по которому приятно ходить босиком, а в стиральной машине уже крутились простынки с забавными мышками для будущего наследника Андерса Норберга.

Эту картину и застал сам Андерс Норберг, когда явился домой в половине одиннадцатого. Он удивленно осмотрелся, повертел в руках зеленую керамическую кружку и плюхнулся на диван в россыпь разнокалиберных синих подушек.

– Теперь тебе лучше? – только спросил он.

Уна попрощалась с Лидой и уволокла Петера, спасая парня от перекрестного огня. Лиде вдруг стало страшно и жутко неловко. Сначала вся эта игра в дизайнера казалась ей милой выдумкой, теперь же она испугалась, что Андерс разозлится.

– Извини, я должна была спросить. Просто мне здесь было так одиноко... Твоя квартира была очень белой и пустой. Я знаю, ты любишь

минимализм, но мне хотелось немного красок, а Уна знает один магазин... И для ребенка, мы купили вещи для ребенка...

– Все в порядке. Это и твой дом тоже, – он усадил ее рядом с собой. – А квартира действительно была пустой. Я купил ее два года назад и до сих пор не успел до конца обставить. Конечно, сам я вряд ли выбрал бы такие цвета... Но мне нравится. Правда. Теперь она похожа на семейное гнездо. Скоро наш сын будет рисовать на этих стенах.

– Я сама дам ему фломастеры.

– Я рад, что ты хорошо провела день. В последнее время ты выглядишь усталой и печальной. Кажется, ты подружилась с Уной и Петером. Вот уж не думал, что он станет вешать занавески.

– Ты не видел, как он мучился в магазине!

Андерс рассмеялся.

– Лидия, я должен кое-что тебе сказать, – улыбка вдруг сошла с его лица. – Я сегодня разговаривал с людьми из Нью-Йорка. По поводу моего последнего фильма. Режиссеру что-то не понравилось. Я должен лететь на пересъемку.

– Когда?

– На следующий день после нашей свадьбы. Извини. Они хотели снимать немедленно, но я попросил отсрочку на неделю. Это займет не так много времени, десять дней максимум. Я прилечу, как только смогу. И Рождество мы отметим вместе.

– Хорошо, – Лида попыталась скрыть разочарование и отвернулась, чтобы он не видел ее лица. – Тебе сделать что-нибудь перекусить? Я не знала, будешь ли ты ужинать дома.

– Все в порядке, мы с ребятами поели.

– Андерс, у меня к тебе просьба. Отвези меня завтра к врачу. Уна посоветовала акушерку, у которой она рожала. Я хочу познакомиться, сдать необходимые анализы и обсудить роды. Остался всего месяц.

– Во сколько?

– Я записалась на десять.

Андерс согласился, и на следующий день они поехали в клинику. С удивлением Лида обнаружила в приемной множество мужчин. Видимо, шведы старались принимать активное участие в появлении на свет своих детей и после зачатия.

В Швеции царили свои порядки, далекие от российских. Беременность не считалась болезнью, а родами занимались акушерки. Врачей привлекали только при осложнениях. Госпожа Хедлунд, крупная женщина за шестьдесят, вполне вписалась бы и в московскую больницу, если бы не

добродушная улыбка и невероятная любезность. Она поведала, что Андерс сможет присутствовать на родах, а после – разместиться с Лидой и малышом в палате за символическую по сравнению со Штатами сумму.

Медсестра взяла у Лиды необходимые анализы и едва ли не сразу же выдала некоторые результаты. После УЗИ Лиду отправили домой, снабдив брошюрами со специальной гимнастикой и назначив прием через неделю. Госпожа Хедлунд дала Лиде свой номер телефона и электронную почту для связи. Она неплохо говорила по-английски, как и большинство шведов, и была терпелива и дружелюбна.

После приема Лида почувствовала облегчение. Неизвестность и необходимость принимать решения изматывали ее, теперь же, имея перед собой четкий план действий, Лида успокоилась.

Стокгольм покрывала тонкая пелена влажного снега, но они с Андерсом решили немного пройтись по Старому городу. Лида вполуха слушала познавательные экскурсионные замечания своего спутника, просто наслаждаясь его близостью. Она уже скучала по нему. Смутная и необъяснимая тревога выныривала из ее подсознания, заставляя сильнее сжимать его руку. Ей очень не хотелось, чтобы он уезжал, она жаждала ласки и утешения, но какой-то барьер еще стоял между ними, не давая полной уверенности друг в друге, не позволяя ей расслабиться и почувствовать Андерса своим. Она будто бы боялась, что он материализовался в ее жизни из некой мечты и вот-вот растает. Во всем, что касалось чувств, Андерс был скрытен, он мог часами говорить о работе, о книге, весело трепаться на отвлеченные темы, но Лида до сих пор не знала, как он относится к ней, испытывает ли хоть малейшую радость по случаю предстоящего брака. В физическом влечении, правда, сомневаться не приходилось, но в остальном она имела дело с китайской головоломкой.

Закрытость Андерса не давала Лиде открыться самой. Конечно, накануне свадьбы ее признание в любви не было бы встречено отповедью или насмешкой, но она боялась и пустого любезного «я тоже тебя люблю», сказанного, чтобы не нервировать беременную женщину.

Погруженная в эти размышления, Лида неожиданно набрела на идею. Ее вдруг осенило, что если она не может поговорить с Андерсом о чувствах из-за его молчания, то и он, возможно, страдает от того же самого. И поскольку лично ей такая ситуация была невыносима, она решила пойти на разговор первой. Однако затевать выяснения перед свадьбой не хотелось, да и на самой свадьбе признание выглядело бы отрепетированным элементом праздника.

Чем дальше, тем гениальнее казалась Лиде мысль признаться Андерсу

в любви на Рождество, когда он вернется из Нью-Йорка и они будут предоставлены друг другу. Когда впереди будет его отпуск и рождение ребенка. Она все равно собиралась в качестве подарка продемонстрировать свои успехи в изучении шведского, так почему бы не совместить это с признанием? И Лида вознамерилась сочинить трогательную и искреннюю речь о том, как она его любит, и звучание родного языка для Андерса только подтвердит ее посыл. И если все пройдет так, как она задумала, то их сын родится на свет в любящей настоящей семье.

Однако мысли о предстоящем отъезде Андерса беспокоили Лиду все сильнее. Пытаясь отвлечься, Лида звонила родным в Питер и Ане в Штаты с известием, что выходит замуж. Тетя Оля и тетя Нина были очень рады, а Исаева и вовсе верещала от восторга, хоть и пожурела подругу за отсутствие приглашения. Лида оправдывалась и ссылалась на скоропалительность церемонии, но Аня все равно считала своим священным правом подвести Лиду к алтарю. Тогда Лида пообещала отправить букет невесты в Америку авиапочтой.

Цветы было положено выбирать самой невесте, и Лида заказала в ближайшем цветочном салоне аккуратную композицию из белых и синих анемонов. В парикмахерской по соседству Лида договорилась об укладке на день свадьбы, предварительно обсудив прическу: несложный пучок, украшенный в тон букета белым цветком и короткой фатой. На простых туфлях с плоской подошвой из-за частых болей в ногах свадебные приготовления Лиды Стрельниковой завершились.

Тревожность лишала ее сна, и на приеме за пару дней до церемонии повышенное давление Лиды вызвало беспокойство у фрау Хедлунд. Она посоветовала завести дома тонометр и хотя бы раз день смотреть на его показания.

День свадьбы выдался снежным. Чтобы соблюсти традиции, Андерс ночевал у мамы, и собственными сборами Лида занималась в одиночку. К полудню за ней заехала Уна.

У небольшой кирпичной церквушки Святого Якова стояло несколько автомобилей. Мокрый снег шел всю ночь, и Лиде пришлось идти от машины в сапогах, чтобы переобуться с букетом в одной руке и туфлями в другой. Уна несла над ней зонт.

Они не планировали шествия по проходу с посаженным отцом: его просто не было. Поэтому Лида вошла в полумрак старинного здания и оказалась среди гостей. Увидев фату, они расступились, и Лида поздоровалась с теми из них, кого уже знала. Андерс сидел в переднем ряду и разговаривал с Фарухом и отцом: Себастиан Норберг тоже приехал. Лида

переобулась, повесила пальто и пошла к Андерсу. Она вдруг вспомнила, как в день их знакомства ждала, когда он освободится для интервью. Кристер окликнул его, он обернулся и увидел ее. На его лице появилась радость, смешанная с какой-то детской нерешительностью.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – она улыбнулась.

– Ты очень красивая, – его взгляд нежно пробежался по ее телу, задержавшись на округлости живота.

Лида вздрогнула, как будто он касался ее пальцами.

– Ты тоже, – ответила она.

– У меня сюрприз для тебя, – сказал Андерс и подвел ее к дальней скамейке.

Там сидела Аня Исаева.

– Я не хотел, чтобы ты была на собственной свадьбе совсем одна.

– Аня! Ты все знала! И заставила меня чувствовать себя виноватой!

– Я не могла испортить Андерсу сюрприз. Я прилетела вчера, и, знаешь ли, было очень сложно не позвонить тебе сразу же.

– Я так рада! – Лида обняла подругу и почувствовала, как солнечная детская радость впервые за долгое время волной охватила все ее существо.

Гости заняли свои места. Андерс и Лида, держась за руки, подошли к алтарю, чтобы через несколько мгновений вернуться мужем и женой.

Потом все отправились в уютный местный ресторан, украшенный белыми цветами и полотнами. На небольшой сцене играла молодая шведская рок-группа. Музыка была приятна, еда – вкусна, гости – добродушны. Лида не могла поверить, что Андерс сам устроил весь этот праздник, и удовольствие от его внимательности могло сравниться только с гордостью от слов «фрау Норберг».

Глава 28

Наутро Андерс уехал.

Лида провела день с подружкой: они гуляли в Скансене, а потом обедали и пили горячий шоколад.

– Кажется, его семья приняла тебя, – заметила Аня.

– Кроме Элин.

– А, сестрица? Да, девочка с характером.

– Ума не приложу, что я ей сделала.

– Это женская ревность.

– К брату?

– Она кажется избалованной и вздорной, сразу видно единственную дочку среди нескольких сыновей. Наверное, не хочет делить свой трон с кем-то другим.

– Но ведь она хорошо относится к Уне, жене Кристера.

– Уна тихая и мягкая, она Элин не ровня. А ты умудрилась скрутить Андерса в бараний рог за одни сутки.

– Ничего подобного.

– Брось. Он вернулся в Москву, хотя не знал о твоей беременности. Видимо, ни о чем другом думать не мог. Значит, ты его здорово зацепила. А как он расстарался для свадьбы? Ты для него очень много значишь.

– Надеюсь. Но он до сих пор ни разу не сказал, что любит меня.

– Значит, подтолкни его.

– Да, я думала об этом.

И Лида рассказала о своем плане. Исаева пришла в восторг.

– Ты снесешь ему башню! Не исключено, конечно, что он обидится, когда узнает, что ты и раньше понимала их семейные разговоры, но все равно... Да у него просто крышу сорвет! А знаешь что? Покажи свое признание этому парню... Который занимается с тобой шведским. Пусть он поможет с текстом. Для полноты картины у тебя не должно быть ни одной ошибки.

Лида тоже так подумала. Теперь, когда свадьба была позади, она смогла заняться подарком для Андерса. Накануне своего отъезда Аня помогла подружке украсить квартиру рождественскими гирляндами и нарядить небольшую елку.

Поддавшись порыву, Лида испекла имбирных пряничков, заботливо разрисовала их разноцветной глазурью и упаковала подарки. Что-то

пришлось докупить, чтобы порадовать всех домочадцев Андерса, а в особенности дочек Уны. Это было первое западное Рождество Лиды, и ей хотелось почувствовать дух праздника.

После прогулок или уборки давление немного поднималось, но фрау Хедлунд сказала, что на таких сроках это может быть вариантом нормы. И все же призывала будущую мамочку побережться. Лида не стала волновать Андерса через океан, чтобы он мог спокойно закончить съемки.

Ингрид иногда заглядывала проведать новоиспеченную невестку и приносила своей стряпни. Андерс оставил матери ключи от квартиры на всякий случай, и Лида была рада время от времени попить чаю со свекровью.

Через неделю после свадьбы Лида решила заняться речью. Она набросала черновой вариант и хотела обсудить его с Густафом, но тот сослался на проблемы с интернетом и предложил встретиться лично. Погода была промозглой, ветер неистово разбрасывал острые капли ледяного дождя. Лида пригласила молодого учителя к себе.

Она сварила горячего шоколада, – ведь в Швеции на Рождество без него не обходится ни одна семья, – и подала свои имбирные прянички.

Будущий лингвист Густаф был рад перспективе посидеть в тепле и тишине. Он снимал квартиру с несколькими другими студентами, и судя по рассказам, в их жилище царил невоздержанное безумие юности: музыка, пьяные вечеринки, галстуки на двери. Густаф чурался этого: он был скромен и тих. Из тех парней, которых дразнят ботаниками. Он чем-то напомнил Лиде Виталика: тоже длинный и худой, тоже вытянутая толстовка и футболка с забавными картинками.

Он зашел в квартиру, как большая промокшая птица, сверкая крупными каплями на стеклах очков. Ни одна русская женщина, а уж тем более беременная, не смогла бы удержаться от искушения накормить его. Лида разогрела домашнюю стряпню Ингрид, подала салат и немного вина.

– Я ничего не возьму с вас за этот урок, – проговорил Густаф, обмакивая хлеб в густую подливку.

– Это просто обед, – Лида пододвинула к нему миску с салатом. – Урок будет потом.

И Густаф с удовольствием положил себе добавку. Он был сыт и доволен, а Лида радовалась, что свободно может говорить по-шведски с настоящим шведом.

– Видите ли, я хочу сделать подарок мужу, – сказала Лида, когда они с горячим шоколадом и пряниками перебрались на диван.

– Андерсу Норбергу? – лукаво подмигнул Густаф.

– Но откуда вы...

– Я видел в газетах. Кажется, на прошлой неделе напечатали фотографии с вашей свадьбы. Вы выглядели потрясающе!

– Я не читаю газет. Да, мы поженились. Мой подарок будет очень... не знаю слово. Только между мной и Андерсом.

– Личным? Интимным?

– Да. Но это не то, о чем вы думаете.

– Неужели?

– Густаф, пожалуйста. Господин Норберг... Андерс не знает, что все это время я учила шведский язык. Я хочу сделать ему сюрприз.

– И чем я помогу помочь?

– Я написала текст. Это признание в любви. Я хочу, чтобы вы послушали и исправили мои ошибки. Но я должна предупредить вас, что это должно оставаться в тайне. Никакой прессы, никакого Интернета.

– Лидия, вы меня обижаете! Я никогда так не поступил бы.

– Хорошо. Я вам верю.

– Тогда начинайте, я вас слушаю.

Лидия взяла листок, прочистила горло и начала:

– *Дорогой! До встречи с тобой у меня было все. Семья. Парень. Работа. Но когда я увидела в экране...*

– На экране, – поправил Густаф.

– *На экране, – Лидия сделала пометку, – твои глаза, я поняла, что пропала. Что моя жизнь никогда не станет прежней. Я знала, что не смогу жить с нелюбимым человеком. И все, что я имела, я готова была потерять ради одной ночи с тобой. Я не раз ругала себя за безрассудство. Но в глубине души я всегда понимала: я никогда не смогла бы поступить иначе. Только тогда, с тобой, я чувствовала себя счастливой. Наполненной. Только с тобой я стала женщиной. Я влюбилась. Я держала тебя на расстоянии, потому что боялась, что все закончится. Что я потеряю тебя слишком быстро. Что никогда не смогу до конца обладать тобой, потому что мы из разных миров. А меньшего мне было недостаточно. Но ты заставил меня переступить через себя. Я была готова стать кем угодно, лишь бы оставаться частью твоей жизни. Подругой, любовницей...*

– Вот ты сука!

Лидия обернулась и увидела Элин с телефоном в руках.

– Значит, ты не говоришь по-шведски? – злобно спросила она.

– Как ты сюда вошла?

– Мама попросила, чтобы я навестила тебя. И знаешь, я рада, что

пришла. Я отправлю все Андерсу, и он наконец-то поймет, кто ты такая.

– Ты что, снимала?!

– Не ожидала, да? Теперь у него будут доказательства.

– Элин, ты все неправильно поняла...

– Мне не надо ничего понимать! Пусть поймет Андерс!

Элин развернулась и выбежала, хлопнув дверью.

– Кто это, Лидия? – спросил Густаф.

– Сестра моего мужа. Она решила, что вы – мой любовник.

– Я уверен, ваш муж все поймет. Вы же просто читали текст!

– Я думаю, да. Я надеюсь. Но сейчас вам лучше уйти. Вот, возьмите, –

Лида достала кошелек.

– Я ничего не возьму! Из-за меня вы попали в такую ситуацию. С этого дня – только скайп!

– Хорошо. Спасибо, Густаф. Я напишу вам.

Он ушел, и Лида устало опустилась на диван. Ее немного мутило от волнения. Она взяла телефон и попыталась позвонить Андерсу: он был недоступен. Тогда она написала сообщение: «Андерс, я не знаю, что отправила тебе Элин. Все не так. Мы должны поговорить! Я собиралась сказать тебе это на Рождество». Но Андерса по-прежнему не было в Сети, и Лида решила пораньше лечь спать.

Ингрид не звонила и не заходила, хотя Лида не сомневалась, что Элин первым делом доложила обо всем матери. Лида не хотела идти первой. Не сейчас. Она чувствовала себя уставшей и разбитой, а скандалы и оправдания только бы все усугубили. Всю ночь она вертелась в постели. Голова раскалывалась, поясницу сводило болью. Утром Лида догадалась померить давление – 155 на 80. Она вызвала такси и позвонила фразу Хедлунд.

– Я же просила вас поберечься! – расстроено сказала акушерка. – Думаю, будет лучше, если вы побудете у нас под присмотром несколько дней.

– В больнице?

– Нет, что вы! У нас есть специальный отель для пациентов при больнице. Вы сможете выходить, когда захотите, но я всегда смогу вас осмотреть. И вам назначат доктора. Не переживайте, пока нет никакого повода для волнения.

– Но Рождество...

– Лидия, если все будет хорошо, вы поедете домой. К вам могут приходиться родственники. Соберите вещи, которые вам понадобятся, и приезжайте. Я буду вас ждать.

Лида расстроилась, но меньше всего ей хотелось подвергать риску сына. Она еще несколько раз набрала Андерса, но все безрезультатно. Тогда Лида сложила упакованные подарки под елку, а маленькую коробочку с часами для Андерса положила на стол и оставила записку:

Если я тебя не увижу – с Рождеством!

Поздравь от меня всю семью.

Лидия

Она не стала писать про давление и больницу, потому что даже не знала, когда придет Андерс, и не хотела его волновать, надеясь, что он еще сто раз позвонит.

Но он не звонил. Лидия собрала вещи, и такси отвезло ее в «отель для пациентов». Он так и назывался: «Пациент-отель». По сути, там были обычные палаты. Больничные кровати на колесиках с регулируемой спинкой, кнопки вызова медсестры, дежурный пост. И все же он разительно отличался от российской больницы, где довелось побывать Лиде. Никакого запаха хлорки и бахил для посетителей. Лида повесила уличную одежду прямо в номере-палате на крючок, и никто даже не подумал отбирать у нее вещи.

Госпожа Хедлунд вызвала Лиде доктора, у нее взяли анализы и поставили КТГ.

– С ребенком все в порядке, – сообщил врач. – Но из-за давления может нарушиться кровоток в плаценте, а это вызовет у плода кислородное голодание. Поэтому вам лучше остаться. Я назначу некоторые лекарства. И вам каждый день будут делать КТГ.

Телефон Андерса не отвечал. Возможно, муж уже получил злосчастное видео от Элин и теперь не желал знать Лиду. Она пыталась позвонить Ингрид домой, но трубку взяла Элин и тут же бросила ее, как только услышала голос Лиды.

В какой-то момент Лида почувствовала смертельную усталость. Как дура она пыталась влиться в эту семью, старалась всем понравиться и угодить. А ведь у нее тоже была гордость! Пусть она и не заслужила мировую известность, она любила Андерса и готова была стать ему хорошей женой. И если он хотел бы, то непременно нашел бы способ с ней связаться.

Старательно отбрасывая эмоции, чтобы не вредить малышу, Лида осваивалась в отеле. Она подружилась женщиной из соседней палаты, которая готовилась произвести на свет своего третьего ребенка. Полноватая Вильма была рада сбежать перед родами в Пациент-отель на недельку.

– Какая тишина, – блаженно говаривала она. – Поверь мне, скоро ты

научишься ценить тишину. И ни одного, – о, Господи, – ни одного кубика легиона! Ты не представляешь, как больно то и дело на них наступать!

Лида верила, что однажды тоже соскучится по одиночеству, ведь с сыном она больше никогда не будет одна. Но теперь без Андерса ей было невыносимо, и она так хотела, чтобы его высокая фигура появилась в дверях.

На Рождество подавали праздничный мясной пирог и вкусный картофельный салат. Еда не слишком полезная, но такая утешительная! Накануне Лида спустилась в магазинчик при отеле и купила себе несколько дисков с хорошими добрыми комедиями. Но и за ними время тянулось нещадно долго.

Вечером 25 декабря, когда Лида была уже не в силах оставаться взаперти, она натянула пальто и вышла на улицу. Подморозило, и дорожки покрылись скользкой коркой. Она прошлась по улице, разглядывая праздничные витрины. Магазины уже закрылись. Лида была одна в чужой стране. Волшебная маленькая Швеция встречала ее закрытыми дверями и холодным зимним ветром.

Лида поежилась и решила вернуться в номер. Было слишком опасно гулять по льду с ее огромным животом. Она открыла свою дверь и замерла: на ее кровати сидел Андерс.

– Ты не хочешь ничего мне сказать? – спросил он. – Или, может, тебе удобнее будет говорить по-шведски, фрау Норберг?

– Андерс, я пыталась позвонить тебе... – радость от встречи разбилась о его разъяренное лицо.

– Что все это значит?! – взревел он и вскочил.

Лида в испуге отшатнулась.

– Успокойся, я не бью беременных женщин! Я вообще не бью женщин. Сядь.

Она послушно опустилась на стул.

– А теперь говори.

– Андерс, я пыталась тебе позвонить, – снова начала Лида. – Ты был недоступен. А потом я позвонила фрау Хедлунд, и она сказала, чтобы я приехала в Пациент-отель. Твоя мама не брала трубку, то есть ответила Элин и...

– Это самое нелепое объяснение, что я слышал. Давай лучше я буду говорить. В Нью-Йорке у меня разбился телефон. Но я решил сделать тебе сюрприз и приехать на Рождество. Я знал, что ты под присмотром мамы. Я прилетел домой, желая поскорее увидеть свою дорогую жену. Вот кретин, правда?

– Андерс...

– Я еще не все. Я прихожу в пустую квартиру. Ни тебя. Ни твоей одежды. Но угадай, что я нашел? *Записку*. Это, видимо, твой фирменный стиль. Изящный способ попрощаться. На сей раз ты даже оставила подарок. Боже, ты всей моей семье оставила подарки! Какая щедрость! – Андерс извлек из кармана ее часы. – Что это, черт подери, означает?! «Помни»?! Я вряд ли это когда-нибудь забуду!

Лида поняла, что муж неправильно истолковал надпись на часах, но он не давал ей вставить и слово.

– Потом я пошел к маме. Где моя жена? Почему мне никто ничего не сообщил? Мама встречает меня с известием, что ты завела себе любовника. Лидия, после свадьбы прошло всего пару недель! Оказывается, Элин отправила мне видео, но я его не получал, ведь я разбил телефон. И тогда она показала мне все сама. Я бы никогда не поверил, если бы не увидел своими глазами. А ведь ты была такой страстной со мной! Это не мне, это тебе стоило выбрать актерскую профессию! Я позвонил фрау Хедлунд, и она сказала, что ты здесь. Неудачное ты нашла место, чтобы спрятаться!

– Андерс, у меня не было... никакого любовника, – слабо сказала Лида.

От волнения у нее скрутило живот, и она поспешила в ванную, чтобы распрощаться с праздничным ужином.

– Ты в порядке? – спросил Андерс. Теперь он выглядел обеспокоенным.

Она кивнула. У нее не было сил говорить, и она достала из сумочки сложенный вчетверо лист бумаги.

– Прочитай, – сказала она.

Он развернул и пробежал глазами. Это было то самое признание в любви на шведском, которое она готовила к Рождеству.

– Что это значит?

– Это тебе. Я начала учить шведский в Нью-Йорке, чтобы сделать тебе сюрприз. Я хотела порадовать тебя. Мужчина на видео... Это Густаф. Он учил меня по скайпу все это время. В тот вечер у него не работал Интернет. И я позвала его домой. Чтобы он проверил мою речь. Я читала ее. Андерс, неужели ты не видел, что я читала? Я хотела, чтобы там не было ни одной ошибки. Знаешь, я всегда думала, что это мне придется ревновать тебя.

– А записка? – неуверенно спросил Андерс.

– После скандала с Элин я не могла до тебя дозвониться. У меня и до этого повышалось давление, но в тот день фрау Хедлунд сказала, что мне надо быть рядом с больницей. Потому что мое состояние может повредить

ребенку. А эти часы... Я их купила в Нью-Йорке уже давно. Мне хотелось, чтобы ты вспомнил нашу первую встречу на премьере «Морской атаки».

– О Господи... – Андерс закрыл лицо руками. – И ты позволила мне на тебя кричать?

– Ты не спрашивал разрешения.

– Элин! Я убью ее!

– Перестань. Она не знала. Извини, я сейчас.

Лида снова поспешила в ванную. Ее тошнило. После нескольких мучительных спазмов она почувствовала, как что-то стекает по ноге. По полу расплывалась прозрачная лужица.

Лида приоткрыла дверь и заглянула в комнату.

– Андерс, позвони, пожалуйста, фрау Хедлунд.

– Зачем?

– У меня отошли воды.

– Но ведь еще рано!

– Спокойно. До срока всего пара недель. Ребенок уже доношенный.

– Да, но...

– Андерс! Звони.

Она приняла душ, и когда пришла фрау Хедлунд, была в полной боеготовности. Схватки начались, но были пока не слишком болезненными.

Процесс шел медленно. Андерс не отходил от Лиды всю ночь.

– Знаешь, я только что понял, – сказал он между схватками, держа ее за руку. – Ведь та длинная речь на шведском была для меня.

– Какое открытие, – сонно ответила Лида.

– Это значит, что ты меня любишь.

– Люблю.

– И я тебя люблю. Слышишь? Очень люблю. Я хочу, чтобы у нас была настоящая семья. Не только из-за ребенка. Хочу видеть тебя по утрам и засыпать с тобой. Хочу, чтобы ты родила мне еще много детей.

– Андерс, – она сжала его пальцы, сгибаясь от новой волны боли. – Пожалуйста, только не сейчас. Я не уверена, что вообще когда-нибудь снова займусь сексом.

– Дыши, Лидия, дыши. Это мы обсудим потом.

Их перевели в родовую палату только на следующий день к вечеру. Лидия не позволяла себе кричать, ей казалось это недостойным. Она молча раскачивалась на четвереньках и иногда грызла одеяло. Сильные руки Андерса мяти ей поясницу, принося недолгое облегчение. Вымотанная донельзя, Лида сдалась и попросила эпидуральную анестезию. Несколько часов она смогла урывками поспать. Иногда она открывала глаза и видела,

как Андерс дремлет на стуле у ее кровати.

27 декабря в четыре часа утра врач, наконец, разрешил тужиться. Андерс стоял у Лиды за спиной, поддерживая ее голову. Через несколько неудачных попыток раздался долгожданный крик. Тепло и мокрого ребенка положили Лиде на живот, накрыв толстой пеленкой. Он тут же успокоился и попытался приоткрыть глаза. Маленький, сморщенный, с длинными и тонкими пальчиками, новый человек недовольно кряхтел.

Ничего прекраснее Лида не видела в своей жизни. Ее грудь болела от любви, которая, казалось, больше не помещалась внутри. Любовь к Андерсу и любовь к ребенку слились в огромную всеобъемлющую волну и хлынули из ее глаз. Сквозь пелену Лида взглянула на мужа и поняла, что он тоже плачет, глядя, как крохотный сын сжимает его палец.

– Спасибо тебе, любимая, – сказал Андерс по-шведски.

– Я люблю тебя. Я люблю вас обоих, – прошептала она.

Потом малыша взяли обработать и сообщили, что новый член семьи Норбергов весит три с половиной килограмма, а ростом – 56 сантиметров.

– Давно не видела такого роста в 38 недель, – покачала головой пожилая неонатолог. – Неудивительно с такими родителями.

Дедушка был бы рад.

Ребенка запеленали и дали на руки отцу, пока врач обследовал Лиду.

– У вас сильное кровотечение, – сказал он. – Плацента плохо отделилась. Нам придется забрать вас в операционную.

Лиду переложили на каталку и повезли, и она только мельком успела увидеть бледное лицо Андерса.

– Тебе лучше?

Туман в голове рассеивался. Лида попыталась сфокусировать мысли и оглядеться.

– Ребенок! Где мой ребенок?! – вдруг пронзила ее мысль.

– Все хорошо, – Андерс склонился над ней. – С нашим сыном все в порядке.

Лида огляделась. Белая комната с кучей приборов.

– Ты в реанимации. Кровотечение уже остановили, но тебе пришлось сделать переливание крови. Теперь все позади. Уже сегодня тебя переведут в палату.

Лида посмотрела на осунувшееся, поросшее щетиной лицо мужа.

– Ты не спал?

– Все в порядке. Я боялся, что потеряю тебя.

– Я здесь.

– Я люблю тебя.

Он уткнулся лицом в ее плечо, и по коротким вздрагиваниям Лида поняла, что он плачет. Теперь она точно знала: этот человек никогда не предаст ее. Он был рядом в самое трудное время. Он был хорошим мужем.

– Лидия! Дорогая! Как ты себя чувствуешь? – Ингрид влетела в палату, как только их с ребенком перевели.

– Все хорошо.

– Прости меня! Я должна была прийти и поговорить с тобой. Тебя не было, и я подумала, что Элин права... Прости! Андерс мне все объяснил. Элин, иди сюда.

В палату вошла зачинщица всей истории. На ней лица не было.

– Лидия, извини... Я не знала... Я думала, ты... Извини, меня.

– О, ты у меня получишь, Элин! – прошипел Андерс.

Его вид говорил, что он поколотил бы младшую сестру не сходя с места, если бы не спящий ребенок.

Элин и правда выглядела очень виноватой.

– Давай забудем, – примирительно сказала Лида.

Рождение сына сделало ее на редкость великодушной.

Следом за Элин в палату вошли Петер, Олли и Кристер. Они тихонько смотрели на спящего племянника.

– Я хочу назвать его Филипп. Филипп Норберг, – Лида посмотрела на Андерса. – А другие два имени предлагай ты.

– Так звали моего деда.

– Я знаю. Твоя мама сказала, что он был хорошим человеком. Я подумала, что наш сын сможет гордиться этим именем.

– Я люблю тебя, – сказал Андерс.

Ингрид порывисто сжала руку Лиды.

– Спасибо.

Потом все ушли, оставив молодых родителей наедине с сыном.

– Я очень люблю тебя, – снова сказал Лиде Андерс, глядя, как мирно посапывает маленький Филипп. – Но, пожалуйста, больше никогда не оставляй мне записок.

Эпилог

– Фишер, пять бросков с угла 45 градусов! Нет, отойди дальше!

– Тренер, у меня не получается...

– Давай, Майк, пять попаданий! Я не тороплюсь!

Длинный чернокожий подросток вздохнул и снова отправил мяч в кольцо.

– Мам, а с какого угла мне бросать?

– Подожди, Фил. Кольца заняты. Потренируйся вести мяч назад.

– Да, ма... Да, тренер.

Лидия смотрела, как сын старательно выполнял упражнение. Он из кожи вон лез, чтобы никто в команде не решил, что у тренера к нему особое отношение. Он не был маменькиным сыночком.

Ему почти стукнуло десять, а он уже стал таким сознательным и упорным! Филипп напоминал ей деда. Высокий, угловатый и серьезный. Его ждало большое будущее.

Вот уже четыре года Лидия работала тренером в одном из лучших детских баскетбольных клубов Нью-Йорка. Она вернулась в родную стихию: зал, скрип кроссовок, звонкий стук упругих мячей. И дети. Эти ребята давали ей сил, энергии, а каждая победа насыщала волнующей эйфорией. Они любили строгую, но крутую миссис Норберг, а она с радостью бежала на работу.

На последнюю игру приезжала Аня. Теперь Карсон, не Исаева. Вышла замуж за красавчика из «Чикаго Буллз» и носила первенца. Конечно, Аня пришла в восторг от своего крестника Филиппа. Ведь он дважды забил мяч. Лида не хотела мешать материнские и тренерские чувства, но разве можно было не сойти с ума от гордости за этого белобрысого чемпиона?

Вот Александр, их младшенький, пошел в отца. Первые месяцы в детском саду, а уже завел нескольких поклонниц. И как было не утонуть в этих глазках, голубых, как чистые шведские озера? Сорванцом рос, конечно. С того самого момента, как выскочил из нее, едва они успели добраться до роддома. Семейное гнездо Норбергов только-только привели в божеский вид после его проказ. Хоть тренерская работа и отнимала всего полдня, малыш Алекс основательно изводил бедную няню. С ним могла сладить только тетка Элин.

– Это тебе за все твои детские хулиганства! – удовлетворенно говаривала бабушка Ингрид, когда Алекс вдохновенно изничтожал теткинны запасы косметики.

Но Элин не сердилась. Она с ума сходила от веселого карапуза и часами проводила с ним время, когда прилетала в гости в Нью-Йорк или когда Лидия с Андерсом и отпрысками навещали в Стокгольме на каникулы. Обязанности тетушки определенно пошли Элин на пользу.

– Миссис Норберг, когда следующая тренировка? – обратилась к Лидии мама Майка Фишера.

– Думаю, в пятницу. Потом все разъезжаем на рождественские каникулы.

– Спасибо, миссис Норберг.

Столько времени прошло с тех пор, а она все радовалась этим словам.

Миссис Андерс Норберг. Его жена.

– Смотри, опять папин плакат, – сказал Филипп, когда Лидия вырулила со стоянки спорткомплекса. – А мы пойдем на премьеру?

– Конечно. Он ведь играет самого настоящего шпиона. Я думаю, тебе понравится.

– Жалко, что опять будет много фотографов.

– Что делать? Все хотят хоть немного посмотреть на нашего папу. Он у нас красавец. Поделимся?

– Поделимся. Но немного. Я хочу на каникулы к бабушке Ингрид.

– Заметано, Фил. К бабушке – так к бабушке.

Они подъехали к уютному белому коттеджу с большими окнами. На припорошенной снегом лужайке Андерс играл с Алексом и Тоби, гигантским лабрадором. Неразлучная парочка явно утомила отца.

– Эй, а вот и мама!

– Мама!!! – завопил малыш Алекс и кинулся к машине.

Но Тоби его опередил.

– Тоби, уйди! Ты испачкаешь мне штаны... Моя куртка, Тоби!

– Мама! Мама! Я играл в футбол! Папа сказал, что купит нам ворота! Я хочу быть футболистом! Можно?

– Конечно, милый, – Лидия чмокнула родную вихрастую макушку.

– Как поживает госпожа тренер? – вальяжно спросил Андерс, засунув руки в карманы.

Потертые джинсы натянулись на его мускулистых бедрах, и Лида почувствовала, как привычно ухнуло у нее внутри. Андерс поймал ее взгляд и довольно улыбнулся.

– О, мне придется отработать штрафной? – прошептал он и прижался к ее губам.

– Фу, папа! – воскликнул Фил. – Сколько можно! У вас же только что была годовщина свадьбы!

– Значит, Тоби целовать можно, а маму нет? Двойные стандарты, молодой человек, – сердито сказал Андерс.

Когда дети были уложены, а посуда после ужина вымыта, Лидия и Андерс поднялись в спальню.

– Ты уже заказал билеты в Стокгольм? – Лидия стояла перед зеркалом, втирая в руки увлажняющий крем.

– Да. На следующий день после премьеры.

– Фил хочет пойти.

– Без проблем. Звонил Кристер, Уна опять беременна, – Андерс стянул футболку, и Лида залюбовалась.

– Понятно, – рассеяно пробормотала она.

– Я подумал: не завести ли и нам еще одного ребенка? Девочку, например?

– Что? – Лида с трудом отвела взгляд от загорелой кожи мужа.

– Третий ребенок. Что скажешь?

– Можно, – Лидия пожала плечами. – Но это тебе не красоваться на экране. Придется поработать. И из-за того, что у вас, Норбергов, всем надо давать по три имени, я не знаю, хватит ли имен на нового ребенка.

– Иди сюда, женщина.

– Хорошо бы, конечно, девочка. Тебе нравится имя Эмилия? У Филадельфии в классе две Эмили, но ведь Эмилия – это другое?

Тут Андерс притянул ее к себе, и Лида с наслаждением вдохнула любимый запах.

Поговорить ведь можно и завтра.

notes

Примечания

1

Здесь и далее все разговоры с участием иностранцев по умолчанию ведутся на английском языке. (*Прим. автора.*)